С 91(98)
Н 823

Норденшельд

Плавание
на
„Вере"

160166

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

С 91(98)
Н 223

П О Л Я Р Н А Я Б И Б Л И О Т Е К А

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

А. Е. НОРДЕНШЕЛЬД

ПЛАВАНИЕ НА „ВЕГЕ“

Перевод со шведского
АННЫ БОНДИ
под редакцией
В. Ю. ВИЗЕ

1948
Архангельск
Обязательный экземпляр государственной
Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова
1966 г.
1955
7925к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ · ЛЕНИНГРАД · 1936

91(98)

VEGAS
färd kring
ASIEN OCH EUROPA
af
A. E. NORDENSKIÖLD

2010
1995
2002
Нейтрализация
20 10 г.

А. Е. Норденшельд

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ВВЕДЕНИЕ

Плаванию, которому посвящена эта книга, предшествовали два других морских путешествия, предпринятых мною из Швеции по западной части Сибирского ледовитого моря. Во время этих плаваний я достиг устья Енисея впервые в 1875 году на рыболовном судне «Pröven» и второй раз в 1876 году на паровом судне «Ymer».

Основываясь на опыте этих двух плаваний и используя знания, приобретенные за это время, а также приняв во внимание прежние, в особенности русские, исследования северного побережья Азии, я полагал себя в праве считать установленным, что путь, которым я два года подряд свободно проходил до устья

Енисея через Карское море, пользовавшееся такой дурной славой, вероятно свободен и на дальнейшем своем протяжении до Берингова пролива и что, таким образом, возможно плавание вокруг Старого Света.

Тут представлялась возможность новых важных открытий, и, естественно, я стал стремиться к ним. Ведь, речь шла о разрешении географической проблемы — о северо-восточном пути в Китай и Японию, что в течение более трех столетий вызывало соревнование первейших торговых государств мира и отважнейших мореплавателей. А если понимать эту проблему как плавание вокруг Старого Света, то разрешение ее было желанной целью географов уже в течение тысячелетий.

Для выполнения этой задачи я вначале решил воспользоваться денежными средствами, предоставленными мне с целью продолжения исследований в Сибирском ледовитом море А. М. Сибиряковым [1] еще после моего возвращения из плавания 1876 года. Но для путешествия в таком масштабе, как рисовалось мне, и для столь продолжительного плавания предложенная Сибиряковым сумма, конечно, была недостаточна.

В виду этого я обратился к королю: не может ли предполагаемая мною морская экспедиция рассчитывать на поддержку из госу-

дарственных средств. Король Оскар обещал в ближайшее время созвать совещание из шведских мореплавателей, доходивших до Енисея, при участии других лиц, так или иначе интересовавшихся нашими северными исследовательскими планами. На меня было возложено представить мотивированное заключение относительно льдов у северных берегов Сибири, в чем я так резко расходился с общепринятым мнением.[2]

Совещание это, которое можно считать днем рождения экспедиции на пароходе «Вега», состоялось в Стокгольме 26 января 1877 года и началось обедом, на котором среди присутствующих были: доктор Оскар Диксон, морской министр фон-Оттер, известный своими морскими путешествиями в арктических водах в 1868 и 1871 годах, доцент Чельман и д-р А. Стуксберг, первый из них — участник зимовки в Моссельбэй в 1872/73 году[3] и плавания в Енисей в 1875 году, а второй — участник плаваний в Енисей в 1875 и в 1876 годах, и доценты Яльмар Тель и А. Н. Лундстрем — оба участники экспедиции в Енисей в 1875 году.

После обеда был представлен план предполагаемой экспедиции, приблизительно в том виде, в котором он был потом опубликован на нескольких языках.[4] В оживленных прениях сталкивались мнения за и против моего

проекта. Особенно подробно обсуждался вопрос о состоянии льдов и о морских течениях у мыса Челюскина.

В заключение король заявил, что он убежден в осуществимости экспедиции и готов оказать ей всяческое содействие. Крупнейший негоциант д-р Оскар Диксон обещал свое участие в больших расходах, которых потребует новая экспедиция. Это было уже шестое путешествие в моря дальнего севера,[5] в большей или меньшей степени финансируемое д-ром Диксоном. Д-р Диксон был в дальнейшем банкиром экспедиции на судне «Вега» и в значительных размерах авансировал суммы для расходов. По возвращении все издержки были поделены между королем, д-ром Диксоном и Сибиряковым.

Большое удовлетворение давало мне то, что в этом новом плавании в полярные моря ко мне присоединились в качестве руководителей зоологическими и ботаническими работами мои старые и испытанные друзья, известные в полярной литературе исследователи, доценты д-р Чельман и Стуксберг. Позднее в этом же году другой участник зимовки в 1872/73 году на Шпицбергене, капитан шведского флота А. Паландер, изъявил готовность сопровождать новую экспедицию в качестве капитана корабля. Я с радостью принял это предложе-

ние, так как хорошо знал по прежним своим путешествиям с капитаном Паландером его исключительные качества моряка и полярного исследователя. Наконец, к экспедиции присоединились: лейтенант итальянского флота Джакомо Бове, лейтенант датского флота А. Говгард, врач Э. Альмквист, русский поручик О. Нордквист и лейтенант шведского флота Э. Брузевиц, кроме того, 21 человек команды, список которых приводится далее.

Экспедиция в таком объеме, как предполагавшаяся, рассчитываемая приблизительно на двухлетний срок, на собственном судне, с многочисленным хорошо оплачиваемым экипажем, да еще и со значительным научным штабом, должна была, конечно, стоить очень дорого. Чтобы несколько сократить расходы, я подал 25 августа 1877 года просьбу королю, чтобы «Вегу», купленную между тем для экспедиции, было разрешено снарядить для выхода в море на военной верфи в Карлскроне, а также чтобы по примеру полярных экспедиций 1868 и 1872/73 годов [6] были предоставлены преимущества чинам военного флота, добровольно принявшим участие в экспедиции. Через морского министра 31 декабря 1877 года король разрешил оплачивать офицеров и матросов военного флота, добровольно участвую-

щих в этой экспедиции, как состоящих на действительной военной службе; кроме того, король велел внести на рассмотрение народного представительства предложение о предоставлении этим лицам дополнительных окладов и некоторых преимуществ.

Риксдаг в 1878 году отнесся к предложению правительства с щедростью, которой всегда отличались представители шведского народа, раз дело касалось научных целей. Было утверждено и представление президента Академии наук К. Ф. Верна о некоторых дополнительных преимуществах.

Я получил также разрешение взять из запасов флота в Карлскроне провиант, медикаменты, уголь, смазочное масло и вообще все необходимое для снаряжения, с обязательством уплаты в случае, если сумма превысит 10 000 крон; наконец, было дано разрешение, чтобы корабль экспедиции был снаряжен и приведен в полную готовность на военной верфи Карлскроны, но с условием, что экспедиция уплатит расходы, если они превысят 25 000 крон.

Вместе с тем моя просьба, чтобы купленный для экспедиции пароход «Вега» носил военный флаг, получила отказ военного министра в письме от 2 февраля 1875 года. На этом основании «Вегу» занесли в следующем

марте месяце в общий регистр шведского мореходного общества.

«Вега», как будет видно из последующего описания, представляла собой довольно большое судно, которое перед выходом в море должно было принять значительный груз провианта и угля. Чтобы обеспечить экспедиции бо́льшую безопасность в первой части плавания, Сибиряков предоставил мне средства для постройки другого, меньшего судна — «Лена». Главным назначением его была река Лена. В начале путешествия «Лена» могла бы служить для «Веги» и посылочным судном, которое, если оказалось бы необходимым, можно было бы послать вперед для исследования льдов и фарватера. Я стал строить «Лену» на заводе в Мотале из шведской бессемеровской стали, главным образом по чертежам финского инженера Р. Рунеберга. Судно вполне соответствовало своему назначению.

Неожиданная возможность снабдить в пути суда углем представилась мне вследствие того, что одновременно с приготовлениями к плаванию «Веги» я получил предложение снарядить для А. М. Сибирякова два других судна — пароход «Фразер» и парусное судно «Экспресс», которые должны были доставить из Енисея в Европу грузы хлеба, а ввезти в Сибирь некоторые европейские товары. То-

вары эти не заполняли просторных трюмов «Экспресса», которыми поэтому можно было воспользоваться для погрузки запасов угля для трех пароходов. Это было особенно удобно потому, что «Вега» и «Лена», согласно нашему плану, должны были расстаться с «Экспрессом» и «Фразером» только в устье Енисея.

Далее я опишу плавание трех остальных судов, из которых каждое заслуживает известного места в летописях мореплавания. Здесь в беглом обзоре я только упомяну, какие четыре судна находились в моем распоряжении в начале морской экспедиции, описываемой в этой книге.

1. «Вега» под командой лейтенанта шведского флота А. Паландера обошла вокруг Азии и Европы.

2. «Лена» под командой шкипера зверобойных судов Христиана Иоганнессена — первое судно, достигшее из Атлантического океана реки Лены.

3. «Фразер» под командой капитана коммерческого флота Эмилия Нильсона.

4. «Экспресс» под командой капитана коммерческого флота Гундерсена; оба были первыми, доставившими в Европу груз хлеба с Енисея.[7]

При покупке «Веги» для экспедиции продавец сообщил о судне следующие данные:

«Паровое судно «Вега» построено в Бремергафене в 1872/73 году из лучшего дуба для акционерной компании «Ледовитое море» и под ее особым наблюдением. Компанией «Веритас» признано перворазрядным на 12 лет. Размеры: 357 регистровых тонн или 299 тонн нетто. Оно построено применительно к рыбному и зверобойному промыслам в Северном ледовитом море и снабжено всем необходимым и принятым оборудованием. С бортами из дуба, судно кроме того имеет специальную ледовую обшивку. Она простирается от нижних болтов застрехи до высоты 1,2—1,5 метра от киля.

Размеры:

Длина по килю	37,6 метра
„ „ палубе	43,4 „
Наибольшая ширина	8,4 „
Глубина трюма	4,6 „

Паровая машина в 60 сил системы Вольфа с поверхностным конденсатором лучшего качества. Требует в час около 0,27 куб. метра угля. Такелаж для хода под парусами в полном составе; мачты еловые, снасти из железной проволоки, марселя патентованные. Ход, маневрирование и управляемость рулем безупречны; под парусами судно делает от 9 до 10 узлов. При ходе под парами судно давало

7½ узлов; вообще же ход под парами можно исчислять в 6—7 узлов. На судне находятся — мощная паровая лебедка, запасные рули и винты. Затем весь нижний трюм наполнен плотно прилагающими ко дну и к бокам цистернами из железа для воды, чем усиливается крепость судна в случае напора льдов. Цистерны пригодны также для хранения провианта и каменного угля».[8]

Мы не имели причины не доверять описаниям,[9] но все же перед таким походом в северные моря, как тот, о котором здесь идет речь, было необходимо внимательнейшим образом осмотреть судно, убедиться, что все его разнообразные части в полном порядке, сделать изменения сообразно новому назначению судна и, наконец, снабдить его всем нужным для нашего научного штаба, который вместе с офицерами состоял из 9 человек. Работы эти были произведены на верфи Карлскроны под наблюдением капитана Паландера. Приборы и инструменты для научных работ своевременно приобретались в Стокгольме, причем множество инструментов для физических, астрономических и геологических исследований было получено заимообразно из Академии наук.

Провиант для экспедиции приобретался отчасти на основании опыта зимовки 1872/73 го-

да, отчасти по указаниям выдающегося врача названной экспедиции д-ра А. Энваля. Консервы, масло, мука были закуплены частью в Карлскроне, частью в Стокгольме и Копенгагене; часть корабельных сухарей изготовлена в Стокгольме (З. Викстремом), часть закуплена в Англии; свежий дозрелый картофель[10] был привезен с берегов Средиземного моря, огромное количество клюквенного экстракта было доставлено из Финляндии, а моченая морошка и одежда из оленьего меха — из Норвегии (через агента Эбельтофта) и т. д., — словом, ничто не было забыто, чтобы возможно лучше снарядить судно для достижения им его великой цели.

Это видно из нижеприводимого плана экспедиции.

Шведские полярные экспедиции последних десятилетий уже давно приобрели большое значение. Этому способствовали живое участие, с которым к ним относились как на родине, так и за пределами ее, значительность сумм, отпущенных государством и пожертвованных частными лицами, и, наконец, то, что эти путешествия явились практической школой более чем для тридцати шведских естествоиспытателей и дали важные научные и географические результаты, а шведскому государственному музею — такие материалы, что

музей этот в области исследования Арктики стал самым богатым в мире. Многие сделанные этими экспедициями открытия и исследования имеют или обещают со временем приобрести практическое значение. Сюда относятся метеорологические и гидрографические труды экспедиций, а также практическое изучение моржового и тюленьего промыслов в полярных морях, открытие неизвестных прежде рыбных богатств у берегов Шпицбергена, обнаружение на Медвежьем острове и на Шпицбергене значительных залежей каменного угля и фосфатов, которые в будущем должны иметь большое экономическое значение для близлежащих стран, и прежде всего успешный проход двух последних экспедиций в устья великих сибирских рек Оби и Енисея,[11] что, наконец, привело к решению многовековой проблемы мореплавания.

Но именно эти, уже достигнутые результаты манят продолжать исследования, в особенности после того, как две последние экспедиции открыли как в научном, так и в практическом отношениях исключительно многообещающее поле для исследований, лежащее к востоку от устья Енисея. Еще в наши дни, в век телеграфа и пара, здесь встречаешь в научном смысле новую, до сих пор незатронутую изучением область. Да и весь необъят-

ный океан, тянущийся по долготе на 90 градусов от устья Енисея, мимо мыса Челюскина — Promontorium Tabin древних географов — до острова Врангеля, никогда не разрезался килем морского судна, если не считать редких случаев берегового каботажа на малых или больших лодках, и никогда не видел пароходного дыма.

Такое положение дел и побуждает меня искать средств для экспедиции, возможно лучше снаряженной в научном и навигационном отношении, экспедиции, задачей которой будет географическое, гидрографическое и естественно-историческое исследование Северного ледовитого моря к востоку от Енисея, по возможности до Берингова пролива. Можно без преувеличения утверждать, что со времени знаменитого путешествия Кука по Тихому океану ни одной экспедиции не представлялось более обширного поля для открытий, если только ледовая обстановка позволит на оборудованном для этой цели пароходе проникнуть в это море. Чтобы судить об этом, необходимо кинуть беглый взгляд на уже сделанные попытки пройти тем путем, который является целью настоящей экспедиции.

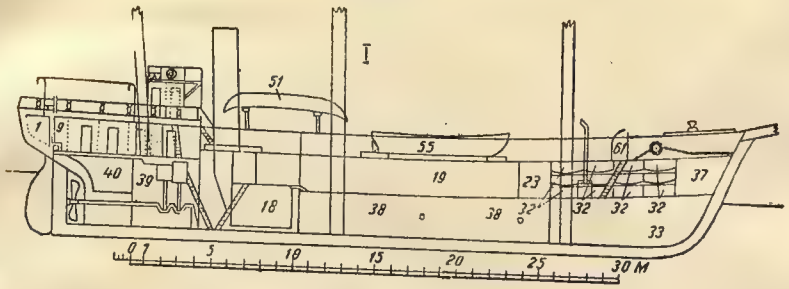
Вероятно, Гетеборг будет той шведской гаванью, из которой выступит экспедиция. Время отплытия назначено на начало июля 1878 года.

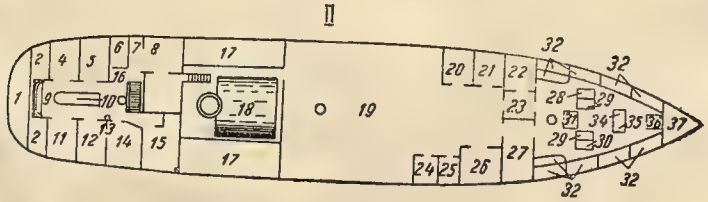
Путь прежде всего должен лежать вдоль западных берегов Норвегии, мимо Нордкапа и горла Белого моря до пролива Маточкин Шар на Новой Земле.

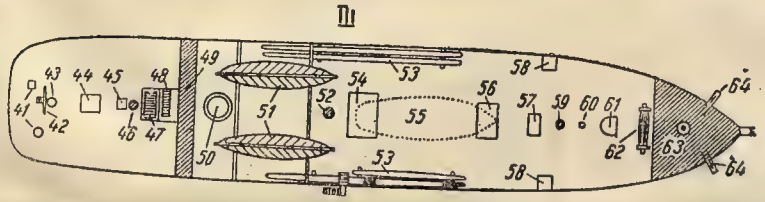
Открытие сэром Хьюгом Виллоуби и Ричардом Чанслер в 1553 году морского пути к этим областям было плодом первой морской экспедиции, отправленной Англией. Эта экспедиция сделала также первую попытку найти северо-восточный путь в Китай. Цель эта, правда, не была достигнута, но зато было открыто морское сообщение между Англией и Белым морем, что явилось поворотным пунктом не только в мореплавании Англии и России, но и в мировой торговле. Это стоило жертвы, которую принес сэр Хьюг Виллоуби, погибнув во время зимовки на Кольском острове вместе с экипажем своего судна. В наши дни этим путем безопасно и уверенно проходят тысячи судов.

По сведениям, имеющимся в настоящее время о состоянии льдов в Мурманском море,[12] — так называется на старых картах море между Колой и Новой Землей, — можно поздним летом плыть из Белого моря до Маточкина Шара, не опасаясь никаких ледовых препятствий. Но несколько десятков лет тому назад, вследствие недостаточности сведений относительно правильного пути и наилучшего

„Вега"



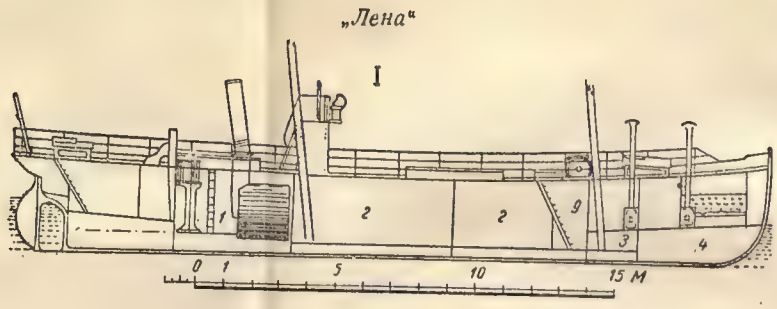


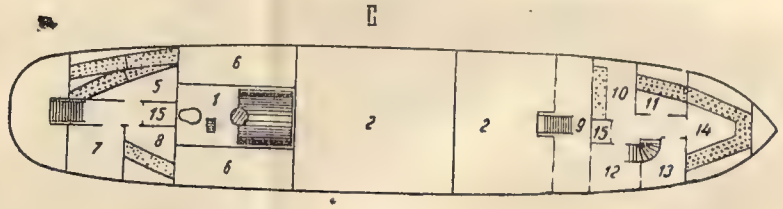


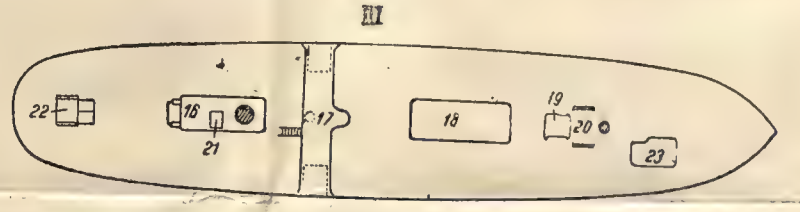
I. Продольный разрез
II. План жилой палубы
III. План верхней палубы

1. Крюйткамера
2. Инструментальный шкап
3. Диван кают-компании
4. Каюта лейтенанта Брусевица
5. Каюта лейтенантов Бове и Говгарда
6. Зимняя кладовая
7. Коридор
8. Каюта д-ра Струксберга и поручика Нордквиста
9. Кают-компания
10. Стол в кают-компании
11. Каюта д-ра Альмквиста
12. Каюта д-ра Гельмана
13. Камин
14. Каюта капитана Паландера
15. Каюта проф. Норденшельда
16. Коридор (трап в кают-компанию)
17. Уголь
18. Паровой котел
19. Продовольственны трюм
20. Каюта лоцмана — построены
21. Каюта лейтенанта Бове — в Японии
22. Каюта двух унтер-офицеров
23. Их столовая
24. Столярная мастерская — построены
25. Помещение для собраний — в Японии
26. Библиотека
27. Кладовая для кают-компании
28. Люк в продовольственный трюм
29. Люки в канатную
30. Люк в помещение для научных работ
31. Камбуз
32. Койки для экипажа в два ряда
33. Канатный ящик
34. Люк в продовольственную кладовую
35. Люк
36. Люк в подшкиперскую
37. Парусная
38. Запасы воды и угля
39. Машина
40. Погреб
41. Термометр
42. Штурвал
43. Компас
44—45. Световые люки в кают-компании
46. Бизаньмачта
47. Трап в кают-компанию
48. Трап в машину
49. Капитанский мостик
50. Дымовая труба
51. Шлюпка на шлюпбалках
52. Гротмачта
53. Запасные стеньги
54. Грузовой люк
55. Паровой катер
56. Носовой люк
57. Птичник
58. Гальюны
59. Фокмачта
60. Труба из камбуза
61. Трап в кубрик
62. Брашпиль
63. Шпиль
64. Катбалки

„Лена"







I. Продольный разрез
II. План жилой палубы
III. План верхней палубы

1. Машинное отделение
2. Грузовые трюмы
3. Канатный ящик
4. Балластная цистерна
5. Кубрик
6. Угольные ямы
7. Каюта кочегара
8. Каюта машиниста
9. Продовольственный трюм
10. Каюта капитана
11. Каюта штурмана
12. Камбуз
13. Кладовая
14. Кают-компания
15. Шкапы
16. Машинный люк
17. Капитанский мостик
18. Люк в грузовой трюм
19. Люк в продовольственный трюм
20. Брашпиль
21. Трап в машину
22. Трап в кубрик
23. Трап в каюту капитана, кают-компанию и проч.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Доб[illegible]ова

времени года, положение было совершенно другое, что явствует из рассказов о трудностях и опасностях, встречавшихся на пути знаменитому русскому мореплавателю Литке, который четыре лета подряд (1821—1824 годы) предпринимал путешествия вдоль западных берегов Новой Земли.[13] Опытный зверобой на обычном зверобойном судне может в настоящее время за одно лето, т. е. в четыре раза меньший срок, пройти бо́льшее расстояние по этим водам, чем проходила прежде специально снаряженная на военной верфи экспедиция.

Из Мурманского моря можно пройти в Карское четырьмя различными путями, именно: а) Югорским проливом — Fretum Nassovicum древних голландцев — между островом Вайгачом и материком; б) Карскими Воротами, между Новой Землей и островом Вайгачом; в) Маточкиным Шаром, который между 73 и 74° сев. шир. делит Новую Землю на две части, и, наконец, г) северным обходом этого двойного острова. Путь мимо северной оконечности Новой Земли обычно освобождается от льдов в начале сентября,[14] и поэтому экспедиция, задачей которой является проникнуть в это море дальше на восток, не должна избирать этот путь. Югорский Шар и Карские Ворота рано освобождаются от сплошных

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

льдов, но проход здесь затруднен значительными массами плавучих льдов, которые перемещаются взад и вперед приливо-отливными сутствуют удобные гавани, вследствие чего плавающие массы льдов могут стать большим затруднением для судна, пытающегося этим течениями. Кроме того, в Югорском Шаре отпутем проникнуть в Карское море. Маточкин Шар представляет собой узкий, но глубокий, за исключением нескольких известных банок, канал, около ста километров длины, который освобождается от сплошного льда только во вторую половину июля, но который, с другой стороны, вследствие очертания своих берегов менее загромождается плавучими льдами, чем проливы, [15] расположенные южнее. Хорошие гавани имеются у восточного входа в пролив. В 1875 и 1876 годах пролив и окружающие моря совершенно освободились от льдов в конце августа, но еще задолго до этого лед так разогнало, даже к востоку от пролива, что судно могло найти безопасный проход между рассеянными плавучими льдами. Именно западный берег Новой Земли в районе Маточкина Шара обычно посещается весною зверобоями в первую очередь.

В случае, если в начале или в конце лета 1878 года в упомянутых районах будут очень устойчивые южные ветры, которые рано от-

гонят пловучие льды от берегов материка, я считаю наиболее надежным для экспедиции выбрать путь через Маточкин Шар.

Нельзя рассчитывать, чтобы уже в начале августа прямой путь отсюда к гавани Диксона, расположенной при устье Енисея, был свободен; наоборот, нужно быть готовым на значительный обход к югу, чтобы избежать льдов, держащихся в Карском море до начала сентября. Это промедление на несколько дней, которое может быть вызвано скоплением льдов, дает, впрочем, возможность произвести ценные гидрографические и другие работы в жолобе, проходящем вдоль восточного берега Новой Земли, где глубина доходит до 420 метров. В общем Карское море неглубоко, и глубина его неравномерна (от 21 до 63 метров), однако подводных мелей или скал в нем не имеется. В глубоком жолобе вдоль восточных берегов Новой Земли имеется богатейшая фауна, и именно отсюда наши две предыдущие экспедиции привезли некоторые в отношении систематики, несомненно, своеобразные и интересные виды животных. Даже водоросли здесь вблизи берегов обильны и густы. Поэтому экспедиция будущего года должна стремиться попасть к Маточкину Шару так рано, чтобы посвятить по крайней мере несколько дней научной работе в этих местах.

Само плавание Карским морем до гавани Диксона не представляет, основываясь на опыте, приобретенном в настоящее время, никаких трудностей. Все же нельзя рассчитывать достигнуть гавани Диксона ранее 10—15 августа. В 1875 году я подошел к этой гавани на парусном судне 15 августа, после долгой задержки в Карском море из-за штиля. На пароходе в этом же году можно было бы дойти до гавани уже в первые дни месяца. В 1876 году состояние льдов было менее благоприятно вследствие холодного лета и упорных северо-восточных ветров. Но даже в том году я пришел в устье Енисея 15 августа.

Я предполагаю остановиться в гавани Диксона по крайней мере на несколько часов, чтобы сдать почту, в случае если мне не придется встретиться тут, что очень вероятно, с каким-нибудь судном, вышедшим из Енисейска, с которым можно было бы послать домой известия об экспедиции. Наблюдения над гидрографическими условиями между устьем Енисея и мысом Челюскина в настоящее время почти совершенно отсутствуют; ибо, как я уже говорил, ни одно большое судно никогда не посещало этих вод. О русских путешественниках, плававших вдоль этого побережья, известно очень мало, но из их неудачной попытки проникнуть здесь далеко на восток никоим

образом нельзя вывести неблагоприятное заключение о судоходности моря в определенное время года. Если знаешь, как в настоящее время снаряжены морские сибирские экспедиции, представляешь себе снаряжение русских экспедиций к северным берегам Сибири в 1734—1743 годах, — экспедиций, посылавшихся в необычайно тяжелых условиях, — то тогда становится понятным изложенное. Но по справедливости можно ожидать, что хорошо снаряженное паровое судно сможет проникнуть гораздо далее места, где эти несчастные повернули назад со своим многочисленным экипажем, но маленьким суденышком, зачастую сшитым вицами, слишком хрупким для борьбы со льдами и непригодным для открытого моря.

Впрочем, известно всего о трех морских путешествиях, или, вернее, прибрежных плаваниях в этой части Карского моря, под командой одних и тех же штурманов Минина и Стерлегова. Первая попытка была сделана в 1738 году на дубельшлюпке в 21 метр длиною, 5 метров шириною и в 2 метра наибольшей глубины, построенной в Тобольске и доставленной оттуда к Енисею лейтенантом Овцыным. На этом судне Минин прошел от Енисея до 72°53′ сев. шир. Отсюда он отправил далее на север ялбот, но и это злопо-

лучное суденышко вынуждено было повернуть из-за отсутствия провианта, не достигнув места у устья Енисея, которое мною названо гаванью Диксона. В следующем году была сделана новая попытка, однако и на этот раз не прошли дальше, чем в прошлое лето. Наконец, в 1740 году с большими опасностями вследствие сильного волнения при устье реки той же дубельшлюпке удалось достигнуть 75°15′ сев. шир. 2 сентября, как раз когда настает самое благоприятное время, чтобы итти в этих водах на парусах, повернули назад, главным образом по причине позднего времени года.

Далее имеется несколько сообщений о состоянии льдов у этого побережья, основанных на достоверных наблюдениях. Академик Миддендорф во время своего знаменитого путешествия по Северной Сибири достиг 25 августа 1843 года сухим путем морского берега у Таймырского залива (75°40′ сев. шир.) и нашел море свободным от льда на таком расстоянии, какое мог охватить глаз с возвышенного берега.[16] Далее Миддендорф говорит, что якут Фомин, единственный проведший зиму у Таймырского залива, сообщил, что лед расходится на море в первой половине августа и что южным ветром лед относит от берегов, но только на такое расстояние, что его можно видеть с береговых высот.

Земля между Гаймырским заливом и мысом Челюскина была нанесена на карту во время санного путешествия штурмана Челюскина в 1742 году вдоль берегов. Установлено, что самый северный мыс Азии был им открыт в мае месяце упомянутого года, а тогда море вокруг было, конечно, покрыто льдом. Каких бы то ни было сведений о состоянии льдов летом или осенью в море к западу от мыса Челюскина не имеется, но так как стоит вопрос о проходимости этого моря, то здесь следует упомянуть, что Прончищев 1 сентября 1736 года на судне каботажного плавания приблизился с востока к самой северной оконечности Азии под 77°34′ сев. шир. и 105° вост. долг. и что норвежские зверобои поздним летом не раз проходили под парусами далеко на восток от северной оконечности Новой Земли (77° сев. шир. и 68° вост. долг.) и вовсе не встречали льдов.

Совершенно ясно, что в настоящее время мы не располагаем полными, основанными на хороших наблюдениях сведениями о гидрографических условиях прибрежного морского пути между Енисеем и мысом Челюскина. Я все же считаю, что в сентябре или во второй половине августа можно с полной уверенностью рассчитывать найти в этих местах открытую воду или по крайней мере широкий,

свободный от льда проход вдоль берегов благодаря огромным массам нагретой воды, которую изливают в море Обь и Енисей, берущие свое начало на среднеазиатских плоскогорьях.

Вследствие притока речных вод между гаванью Диксона и Белым островом проходит на север мощное течение распресненной воды. В этих высоких широтах влияние вращения земли на реки, текущие приблизительно по направлению меридианов, очень значительно, вызывая отклонение идущих с юга рек к востоку. Вследствие этого воды Оби и Енисея по выходе в море должны были бы держаться вдоль берегов Таймыра, пока за мысом Челюскина они уже без помехи могут течь на северо-восток или восток. Вблизи впадения в море этих огромных рек я наблюдал при тихой погоде приблизительно под 74° сев. шир. температуру, доходящую у устья Енисея до + 9°.4 (17 августа 1875 года) и у устья Оби — до + 8°.0 (10 августа того же года). Обычно это идущее с юга течение встречается с холодными более тяжелыми глубинными водами, энергично перемешивающимися с поверхностной водой и охлаждающими ее; с другой стороны, это поверхностное течение встречается с идущим с севера и несущим лед холодным противным течением; последнее, вслед-

ствие вращения земли, отклоняется к западу и хорошо проявляется у восточного берега Новой Земли, где оно может быть причиной появления огромных масс пловучих льдов, теснящихся летом у этих берегов. На основании моего собственного опыта и по совпадающим заявлениям зверопромышленников, лед этот осенью почти совершенно исчезает вследствие таяния.

Чтобы представить себе расстояние, на какое может отнести пловучие льды поток воды из Оби и Ёнисея, надо вспомнить, что даже очень слабое течение влияет на состояние льдов и что, например, воды реки Ла-Платы, менее мощные, чем воды Оби-Енисея, отчетливо различимы на расстоянии 1500 километров от устья, т. е. на пространстве, приблизительно в три раза большем, чем расстояние от гавани Диксона до мыса Челюскина. Единственный морской залив, который может сравниться с Карским морем в отношении размеров того пространства, на которое влияют реки, впадающие в залив, — это Мексиканский залив.[17]

Ветры, которые в этих местах осенью часто дуют с северо-востока, должны способствовать образованию широкой, почти совершенно свободной от льда полосы вдоль побережья, о котором здесь идет речь.

Сведения, которыми мы располагаем о фарватере к западу от Лены до мыса Челюскина, основаны главным образом на наблюдениях экспедиций, посылавшихся в первую половину прошлого столетия русским правительством для съемки самой северной части Азии. Признавая огромное мужество, необычайную закаленность и выносливость, всегда отличавшие русских полярных путешественников, необходимо, для правильной оценки результатов этих плаваний, помнить, что они совершались на маленьких парусных судах, которые по своей конструкции с современной точки зрения непригодны для плавания в открытом море и чересчур хрупки, чтобы противостоять льдам.

Они не располагали не только паром — нашим нынешним могучим двигателем, — у них не было даже и хорошей парусной оснастки, чтобы свободно маневрировать. Почти весь экипаж этих суденышек состоял из сибирских приречных жителей, раньше никогда не видавших моря, не испытавших сильного морского волнения и не имевших понятия о плавании среди льдов.

Принимая во внимание эти условия, мне кажется, что упомянутые плавания говорят за то, что тут даже осенью можно рассчитывать на благоприятное плавание.

Исходным пунктом путешествий вдоль берегов к востоку от мыса Челюскина был город Якутск, расположенный на берегу Лены под 62° сев. шир. и в 1500 километрах выше устья реки. Здесь же строились и суда для этих путешествий.

Первая экспедиция вышла в 1735 году под командой лейтенанта флота Прончищева. После того как мореплаватели спустились на парусах вниз по реке, они 14 августа прошли через восточный рукав устья Лены, затем обошли всю значительную дельту реки и только 7 сентября дошли до Оленекской губы. Таким образом потребовалось три недели, чтобы проплыть пространство, которое обыкновенный пароход покрыл бы в один день. Лед видели, но он не препятствовал плаванию. Кроме того, плавание затянулось из-за противного ветра (вероятно, дувшего с земли), которым судно Прончищева при малейшей неосторожности легко могло быть выкинуто на берег. Позднее время года заставило Прончищева зазимовать с судном под 72°54′ сев. шир. вблизи нескольких летних юрт охотников на пушных зверей. Зима прошла благополучно, и в следующем году (1736) Прончищев снова пустился в путь, как только это позволило состояние льдов в Оленекской губе, что произошло лишь 15 августа. Курс был взят вдоль бе-

регов на северо-запад.[18] Местами встречались пловучие льды, но судно все же быстро подвигалось вперед, так что Прончищев 1 сентября достиг, насколько нам в настоящее время известно, 77°29′ сев. шир., т. е. оказался вблизи мыса Челюскина. Тут густые массы льдов заставили его повернуть, и экспедиция пошла в губу Оленека, которой достигла 15 сентября. Незадолго до этого выдающийся командир судна умер от цынги и несколько дней спустя умерла и его молодая жена, сопутствовавшая ему в тяжелом плавании. Так как эти заболевания цынгой случились не зимой, а сейчас же по окончании лета, то это заставляет задуматься над характером снаряжения арктических экспедиций в те времена.

Те же самые берега посетила в 1739 году новая экспедиция, начальником которой был лейтенант флота Харитон Лаптев. Он покинул Лену 1 августа и после плавания, которое только в Хатангской губе было затруднено пловучими льдами, 2 сентября подошел к Фаддееву мысу под 76°47′. Фаддеев мыс расположен всего в 8—9 шведских милях[19] от мыса Челюскина. Тут экспедиция повернула назад, частью из-за пловучего льда, который преграждал дальнейший путь, частью по причине позднего времени года, и перезимовала в Хатангском заливе, куда пришла 8 сентября.

На следующий год Лаптев пытался пройти вдоль берега до Лены, но судно его было раздавлено пловучими льдами недалеко от устья реки Оленек. После многих опасностей и затруднений всему экипажу удалось добраться до места прошлогодней зимовки. Частью отсюда, частью из Енисейска сам Лаптев и его помощники, штурман Челюскин и геодезист Чекин, предприняли в следующие годы множество поездок на санях для нанесения на карту полуострова, составляющего северную оконечность Азии.

На этом кончаются морские путешествия к западу от Лены. Северо-западная оконечность Азии, достигнутая сухим путем в 1742 году Челюскиным, одним из самых энергичных участников большей части предпринятых раньше путешествий, была недоступна со стороны моря. Не удавалось также пройти морем от Лены до Енисея. Прончищев 1 сентября 1736 года повернул назад всего в нескольких минутах широты, а Лаптев 2 сентября 1739 года в 50′ от мыса Челюскина, после плавания на судах, которые совершенно не соответствовали своему назначению. Среди невзгод и неудач, встретившихся им на пути, были не только пловучие льды; значительную роль сыграли тут и противные сильные ветры. Из боязни не найти удобной, посещаемой ту-

земцами. зимовки часть экспедиции обычно возвращалась обратно как раз в то время года, когда полярные моря бывают свободнее всего от льда. Рассмотрев все эти обстоятельства, можно с уверенностью сказать, что для парового судна, снаряженного соответствующим образом для плавания среди льдов, никаких серьезных помех обойти мыс Челюскина в упомянутом году не было бы.

Гораздо больше материалов имеется о море между Леной и Беринговым проливом, чем о только что упоминавшемся участке. Уже ранее середины 1600 годов, в надежде на получение дани и торговых выгод, русские предприимчивые звероловы («промышленники») организовали множество морских экспедиций вдоль побережья. На карте, приложенной к вступлению к труду Миллера, в основание которого легли исследования в сибирских архивах, указан морской путь вдоль берегов, отмеченный следующей надписью: «Путь, которым часто проходили в старину. Морское путешествие, совершенное в 1648 году тремя русскими судами, одно из которых достигло Камчатки». [20]

К сожалению, подробности о многих из этих путешествий теперь совершенно забыты, и если мы или кто-либо другой и соберет скудные сведения, то основа их всегда — ка-

кие-нибудь выдающиеся несчастные случаи, судебные тяжбы или другие обстоятельства, требовавшие вмешательства властей.

Так произошло со знаменитейшим из путешественников, казаком Дежневым, некоторые подробности о путешествии которого стали известны потому, что произошла тяжба между Дежневым и одним из его товарищей о правах на открытие моржового лежбища у восточных берегов Камчатки. Это путешествие было настоящим путешествием с целями открытий и удостоилось одобрения правительства частью за поиски нескольких больших островов в Ледовитом море, относительно которых было много толков среди зверобоев и туземцев, частью за наложение русскими дани на население еще неизвестных местностей на северо-востоке.

Дежнев [21] отправился из Колымы 1 июля 1648 года в качестве командира одного из семи [22] кочей, [23] участвовавших в экспедиции. Команда состояла из тридцати человек. Относительно четырех судов не сохранилось никаких сведений. Некоторые писатели предполагают, что они очень скоро повернули обратно или погибли. Три судна под командой казаков Дежнева и Анкудинова и охотника на пушного зверя Холмогорцева [24] благополучно дошли до Чукотского Носа, как кажется, по свободным

от льдов водам. Тут судно Анкудинова потерпело крушение, во время которого команда все же спаслась и разместилась на остальных двух судах, затем скоро разлучившихся. Дежнев продолжал плавание вдоль Чукотского полуострова до Анадыря, к которому подошел в октябре. Предполагают, что Анкудинов дошел до устья реки Камчатки, где обосновался на берегу среди туземцев, и в конце концов умер от цынги.

В следующем году (1649) предпринял новое плавание Стадухин. Он вышел из Колымы, шел семь суток к востоку по свободному от льда морю и, насколько можно судить по отрывочным рассказам, приблизился к Чукотскому Носу.[25] Что Дежнев составил себе вполне определенное представление об условиях мореплавания, видно из того, что он в Анадыре собирал лес для постройки нового судна. С этим судном он хотел послать в Якутск меха, которые получил в дань от туземцев. Легко объяснимый недостаток в строительном материале для нового судна заставил его отказаться от этого намерения, причем Дежнев отмечает, что море вокруг Чукотского Носа свободно от льда не каждый год.

После основания в 1644 году Михаилом Стадухиным Нижнеколымска, из сибирских рек было совершено много путешествий к северу.

Вызвали их ходившие среди туземцев побережья слухи об огромных населенных островах в Сибирском ледовитом море, богатых лесом, мехами, моржовыми бивнями и мамонтовой костью. Эти слухи часто оспаривались, но народ и охотники усердно поддерживали их, и слухи в конце концов привели к открытию Новосибирских островов, острова Врангеля и части Северной Америки, лежащей на восток от Берингова пролива.

Все попытки проникнуть на север от сибирских берегов в открытое море оканчивались неудачей по той простой причине, что открытое море с сильными ветрами было не менее опасно для судов, какими пользовались смелые, но плохо снаряженные полярные путешественники, как и море, покрытое плавучими льдами. Ведь тут при кораблекрушении можно было спасаться на льдинах, и людям приходилось только бороться с голодом, снегом, холодом и другими невзгодами, к которым большинство мореплавателей привыкло с детства. В открытом же море плохо построенное, хрупкое судно, законопаченное смесью глины со мхом, легко кренилось и заливалось водой уже при незначительной качке, а при более сильном волнении безнадежно гибло, если не было возможности быстро достигнуть какого-нибудь убежища.

Скоро предпочли отправляться в поиски островов по льду на санях и таким способом открыли в конце концов всю значительную группу островов, названных Новосибирскими. Эти острова часто посещались охотниками, главным образом для собирания мамонтовых бивней, большие количества которых вместе с костями мамонта, носорога, овец, быков и других зверей находят в глинистой и песчаной почве этих островов. Позднее острова эти были нанесены на карту во время экспедиций Геденштрома, снаряженных русским государственным канцлером графом Румянцевым в 1809—1811 годах, а так же экспедицией лейтенанта Анжу в 1823 году.[26] Экспедиции Геденштрома перебирались на острова на собаках до начала таяния льда, проводили там лето и возвращались осенью, когда море замерзало. Что касается вопроса о судоходности моря, то экспедиции, достигшие таких значительных результатов, должны были бы очень интересоваться наблюдениями над состоянием льдов с суши, однако в кратких сообщениях об экспедициях Геденштрома на стр. 99—119 «Путешествия» Врангеля, единственного доступного мне источника, вопрос этот не затрагивается ни единым словом.[27] С другой стороны, сведения, касающиеся этого важного для нашей экспедиции вопроса,

благодаря стараниям Сибирякова, были получены от местных жителей северной Сибири, занятием которых является собирание мамонтовых клыков на Новосибирских островах. По этим рассказам море между берегами северной Азии и Новосибирскими островами бывает чисто от льда довольно продолжительное время.

Замечательное открытие было сделано в 1811 году спутником Геденштрома, якутским мещанином Санниковым. На западном побережье острова Котельного он нашел остатки кое-как построенного зимнего жилища, по соседству — обломки разбитого судна совершенно другого типа постройки, чем сибирские. Частью по этому, частью по предметам, раскиданным по берегу, Санников пришел к заключению, что остатки найденного жилья принадлежали зверобою с Новой Земли или Шпицбергена, судно которого пригнало к этому острову ветром, и что он со своей командой прожил здесь некоторое время.[28] Надпись на могильном кресте вблизи жилища, к сожалению, не была записана.

Во время Великой северной экспедиции[29] также делались попытки проникнуть из Лены на восток. Первая экспедиция состоялась под командой лейтенанта Ласиниуса в 1735 году. Он покинул 21 августа восточный рукав устья

Лены, прошел на парусах 128 километров к востоку и встретил здесь пловучие льды, что заставило его искать убежища на берегу.[30] Тут он несчастливо провел зиму: сам начальник экспедиции и бо́льшая часть экипажа, состоявшего из 52 человек, погибли от цынги.

В следующем, 1736 году была послана новая экспедиция с теми же самыми целями под командой лейтенанта Димитрия Лаптева. Он сделал попытку отправиться в плавание в августе на судне Ласиниуса, но скоро встретил много пло́вучих льдов. Уже в конце месяца, когда только начинается время для морских путешествий, он вернулся в Лену.

В 1739 году Лаптев предпринял свое третье путешествие. На этот раз он достиг устья Индигирки, которое замерзло 21 сентября, и перезимовал тут. В следующем году Лаптев продолжал плавание на восток, причем прошел несколько дальше устья Колымы, до мыса Большого Баранова; здесь он был вынужден повернуть обратно из-за пловучего льда. Перезимовав в Нижнеколымске, Лаптев в следующем году попытался проникнуть в восточном направлении на больших заново построенных в эту зиму лодках, но вследствие тумана, противного ветра и льда не имел успеха. Оценивая результаты этих путешествий, нужно принять во внимание, что они предпринимались

на совершенно непригодных судах; вначале на дубельшлюпке, построенной в Якутске (1735 год), потом на двух построенных в Нижнеколымске лодках. Если сравнить эти суда с теми, на которых теперь плавают по сибирским рекам, то можно только удивляться, как решались выходить на таких судах в открытое море; во всяком случае, не приходится смотреть на перечисленные не совсем удачные плавания как на доказательство того, что нельзя проникнуть на север на современном паровом судне.

В заключение мне остается рассказать о немногих попытках, сделанных для проникновения из Берингова пролива на запад.

Путешествие Дежнева из Колымы[31] через Берингов пролив к устью Анадыря в 1648 году оставалось совершенно неизвестным в течение приблизительно столетия, пока Миллер не извлек из сибирских архивов сведения об этом и о некоторых других путешествиях вдоль северных берегов Сибири. Воспоминание об этих удивительных путешествиях сохранилось для потомства, как уже было сказано, только благодаря случайностям, например, тяжбам, вызывавшим переписку с начальством. О других подобных же экспедициях мы не имеем никаких сведений, хотя время от времени и попадаются намеки на то, что в старину

часто плавали по северным морям. В отчетах экспедиций начальству имеются сообщения о встречах со зверобоями или купцами, плававшими вдоль берегов на личные средства. Но еще 81 год спустя после путешествия Дежнева существование пролива между северо-восточной оконечностью Азии и северо-западной оконечностью Америки было неизвестно или, во всяком случае, считалось сомнительным. Наконец, в 1729 году Беринг прошел через новый пролив, названный его именем. Беринг проплыл вдоль северного берега Азии не особенно далеко (до 172° зап. долг.), хотя, повидимому, и не встречал помехи со стороны льдов. Около пятидесяти лет спустя в этих водах Кук закончил ряд своих блестящих открытий, которыми обогатил географию как науку. Пройдя вдоль северного побережья Америки большое расстояние к востоку, он (в 1778 году) повернул на запад и 29 августа достиг 180° долготы. Встреча со льдами заставила его отказаться от мысли итти дальше на запад, так как судно его не было снаряжено соответствующим образом и не годилось для плавания среди льдов.

Со времен Кука известны три экспедиции, прошедшие из Берингова пролива на запад. Первой была американская экспедиция под командой капитана Роджерса. Он достиг

в 1855 году, повидимому, по чистой воде долготы мыса Якана (176° вост. долг. от Гринвича). Вторым был английский китолов Лонг, который в 1867 году, в поисках нового места для ловли китов, проплыл из Берингова пролива на запад дальше, чем кто-либо до него. Уже 10 августа он достиг долготы Чаунской губы (170° вост. долг. от Гринича). Он отправлялся на ловлю китов, а не для открытий, вследствие чего повернул здесь обратно. В кратком рассказе о своем плавании Лонг высказывает убеждение, что проход из Берингова пролива в Атлантический океан вполне возможен, и прибавляет, что если этот морской путь и не будет иметь транзитного значения, то связь морем между Леной и Беринговым проливом все же полезна для использования продуктов Сибири. [32] Наконец, в прошедшем году была послана русская экспедиция [33] с поручением пройти из Берингова пролива к острову Врангеля. Согласно газетным сообщениям, льды помешали ей пройти как в этом направлении, так и в направлении на запад.

Сибиряков собирал сведения из северной Сибири о состоянии льдов в прилегающих морях. Но в настоящее время зверобойный промысел в этих местах, повидимому, так пошел на убыль, что оказалось всего несколько

человек, которые могли хотя что-нибудь ответить на заданные вопросы.

В Якутске нашелся единственный человек, который бывал на побережье Ледовитого моря. Он сообщил, что море освобождается от льдов при береговых ветрах, но что лед снова пригоняется обратно морскими ветрами, так что суда, не успевающие зайти в надежную гавань, подвергаются большой опасности.

Другой корреспондент сообщает на основании наблюдений во время экспедиции Чекановского, [34] что в 1875 году море в районе Оленека было совершенно свободно от льда, но добавляет при этом, что год в ледовом отношении был исключительно благоприятным. Не только летом, но даже зимой северный океан бывает временами свободен от льда, а в расстоянии 213 километров от берегов море свободно даже зимой, неизвестно, конечно, на каком пространстве. Последнее сообщение подтверждено также путешествиями Врангеля по льду на собаках в 1821—1823 годах.

Третий из запрошенных отвечал: «По полученным мною сведениям, северное побережье от Лены до устья Индигирки свободно от льда от июля до сентября. Северный ветер гонит лед к берегам, но не в больших коли-

чествах. По наблюдениям охотников за мамонтовыми клыками, море свободно от льда до южных частей Новосибирских островов. Весьма вероятно, что именно эти острова защищают от льдов Верхоянский округ. Иначе обстоит дело у Колымского побережья; но если только из Берингова пролива можно пройти до Колымы, то из Колымы уж можно достигнуть Лены».

То обстоятельство, что летом льды относятся от берегов южными ветрами, но не слишком далеко, и при северном пригоняются снова к тому же берегу, подтверждается другими корреспондентами и, по моему мнению, указывает, что Новосибирские острова и Земля Врангеля являются звеньями цепи островов, параллельной северному побережью Сибири.[35] Эти острова, с одной стороны, препятствуют льдам совершенно уходить из лежащего между ними и материком моря и способствуют льдообразованию зимой; но, с другой стороны, острова эти защищают побережье от собственно полярного льда, образующегося к северу от них.

Приводимые мною сообщения, касаются, впрочем, главным образом летних месяцев. Так же, как и в Карском море, пользовавшемся прежде еще худшей славой, льды и в этих морях вероятно большею частью

исчезают к осени благодаря таянию, так что в это время года можно рассчитывать на море, в значительной степени свободное от льдов.

Бо́льшая часть корреспондентов, сообщавших о состоянии льдов в Сибирском полярном море, приводит далее распространившиеся в Сибири слухи, что с берега видели американских китоловов, заходивших далеко на запад. Слухи эти отчасти имеют основание. Я сам встретил китобоя, который в течение трех лет посещал на своем корабле побережье между мысом Якан и Беринговым проливом с целью торговли с местными жителями. Промышленник был совершенно убежден, что по крайней мере в известные годы можно плыть на парусах из Берингова пролива в Атлантический океан. Однажды он вернулся обратно через Берингов пролив только 17 октября.

Из вышеприведенного следует:

что расположенный к северу от северного побережья Сибири океан, между устьем Енисея и Чаунской губой, никогда не бороздил киль настоящего мореходного судна, а тем более здесь не бывало парового судна, снаряженного для плавания среди льдов;

что мелкие суда, на которых пытались проплыть эту часть мирового океана, никогда

не решались значительно удаляться от берегов;

что открытое море при свежем ветре было для них также гибельно, даже более гибельно, чем море, покрытое пловучими льдами;

что они почти всегда искали подходящей для зимовки стоянки именно в то время года, когда море было свободнее всего от льда, т. е. летом и осенью;

что, не взирая на это, по морю между мысом Челюскина и Беринговым проливом плавали много и часто, хотя пройти все это пространство сразу и не удавалось;

что ледяной покров, возникающий зимой вдоль берегов (но вряд ли в открытом море), взламывается каждое лето и образует обширные пловучие ледяные поля, которые либо гонит к берегам полярный ветер с моря, либо в море гонит южный ветер, но не настолько далеко, чтобы лед не мог возвратиться обратно через несколько дней, если подует северный ветер. Поэтому кажется вероятным, что Сибирское море, так сказать, отгорожено от собственно Полярного моря рядом островов, из которых в настоящее время известны только Земля Врангеля и Новосибирские острова.

На основании этих данных, мне кажется вероятным, что хорошо снаряженное паровое судно может осенью в течение нескольких

дней пройти этим путем, не встретив слишком много препятствий, по крайней мере со стороны льдов, и тем самым не только разрешить географическую задачу, поставленную уже столетия назад, но с помощью тех средств, которые ему дает современная наука, также исследовать в географическом, гидрографическом, геологическом и естественно-историческом отношениях огромные пространства совершенно неизвестного океана.

Море к северу от Берингова пролива посещается в настоящее время сотнями китобоев, и дорога оттуда к американским и европейским портам является многоисхоженным морским путем. Несколько десятилетий назад дело обстояло совершенно иначе. Путешествия Беринга, Кука, Коцебу,[36] Бичи[37] и др. считались смелыми, удачными разведками, очень важными и ценными в научном отношении, но без непосредственного практического значения. Почти полтора века назад держались такого же мнения о путешествии в 1739 году Шпангберга из Камчатки в Японию,[38] благодаря которому русские исследования в северной части Тихого океана были связаны с плаваниями голландцев и португальцев в Индию, к Зондским островам и в Японию. В случае, если нашей экспедиции после того, как мы обойдем Азию,

посчастливится дойти до Суэцкого канала, это будет великим делом, которое, более чем какое-либо другое, напомнит о том, что если сегодня знатоки-специалисты найдут что-нибудь невозможным, то завтра это может быть осуществлено.

Я даже совершенно убежден, что плавание вдоль северного побережья Азии, если только не встретятся чересчур неблагоприятные условия, не только возможно, но и будет очень важно в практическом отношении, не непосредственно как торговый путь, а как доказательство применимости морского сообщения между портами северной Скандинавии и Обью-Енисеем, с одной стороны, и между Тихим океаном и Леной — с другой.

Если, против ожидания, экспедиции не удастся сразу выполнить намеченную программу в целом, то она все же не останется бесплодной. В таком случае экспедиция должна будет зазимовать где-нибудь у северного побережья Сибири, в месте, благоприятном для научных исследований. Каждая миля за устьем Енисея — это шаг вперед к полному познанию нашего земного шара, к цели, которой когда-нибудь нужно достигнуть с меньшими или большими жертвами, и участие в этом по мере сил должно быть делом чести каждой культурной страны.

В этих, до сих пор еще непосещавшихся водах ученым представляется возможность дать ответы на множество вопросов, касающихся прежнего и современного состояния полярных стран. Большая часть этих вопросов имеет весьма важное значение, и уже одного из них было бы достаточно, чтобы снарядить экспедицию, как та, о которой идет речь. Я позволю себе упомянуть здесь только некоторые из этих вопросов.

Если исключить ту часть Карского моря, которую исследовали две предыдущие шведские экспедиции, то в настоящее время отсутствуют какие-либо сведения о водорослях и о фауне в море, омывающем северное побережье Сибири. Я уверен, что, в противоположность существующему мнению, мы тут встретим такое же богатство растительной и животной жизни, как и в море вокруг Шпицбергена. Животные и растительные формы в Сибирском ледовитом море, насколько можно предвидеть, представляют остатки ледникового периода, ближайшего к нашему времени. Совсем иначе это обстоит в тех полярных морях, где несет свои воды Гольфстрим и куда этим течением заносятся формы из более южных областей. Полное и точное исследование, какие животные формы происходят из Ледовитого и какие из Атлантиче-

ского океана, имеет огромное значение не только для зоологии и географии животных, но и для геологии Скандинавии.

Мало научных находок и открытий возбуждали такой сильный интерес в научных и не научных кругах, как открытые в мерзлой почве Сибири огромные количества остатков животных слоновой породы, иногда с хорошо сохранившимися кожей и волосами. Подобные находки не раз были предметом научных экспедиций и исследований выдающихся ученых, но выводы остаются все еще очень гадательными в виду многих обстоятельств, находящихся в связи с мамонтовым периодом Сибири, который, б ы т ь м о ж е т, был современным нашему ледниковому периоду. Особенно несовершенны наши познания о растительных и животных формах, существовавших одновременно с мамонтом, хотя и установлено, что в самых северных, малодоступных с суши частях Сибири встречаются небольшие холмы, покрытые костями мамонта и других современных ему животных, и что там повсюду находят полуокаменелые или обуглившиеся остатки растений различных геологических эпох.

Вообще говоря, самое полное изучение геологии малодоступных полярных областей — необходимое условие для познания истории

нашего земного шара. Для подтверждения этого мне следует только напомнить о сделавшем в геологической науке эпоху открытии в горах и почвах полярных стран великолепных остатков растительности различных геологических периодов. И в этой области экспедиция к северному побережью Сибири может дать богатую жатву. Кроме того, в северной Сибири встречаются пласты, отлагавшиеся приблизительно одновременно с каменноугольными пластами южной Швеции, в которых находятся животные и растительные окаменелости, что именно в настоящее время представляет особенный интерес для геологической науки нашей страны в связи с многочисленными за последние годы находками великолепных растительных окаменелостей, дающих нам такую живую картину субтропической растительности, покрывавшей когда-то Скандинавский полуостров.

Редкая наука может со временем дать такие важные практические результаты, как метеорология. Об этом свидетельствуют затрачиваемые в культурных странах большие суммы на устройство метеорологических станций и на метеорологические исследования. Но погода страны в столь большой степени зависит от температуры, ветра, давления воздуха и других влияний в весьма отдаленных

областях, что законы метеорологии данной страны можно было бы вывести только из сопоставления с наблюдениями в самых отдаленных странах. Поэтому образовалось много метеорологических учреждений, и их можно рассматривать как различные отделы одного, охватившего весь земной шар ведомства — отдела, единодушная работа которых приведет когда-нибудь к преследуемой цели.[39] Но вне тех стран, откуда можно ежегодно получать наблюдения, находятся области в тысячи квадратных миль без каких бы то ни было не только систематических, но и спорадических наблюдений. Именно здесь-то и находится ключ ко многим явлениям погоды в культурных странах Европы. Такой областью, неисследованной, но в метеорологическом отношении в высшей степени важной, является лежащий к северу от Сибири Ледовитый океан вместе с омываемыми им берегами материка и островами. Для метеорологии Европы и Швеции имеет огромное значение получить верные сведения о распределении воды и суши, о состоянии льдов и давлении и температуре воздуха в еще малоизученной в этом отношении части земного шара, и шведской экспедиции здесь представляется возможность выполнить исследовательскую работу, которая будет иметь зна-

чение непосредственно для нашей собственной страны.

В известной мере это может быть сказано и о материалах по земному магнетизму, северному сиянию и другим явлениям, которые были бы собраны в этих областях. Сюда же относятся исследования животной и растительной жизни в до сих пор неизвестных в этом отношении странах, этнографические исследования, гидрографические работы и т. д.

Здесь я мог, конечно, лишь едва коснуться научных вопросов, которые были бы в поле зрения экспедиции в случае более или менее продолжительного пребывания ее на северном побережье Сибири, но и сказанного достаточно, чтобы доказать, что даже в том случае, если экспедиция и не достигнет своей географической цели, она может достойно продолжить те начинания, которые прежде исходили из Швеции и которые вели к пользе науки и к славе шведского имени.

Если же, наоборот, как я надеюсь, экспедиция в достаточной степени беспрепятственно и поэтому в сравнительно короткий срок достигнет Берингова пролива, то время, которое можно будет посвятить в пути естественно-историческим исследованиям, конечно, окажется слишком коротким для разрешения

многих из научных вопросов, поставленных здесь мною. Но, помимо мореходной задачи мирового значения, которая тогда будет разрешена, можно будет, во всяком случае, собрать в высшей степени важные и обширные материалы по географии, гидрологии, зоологии и ботанике Сибирского ледовитого моря. За Беринговым же проливом экспедиция встретит другие страны с более богатой и разнообразной природой, где иные вопросы, быть может, для нас менее близкие, но для науки в ее целом не менее важные, завладеют вниманием исследователей и щедро наградят за их усилия и работу.

Все эти соображения и легли в основу при выработке плана проектируемой экспедиции.

Я предполагал бы в начале июля 1878 года отправиться из Швеции на паровом судне, построенном для плавания среди льдов, с запасом провианта на два года, взяв, кроме научного штаба из четырех или пяти человек и четырех нанятых в Норвегии зверобоев, экипаж, состоящий из морского офицера, врача и команды не более чем из восемнадцати человек матросов-добровольцев военного флота. Сначала судно пойдет в какой-нибудь порт на северном побережье Норвегии, где возьмет уголь. Отсюда путь пойдет

в пролив Маточкин Шар, разделяющий острова Новой Земли, где придется ждать благоприятных условий для перехода через Карское море. Далее плавание будет продолжаться до гавани Диксона при устье Енисея, подойти к которой я надеюсь в первой половине августа. Как только обстоятельства позволят, экспедиция продолжит отсюда путь в полосе чистой воды, которую потоки из Оби и Енисея непременно должны образовать вдоль побережья до мыса Челюскина, причем тут возможны некоторые небольшие отклонения к северо-западу, чтобы исследовать, не расположен ли между северной частью Новой Земли и северной Сибирью какой-нибудь большой остров.

У мыса Челюскина экспедиция встретит единственное на намеченном пути место, где никогда не проходило судно, и это место считается, быть может справедливо, самым трудным для прохождения на всем северо-восточном пути. Если Прончищев в 1736 году на небольших, недостаточно приспособленных к морскому плаванию речных судах приблизился на расстояние нескольких минут широты к северо-западной оконечности Азии, то для нашего судна, обладающего всем необходимым современным оборудованием, не должно было бы встретиться слишком больших затрудне-

ний, чтобы обогнуть этот мыс, а далее у нас будет, по всему вероятию, довольно открытая вода до Берингова пролива, до которого следовало бы дойти в конце сентября.

Если время и ледовая обстановка позволят, желательно, чтобы экспедиция в этой части пути сделала несколько уклонений к северу для исследования, не расположена ли какая-нибудь земля между мысом Челюскина и Новосибирскими островами, а также между этими последними и Землей Врангеля. Из Берингова пролива путь должен продолжаться с остановками, вызываемыми обстоятельствами, сначала до какого-нибудь азиатского порта, откуда можно было бы послать на родину вести о себе, и затем далее, вокруг Азии к Суэцкому каналу. Если экспедиция не сможет проникнуть от мыса Челюскина дальше на восток, то, в зависимости от обстоятельств, заранее трудно предвидимых, экспедиция либо немедленно вернется в Европу, — и в таком случае судно, снаряжение и экипаж можно использовать для другой цели, — либо перезимует в какой-нибудь удобной гавани в устьях Таймыра, Пясины или Енисея. В таком случае следующим летом можно будет выполнить важные исследования в Сибирском ледовитом море. В течение же лета, когда южный ветер отгонит льды от берегов, без

сомнения представится какая-нибудь возможность достигнуть Берингова пролива. Возможно даже, если зимовка окажется необходимой, что у нас будут случаи послать с зимней стоянки письма на родину.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отплытие. — Тромзе. — Участники плавания. — Остановка в Мозе. — Границы лесов. — Климат. — Цынга и ее лечение. — Первое плавание вокруг Нордкапа. — Описание путешествия. Отера.—Представления о географии Скандинавии в первой половине XV века. — Древние карты Севера. — Сообщение Герберштейна о путешествии Истомы. — Густав Ваза и северо-восточный путь. — Путешествия Виллоуби и Чанслера.

«ВЕГА» покинула гавань Карлскроны 22 июня 1878 года. Считая лейтенантов Паландера и Брузевица, экипаж состоял из 19 моряков шведского флота и двух иностранных морских офицеров, лейтенантов Говгарда и Бове, которые должны были принимать участие в путешествии. Двое последних жили уже некоторое время в Карлскроне, присутствуя при снаряжении судна и приведении его в состояние полной готовности к плаванию.

В Копенгаген зашли 24 июня, чтобы принять на борт большое количество съестных припасов, закупленных там.

26 июня продолжали плавание в Гетеборг, где стали на якорь 27-го.

Во время этого перехода нам сопутствовал итальянский географ Кристофор Негри, уже много лет с интересом следивший за всеми плаваниями по Ледовитому морю и теперь получивший от своего правительства поручение присутствовать при отплытии «Веги» из Швеции, познакомиться со снаряжением судна и т. д. В Гетеборге на корабль прибыли доцент Чельман, доктор Альмквист, доктор Стуксберг, русский поручик Нордквист и приглашенный в Стокгольме в помощь естествоиспытателям технический работник; здесь погрузили бо́льшую часть научного оборудования экспедиции и приняли закупленные в Швеции съестные припасы, одежду и т. д.

4 июля «Вега» покинула гавань Гетеборга. Во время плавания вдоль западных берегов Норвегии дул сильный ветер, вследствие чего корабль пришел в Тромзе только 17 июля. Тут на борт «Веги» взошел я. Уголь, вода, оленьи меховые одежды [40] для всего экипажа, равно как и множество другого снаряжения, закупленного за счет экспедиции в Финмаркене, были приняты здесь же, в Тромзе. Тут

также были взяты на судно и трое нанятых на время путешествия зверобоев.

21 июля весь груз был принят, экипаж собрался в полном составе, все было готово к отплытию, и в тот же день в 2 часа 15 минут под громкое «ура» многочисленной толпы народа, собравшейся на берегу, мы подняли якорь и начали плавание в ледовитые моря.

На борту «Веги» находились следующие участники экспедиции:

А. Е. Норденшельд, профессор, начальник экспедиции	род.	18/XI 1832 г.
А. Л. Паландер, лейтенант, ныне капитан шведского флота, командир парохода «Вега»	„	2/X 1840 г.
Ф. Р. Чельман, доктор философии, доцент ботаники Упсальского университета, заведующий ботаническими работами экспедиции . . .	„	4/XI 1846 г.
А. И. Стуксберг, доктор философии, заведующий зоологическими работами экспедиции	„	18/IV 1849 г.
Е. Альмквист, врач экспедиции и лихенолог . . .	„	10/VIII 1852 г.
Е. Брузевиц, лейтенант шведского военного флота, помощник капитана	„	1/XII 1844 г.
Дж. Бове, лейтенант итальянского военного флота,		

заведующий гидрографическими работами экспедиции .	род.	23/X	1853 г.
А. Говгард, лейтенант датского военного флота, заведующий магнитными и метеорологическими работами экспедиции	„	1/XI	1853 г.
О. Нордквист, поручик русской гвардии, переводчик, помощник зоолога . .	„	20/V	1858 г.
Р. Нильсон, шкипер . . .	„	5/I	1837 г.
Ф. А. Петерсон, I-й машинист	„	3/VII	1835 г.
О. Нордстрем, 2-й машинист	„	24/II	1855 г.
К. Карлстрем, кочегар . .	„	14/XII	1845 г.
О. Ингельсон, кочегар . .	„	2/II	1849 г.
О. Эман, матрос	„	23/IV	1843 г.
Г. Карльсон, матрос . . .	„	22/IX	1843 г.
К. Лундгрен, матрос . . .	„	5/VII	1851 г.
О. Гансон, матрос	„	6/IV	1856 г.
Д. Асплунд, боцман и кок	„	28/I	1827 г.
К. И. Смоленнинг, боцман	„	27/IX	1839 г.
К. Левин, боцман	„	24/I	1844 г.
П. М. Лустиг, боцман . . .	„	22/IV	1845 г.
К. Юнгстром, боцман . . .	„	12/IX	1845 г.
П. Линд, боцман	„	15/VIII	1856 г.
П. О. Фестэ, боцман . . .	„	23/VIII	1856 г.
С. Андерсен, плотник . .	„	3/VIII	1847 г.
И. Гауган, зверобой[41] . . .	„	23/I	1825 г.
П. Ионсен, зверобой . . .	„	15/V	1845 г.
П. Сивертсен, зверобой .	„	2/I	1853 г.
Т. А. Бострем, технический сотрудник при научных работниках	„	21/VIII	1857 г.

Кроме того, «Вегу» сопровождал во время плавания между Тромзе и гаванью Диксона, в качестве уполномоченного Сибирякова, С. И. Серебренников, которому было поручено наблюдать за погрузкой и выгрузкой товаров, ввозимых в Сибирь и вывозимых оттуда на «Фразере» и «Экспрессе». Эти суда уже несколько дней тому назад отплыли из Варде в Хабарово, в Югорском Шаре, где им было приказано дожидаться «Веги». «Лена», четвертое судно, находившееся в моем расположении, получила приказание дожидаться «Вегу» в Тромзе, откуда оба эти парохода могли теперь вместе итти дальше на восток.

Покинув Тромзе, мы шли сначала шхерами до Мозе, где «Вега» должна была остановиться на несколько часов для передачи писем в почтовую контору, вероятно, самую северную в мире. Но к этому времени поднялся такой сильный северо-западный ветер, что нам пришлось задержаться там три дня.

Мозе — маленький скалистый остров, расположенный под 71° сев. шир., на 32 километра юго-западнее Нордкапа, в местности богатой рыбой, приблизительно на середине между Бредзундом и Магере. Залив в восточной части острова представляет собой хорошо защищенную гавань. Гавань и обилие рыбы дали этому месту известное значение и сделали

его самым крайним пунктом цивилизации на севере. Тут, всего в нескольких километрах южнее северной оконечности Европы, расположены, кроме множества рыбачьих хижин, лавки, почтовая контора, больница и т. д., и по крайней мере для тех, кто путешествовал в северной Норвегии, вряд ли нужно добавлять, что здесь имеется несколько приветливых и гостеприимных семей, в среде которых мы незаметно провели в беседе часы нашей невольной остановки. Местное население живет, конечно, рыбной ловлей. Всякое земледелие здесь невозможно. Картофель, однако, иногда давал богатый урожай на близлежащем острове Инге (71°5′ сев. шир.), но обычно он не созревает из-за короткого лета; зато редис и некоторые другие овощи с успехом произрастают на огородах. Из диких ягод встречается брусника, но в таком ограниченном количестве, что с трудом можно собрать полкружки или целую кружку; черника встречается чаще, а виноград севера — морошка — здесь в изобилии. На пространстве нескольких квадратных метров можно часто набрать полный кувшин этой ягоды. Леса настоящего здесь нет, попадается только кустарник.

Леса в районе Нордкапа не доходят до самых берегов Ледовитого моря, но в защищенных местах, в незначительном расстоянии

от взморья, встречаются уже березы вышиной от четырех до пяти метров. [42]

В былые времена лес рос даже на ближайших шхерах. Это доказывают древесные стволы, попадающиеся в болотах поморья Финмаркена, например, на острове Рене. В Сибири граница леса по реке Лене доходит до начала ее дельты, т. е. приблизительно до 72° сев. шир. [43] Нордкап лежит под 71°10′, следовательно, леса в Сибири местами простираются вдоль больших рек значительно дальше на север, чем в Европе. Это зависит частью от большого количества нагретой воды, которую эти реки несут с собой летом с юга, частью от того, что речная вода является переносчиком семян, частью же и от благоприятной почвы — тучного чернозема, ежегодно обновляемого весенним разливом; у нас же почва обычно представляет голый гранит и гнейсовые скалы или бесплодные пески. Впрочем, границы лесов в Сибири и в Скандинавии совершенно различны: в то время как у нас на севере окраина леса представлена низкорослыми березами, покрывающими, несмотря на свои искривленные стволы, склоны гор яркой и густой зеленью, граница леса в Сибири состоит из сучковатых и полувысохших лиственниц (Larix dahurica Turcz.), торчащих на вершинах холмов, как редкая серая

щетина.[44] К северу от этой границы по Енисею снова встречаются густые кустарники ивы и ольхи. На то, что крупный лес и в Сибири несколько столетий или тысячелетий назад доходил дальше на север, чем теперь, указывают огромные, найденные в тундре, пни, да и теперь, не слишком отдаляясь к югу, видишь берега рек, покрытые высокими густо зеленеющими деревьями.

Зима на острове Мозе не особенно сурова, но там сыро и ветрено круглый год.[45] Местность все же была бы здоровой, если бы не цынга, поражающая, в особенности в сырые зимы, население как культурное, так и некультурное, богатых и бедных, стариков и детей. По сообщению одной местной жительницы, цынга даже в очень тяжелой форме излечивается применением настойки морошки на роме. Больному дается ежедневно несколько ложек этого средства, и говорят, что кружки настоя достаточно, чтобы совершенно излечить опасно больного ребенка. Я предлагаю этот новый способ применения морошки, этого известного в старину средства против цынги, так как убежден, что будущие полярные экспедиции, которые захотят извлечь отсюда урок, убедятся, что лекарство это даст здоровье всему экипажу и может быть отвергнуто только чересчур убежденными трезвенниками.[46]

Полярная одежда гренландцев.
(Со старинной картины.)

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

В план этого труда входит, одновременно с описанием самого плавания «Веги», давать краткие сведения о главных морских экспедициях, впервые открывавших участки пути, по которому направилась теперь «Вега». Каждая из них в свою меру способствовала подготовке нынешней экспедиции, которой теперь, наконец, пройден путь вокруг Азии и Европы. Поэтому для начала я считаю долгом сообщить данные о путешествии, во время которого впервые была обогнута северная оконечность Европы. Сообщение это представляет большой интерес и в нем много замечательных сведений о быте древнего населения крайнего севера Скандинавии.

Путешествие это было совершено приблизительно тысячу лет назад норвежцем Отером из Галогаланда или Гельтоланда.[47] Отер, повидимому, бывал в дальних плаваниях и во время своих странствований попал и ко двору знаменитого английского короля Альфреда Великого. Отер в простых словах описал королю морское путешествие, предпринятое им из своей родины на север и на восток. Рассказ этот сохранился благодаря тому, что король Альфред включил его, вместе с описанием путешествия в Балтийское море другого северянина, Вульфстана, в первую главу своей англо-саксонской переработки истории Павла

Орозия: «De miseria mundi».[48] Позднее она была предметом переводов и толкований многих ученых, среди которых я могу здесь назвать скандинавов Г. Г. Портана в Або, Расмуса Раска и К. Хр. Рафна в Копенгагене.

Показания относительно положения Отера при короле Альфреде расходятся. Одни исследователи предполагают, что он был лишь гостем при дворе, другие — что король Альфред посылал его в морские плавания, и, наконец, некоторые допускают, что он был военнопленным.

Вот описание путешествия Отера в мастерском переводе Портана.[49]

«Отер сказал своему господину, королю Альфреду, что он живет севернее всех норвежцев. Он поведал, что в этой стране люди живут севернее Западного моря. И он сказал, что эта страна тянется еще дальше на север; но там она необитаема, за исключением немногих мест, где временами живут финны, которые зимой охотятся и летом ловят рыбу в море. Он сказал, что он однажды захотел исследовать, как далеко тянется эта страна на север, или живут ли какие-нибудь люди севернее этой пустыни. С этой целью он начал плавание вдоль берегов на север; во время всего путешествия с правой стороны у него оставалась пустынная земля, с левой же от-

крытое море. Через три дня он прошел на север так же далеко, как китоловы, а они обычно ходят в море далее других. Три дня он плыл еще дальше на север. Тут берег стал отклоняться к востоку, или море (стало уклоняться, вдаваться) к земле, он не знал, что вернее; но это он знает, что ждал там западного или северного ветра и затем пошел на восток вдоль берегов, сколько мог пройти за четыре дня. Тут ему пришлось снова ждать полного северного ветра, так как земля поворачивала здесь к югу, или море вдавалось в землю; он не знал, что вернее. Затем он пошел вдоль берегов к югу, сколько мог проплыть за пять дней. Тут он увидел большую реку. Он вошел в нее, но, опасаясь встречи с врагами, не решился плыть дальше вверх, по одному берегу река была густо заселена. С тех пор, как он покинул родину, он еще не встречал населенных мест; справа у него повсюду была пустынная местность, и он не встретил никого, кроме нескольких рыбаков, птицеловов и охотников, которые все были финны. А слева у него было широкое море.

«Биармийцы очень хорошо возделывали свою землю; но они (Отер и его спутники) не решились сойти тут на землю. Страна же терфиннов [50] была пустынна повсюду, за исклю-

чением мест, где временно селились охотники, или рыбаки, или птицеловы.

«Много рассказали ему биармийцы и о своей земле и о землях, окружающих их. Но он не знал, что из этих рассказов было правдой, потому что сам никогда этих стран не видел. Ему казалось, что финны и биармийцы говорят почти на одном и том же языке. Он отправился туда главным образом не для того, чтобы знакомиться с самой страной, а для промысла моржей,[51] потому что кость их зубов очень ценна, и путешественники несколько таких костей привезли королю. Кожей моржей можно пользоваться для изготовления корабельных снастей. Этот род китов гораздо мельче других и не длиннее семи локтей. Но в его стране особенно богата ловля именно этих китов. Попадаются также киты длиною в сорок восемь локтей, а самые большие — в пятьдесят локтей длины. По его словам, он с пятью товарищами за два дня убил таких китов шестьдесят штук.[52]

«В отношении этого рода имущества Отер был одним из самых зажиточных людей, и богатство его состояло в диких животных. В бытность его у короля он имел шестьсот прирученных животных; эти животные назывались оленями. Из них шесть служили для приманки. Финны особенно ценят таких оленей,

потому что на них ловятся дикие олени. Он был одним из первых людей в своей стране. Но он владел не более, чем двадцатью коровами, двадцатью овцами и двадцатью свиньями. И то незначительное количество земли, которое он обрабатывал, он пахал лошадьми. Но богатство жителей его страны основывается главным образом на дани, которую им платят финны. Дань эта состоит из звериных шкур и птичьих перьев, китового уса, корабельных канатов из китовой[53] или тюленьей кожи. Каждый платит по своему состоянию. Самый богатый должен доставить пятнадцать куньих шкур, пять оленьих, одну медвежью, десять коробов перьев, одну куртку из медвежьего меха или из выдры и два ремня, каждый в шестьдесят локтей длиной, изготовленный один из моржевой кожи, другой — из тюленьей».

В продолжении рассказа Отера дается описание Скандинавского полуострова и путешествия, которое он предпринял из своей родины на юг. Вслед за этим король Альфред вставляет пересказ путешествия датчанина Вульфстана в Балтийское море. Но эта часть вступления к Орозию слишком далека от задач моей экспедиции, чтобы приводить ее в этом описании.

Из простого и ясного рассказа Отера видно, что он предпринял настоящее путешествие

с целями открытий, чтобы исследовать лежащие к северо-востоку неизвестные страны и моря. Путешествие это дало богатые результаты, так как Отер первый обошел самую северную часть Европы. Не вызывает сомнений, что Отер во время этого плавания проник до устья Двины или, по крайней мере, до устья Мезени в стране биармийцев.[54]

Рассказ поучает нас, что самая северная Скандинавия уже тогда была, хотя и не густо, населена лопарями, образ жизни которых мало отличался от образа жизни современных лопарей.

Население Скандинавии пришло и поселилось в Финмаркене впервые около 1200 года, и с этих пор, конечно, стали распространяться в северных странах сведения об этих краях; но они долго были сбивчивы и в известной мере менее правдивы, чем рассказ Отера. Как представляли в Европе первой половины XVI века северные оконечности материка, можно судить по двум картам севера: одной 1482 года, другой 1532 года.[55]

Еще на последней из этих карт показывают Гренландию соединенной с Норвегией вблизи Вардехуса. Эта карта, согласно предпосланному ей объяснению, составлена на основании показаний двух епископов из епархии Нидарос,[56] к которой принадлежали Гренландия и

Финмаркен и жители которой часто предпринимали как сушей, так и морем торговые поездки и хищнические набеги на землю биармийцев. Трудно было бы понять, как при подобных картах, изображавших распределение на севере суши и моря, могла возникнуть мысль о северо-восточном пути. Однако уже и в те времена раздавались голоса о возможности такого прохода. С одной стороны, основывались на старых сказаниях, что Азию, Европу и Африку окружает одно огромное море; с другой стороны, вспоминали рассказ, как индийский корабль был пригнан бурей в Европу.[57] Только в 1539 году появилась карта севера Олая Магнуса, впервые давшая приблизительно верные очертания Скандинавии на севере.[58] Но во всяком случае прошло около семисот лет, пока Отер нашел последователя в лице сэра Хьюга Виллоуби, которому обычно по ошибке приписывают первенство в длинном ряду людей, пытавшихся проложить северо-восточный путь из Атлантического океана в Китай.

Но следует заметить, что в то время, как в западной Европе распространялись такие карты, как карта Циглера, на севере укреплялись другие, более точные, сведения о северных странах. Очень возможно, что в XV или в начале XVI века норвежцы, русские или

карелы с мирными или воинственными намерениями часто отправлялись на лодках от западных берегов Норвегии до Белого моря и обратно, хотя нигде и нет упоминаний о таких путешествиях, кроме рассказа Сигизмунда фон Герберштейна в его знаменитом труде о России, где он говорит о плавании Григория Истомы и посла Дэвида от Белого моря до Тронднейма в 1496 г. [59]

Путешествие это носит заглавие [60] «Navigatio per Mare Glaciale» и начинается заявлением автора, что он слышал рассказ от самого Истомы, который юношей учился в Дании латинскому языку. Как на причину выбора необычного, долгого, «но верного» кружного пути по северному морю вместо обычного, более короткого, Истома указывает недоразумения между Швецией и Россией и возмущение Швеции против Дании как раз в то время, когда путешествие было предпринято (1496 год). После описания путешествия из Москвы до устья Двины он продолжает:

«Сев в устье Двины в четыре лодки, они сначала держались правого берега моря, где виднелись очень высокие островерхие горы, [61] и когда они таким путем прошли шестнадцать миль и переплыли морское горло, они пошли вдоль левого берега, оставляя справа откры-

тое море, которое, как и близлежащие горы, получило название от реки Печоры.[62] Тут они встретили народ, называющийся финно-лопарями, который хотя и живет в низких и жалких хижинах у моря и ведет жизнь подобно диким зверям, но во всяком случае более миролюбив, чем племя, называемое дикими лопарями. Затем, пройдя страну лопарей и проплыв еще восемьдесят миль, они пришли в страну Нортподен, подвластную шведскому королю. Этот край русские называют Каянской землей, а народ — каянами. Оттуда они поплыли дальше вдоль очень изрезанного берега, простирающегося вправо, и дошли до полуострова под названием Святой Нос.[63] Название произошло от большой скалы, которая, как нос, выдается в море. На полуострове есть грот или пещера, которая в течение шести часов поглощает воду и затем с большим шумом и грохотом, в виде водоворотов, выбрасывает ее вон. Некоторые называют пещеру «пупом моря», другие — Харибдой. Рассказывали, что водоворот этот обладает такой силой, что притягивает к себе корабли и другие находящиеся вблизи предметы и поглощает их. Истома говорил, что он никогда не был в такой опасности, как в этом месте, потому что водоворот притягивал судно, на котором они плыли, с такой силой, что они

спаслись только с величайшим трудом, гребя изо всех сил.[64]

«Пройдя мимо Святого Носа, они дошли до горного мыса, который должны были обогнуть. После того как им пришлось задержаться здесь несколько дней из-за противного ветра, туземец-лоцман сказал: «Скала, которую вы видите, называется Семес, и нам трудно будет пройти мимо нее, если ее не умилостивить какой-нибудь жертвой». Истома говорит, что бранил его за бессмысленное суеверие, но тот молчал. И так по причине сильного морского волнения они задержались на месте еще и четвертый день, но затем буря прекратилась, и они подняли якорь. Когда при попутном ветре они продолжали путешествие, лоцман сказал: «Вы смеялись над моим советом умилостивить скалу Семес и сочли это за смешное суеверие, но нет сомнения, что для нас было бы невозможным пройти мимо нее, если бы я ночью тайно не поднялся на скалу и не принес жертву». На вопрос, что же он принес в жертву, лоцман отвечал: «Я посыпал выдавшуюся в море скалу овсяной мукой, смешанной с маслом». В то время как они плыли дальше, они дошли до другого большого мыса, похожего на полуостров и называвшегося Мотка. На краю его находилась крепостца Бартгус, что значит сторожевой

дом, так как норвежский король держит здесь стражу для охраны своих границ. Толмач сказал, что полуостров этот такой длинный, что его едва можно обогнуть морем в восемь дней. Путешественники, чтобы не задерживаться, с огромным трудом перенесли на плечах на протяжении полумили свои лодки и вещи посуху. Отсюда они поплыли дальше мимо страны диких лопарей до места, называющегося Дронт (Тронднгейм) и расположенного в 200 милях севернее Двины. Лопари сказали, что московский князь обычно брал дань до этих мест».

Рассказ интересен, так как дает нам представление, как 400 лет назад путешествовали вдоль северных берегов Норвегии. Возможно, что он имел непосредственное влияние на посылку экспедиции сэра Виллоуби: напечатанный в Венеции в 1550 году труд Герберштейна должен был скоро стать известным венецианцу Каботу, который в то время был первым штурманом Англии (grand pilot) и с большим тщанием руководил снаряжением первой английской экспедиции на северо-восток.

Еще больше вероятия, что в Англии до 1553 года была известна вышеупомянутая карта Скандинавии Олая Магнуса. Это следует из того, что тогда на севере укоренилось убеждение, которое, наперекор южноевропейским

космографическим картам, признавало существование открытого морского сообщения на севере между Китайским морем и Атлантическим океаном и даже побудило Густава Вазу пытаться организовать экспедицию для изыскания северо-восточного пути. К сожалению, план не был выполнен, и все, что мы об этом знаем, заключается в письме к курфюрсту Августу Саксонскому француза Губерта Ланге, посетившего в 1554 году Швецию. В этом письме, датированном 1 апреля 1576 года, Ланге говорит: «Когда я двадцать два года тому назад был в Швеции, король Густав часто говорил со мной про этот морской путь. Наконец, он стал побуждать меня предпринять такое морское путешествие и обещал снарядить два судна со всем необходимым для долгого плавания и дать экипаж из опытнейших моряков, готовых подчиняться моим приказаниям. Но я ответил на это, что предпочитаю путешествовать по населенным странам, чем отыскивать новые пустыни».[65] Возможно, что если бы Густав Ваза нашел человека, способного выполнить его грандиозные планы, Швеция оспаривала бы у Англии честь открытия длинного ряда путешествий на северо-восток.[66]

В настоящее время мореплавание в Англии несравненно более развито, чем в какой-либо

другой стране, но оно недавнего происхождения. Еще в середине XVI века оно было в высшей степени незначительно и ограничивалось каботажным плаванием вдоль берегов Европы или немногими рыболовными экспедициями в Исландию и Ньюфаундленд.[67] Морское могущество Испании и Португалии и их нетерпимость к другим странам не допускали чужеземных мореплавателей заводить торговлю с восточноазиатскими странами, про неслыханные богатства которых, золото и драгоценные камни, дорогие ткани, пряности и благовония так соблазнительно рассказывал Марко Поло. Чтобы североевропейские купцы могли иметь свою долю прибыли в этих богатствах, казалось необходимым открыть новые пути, недоступные для армады Пиренейского полуострова. Этим объясняется упорное стремление англичан и голландцев к снаряжению дорогостоящих экспедиций с целью открытия нового пути в Индию и Китай, либо северо-западным путем, мимо Нового Света, либо северо-восточным, вдоль северных берегов Старого Света. Путешествия эти прекратились лишь с упадком морского владычества Испании и Португалии. Ни одна из экспедиций не достигла цели, но нужно заметить, что эти экспедиции во всяком случае были первым толчком к созданию господства Англии в море.

Путешествие сэра Хьюга Виллоуби в 1553 г. было, таким образом, первым большим морским путешествием, предпринятым из Англии в отдаленные моря. Его организовал с большим тщанием знаменитый, хотя и старый уже мореплаватель Себастьян Кабот, составивший для командиров подробные правила на всякие случаи в путешествии. Часть этих предписаний кажется теперь, конечно, ребяческими,[68] но иные можно было бы применять и теперь как правила распорядка для каждой хорошо организованной полярной экспедиции. Кроме того, Виллоуби получил от короля Эдуарда VI открытую грамоту на латинском, греческом и нескольких других языках, в которой говорилось, что единственной целью путешествия являются открытия и установление торговых сношений и что народы, с которыми могла бы притти в соприкосновение экспедиция, просят относиться к сэру Виллоуби и его спутникам так, как они сами хотели бы, чтобы к ним отнеслись, если бы они прибыли в Англию. Уверенность в том, что этот путь приведет в Индию, была так велика, что для защиты от червей, точащих дерево, впервые в Англии покрыли подводную часть кораблей сэра Виллоуби тонкими свинцовыми листами.[69] Корабли эти были:

1. «Bona Esperanza», адмиральский корабль в 120 тонн, на котором находился сам сэр

Хьюг Виллоуби как главный командир флота. Экипаж состоял из 35 человек, включая самого Виллоуби, капитана судна Вильяма Джефферсона и шести купцов.

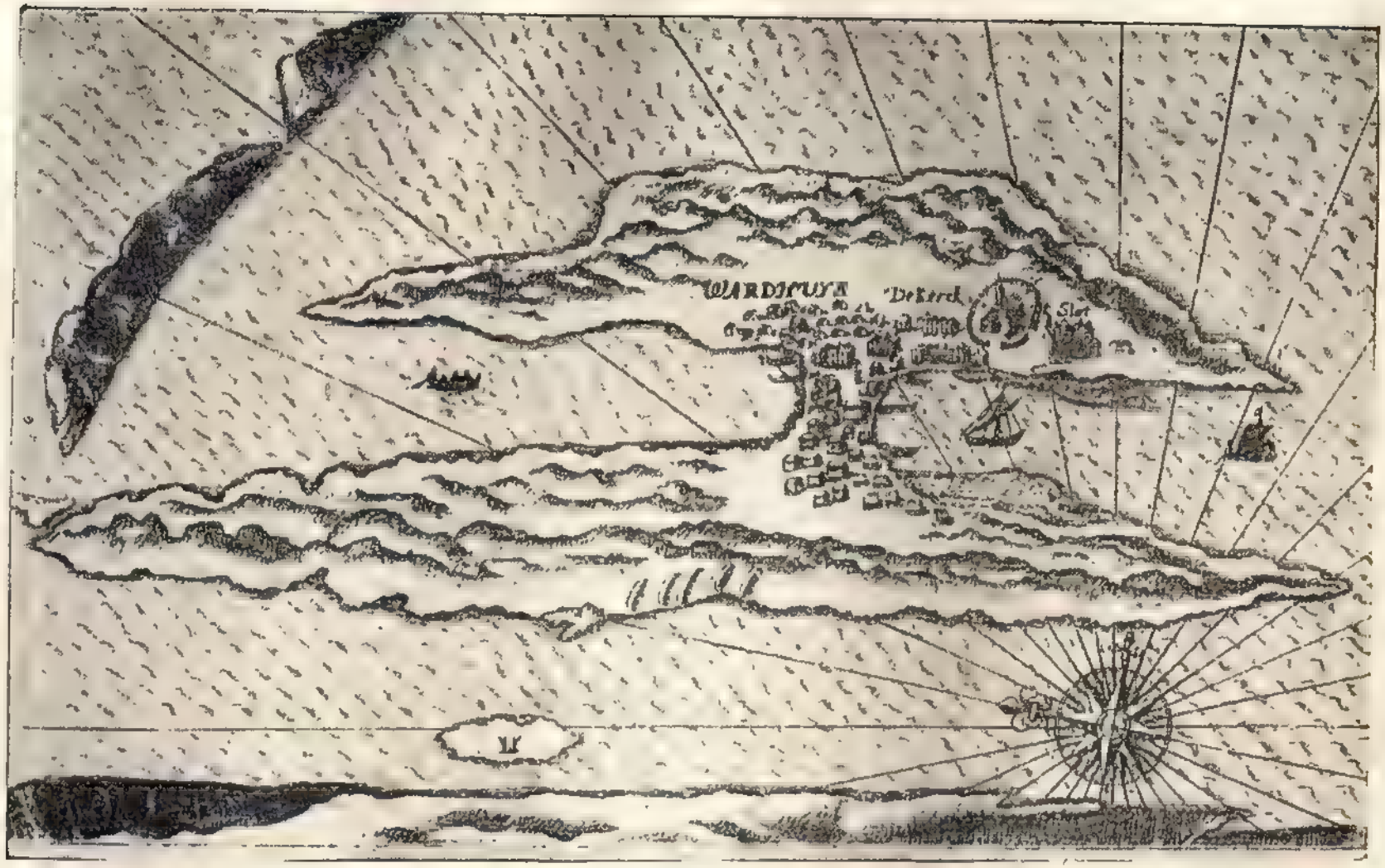
2. «Edward Bonaventure», в 160 тонн, на котором находился Ричард Чанслер, капитан флота и главный штурман. Весь экипаж этого судна состоял из 50 человек, включая двух купцов. Среди судового состава встречаются знаменитые впоследствии в истории северо-восточных путешествий имена Стефана Борро, капитана судна, и Артура Пита.

3. «Bona Confidentia», в 90 тонн, под командой Корнелия Дерфурта, с экипажем в 28 человек, считая трех купцов.

Снаряжение кораблей обошлось в 6000 фунтов стерлингов, разделенных на акции по 25 фунтов каждая. Сэра Хьюга Виллоуби избрали начальником «за его представительную наружность и опыт в военном деле».[70] За сведениями о востоке обратились к двум «татарам», королевским конюхам, но от них не могли получить никаких разъяснений. Корабли вышли из Радклифа 20 мая 1553 года.[71] Лодки пробуксировали их при попутном ветре мимо Гринича, где находился королевский двор. Король не мог присутствовать по болезни, но королевский Совет, придворные и бесчисленная толпа народа приветствовали из окон, с крыш

домов и с самого берега плывущие мимо корабли с моряками в новом синем праздничном обмундировании. Моряки отвечали на приветствия пушечными салютами. «Горы, долины и воды отвечали эхом, матросы кричали так громко, что было слышно до звезд».[72] Все было торжеством и радостью, будто люди предчувствовали, что в этот день родилась наиболее могущественная морская держава, какую знает мировая история.

Само плавание, однако, оказалось очень неудачным для Виллоуби и для большей части его спутников. Миновав восточные берега Англии и Шотландии, все три судна вместе направились к Норвегии, берега которой показались 24 июля под 66° сев. шир. Высадившись на берег, мореплаватели нашли там тридцать хижин, жители которых скрылись, вероятно, из страха перед чужеземцами. Страна, как потом узнали, называлась Гальгеланд и была как раз той частью Норвегии, из которой Отер начал свое морское путешествие по Белому морю. Отсюда поплыли дальше вдоль берегов. 6 августа бросили якорь в гавани Стэнфью (возможно, Стэнфиорд на западном берегу Лофутенов), где встретили многочисленное и дружелюбное население, но в этой части страны не было других товаров, кроме сушеной рыбы и ворвани. В середине



Вардё в 1594 году. (По Линшотену.)

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

августа «Edward Bonaventure» был во время бури разлучен с двумя другими судами около острова Сенье. Последние, пытаясь достичь Варде, лавировали, пока не пришли к окруженной льдами необитаемой земле, у берегов которой море было так мелко, что не могла пристать и лодка. Земля эта, по определению мореплавателей, была расположена на 480′ к OtN от Сенье, под 72° сев. шир.[73] Отсюда пошли на парусах сначала на север, затем на юго-восток. Таким образом приблизились к русской Лапландии, где 28 сентября нашли хорошую гавань, и тут Виллоуби решил зазимовать. Расположена эта гавань была при впадении реки Арсина «близ Кегора». О дальнейшей судьбе сэра Хьюга Виллоуби и его 62 спутников неизвестно ничего, кроме того, что все они в течение зимы погибли, вероятно, от цынги. Дневник начальника экспедиции заканчивается сообщением, что тотчас же по прибытии было отправлено для исследования местности по три матроса в юго-западном, в западном и в юго-восточном направлениях, но что она оказалась необитаемой. Год спустя русские рыбаки нашли на месте зимовки корабль и трупы умерших людей вместе с дневником, а также засвидетельствованное самим Виллоуби завещание,[74] из которого видно, что в январе 1554 года и он сам и часть экипажа

были еще живы.[75] Оба корабля вместе с телом Виллоуби были отправлены в Англию в 1555 году купцом Джорджом Коллингвортом.[76]

Что касается расположения «Арсины», то из донесений о первом путешествии Антони Дженкинсона (Hakluyt, стр. 335) видно, что он употребил семь дней, чтобы пройти от Вардехуса до Святого Носа, и что он на шестой день миновал устье реки, где зимовал сэр Хьюг Виллоуби. На расстоянии $^{6}/_{7}$ пути, между Вардехусом и Святым Носом, под 68°20′ сев. шир. и 38°30′ вост. долг. от Гринича, в Ледовитый океан впадает река, которая на современных картах обозначена «Варзина». Нет сомнения, что два судна первой экспедиции на северо-восток перезимовали именно в устье этой реки с такими несчастными последствиями как для руководителей, так и для экипажа.

Плавание третьего судна, «Edward Bonaventurê», под командой Чанслера было удачно и имело большое значение для мировой торговли. Как уже упоминалось, Чанслера в августе разлучила с его спутниками буря. Тогда он самостоятельно доплыл до Вардехуса. Прождав там семь дней сэра Хьюга Виллоуби, «он, несмотря на уговоры некоторых шотландцев вернуться назад, продолжил, с твердым решением достигнуть цели или умереть, свое

путешествие в неведомую часть света, в такой далекий край, где солнце светит над необъятным морем день и ночь». 77 Таким путем он, наконец, достиг в Белом море устья Двины, где на месте нынешнего Архангельска тогда стоял небольшой монастырь. Дружеским обхождением Чанслер быстро заслужил доверие местных жителей, которые отнеслись к нему очень гостеприимно. Они поспешили отправить гонца к Ивану Грозному, чтобы сообщить ему об этом замечательном событии. Следствием этого было, что Чанслер получил приглашение к московскому двору, где он и его спутники были приняты с большим почетом и провели часть зимы. Следующим летом он вернулся на своем корабле в Англию. Таким образом и завязались торговые сношения, быстро оказавшиеся весьма важными для обоих государств. Сношения эти уже в ближайшие годы послужили толчком для многих морских путешествий, о которых я не могу здесь говорить подробно, так как они не относятся к истории путешествий на северо-восток. 78

Сэр Хьюг Виллоуби, конечно, не был ни выдающимся географом, ни мореплавателем, но достойны уважения самопожертвование и мужество как его, так и его спутников. Огромно значение путешествий Виллоуби и Чанслера для развития торговли Англии, Рос-

сии и северной Норвегии. Небольшой монастырь в устье Двины превратился в цветущий торговый город,[79] и многочисленное население появилось на пустынных до тех пор берегах Ледовитого океана. Телеграфное сообщение и регулярные пароходные рейсы с Россией теперь уже установились. Жители Варде могут в течение нескольких часов узнавать все, что делается в Париже или Лондоне, даже в Нью-Йорке, Индии, на мысе Доброй Надежды, в Австралии, Бразилии, тогда как столетие назад почта приходила сюда всего один раз в год. Рассказывают, что один комендант, большой любитель газет, принял требовавшее в те времена большого самообладания решение — не «проглатывать» сразу почту, но читать газету изо дня в день, спустя целый год после ее выхода. Теперь все это изменилось, и все же люди недовольны. Интересы торговли и рыболовства требуют железнодорожных сообщений с остальной Европой. Без сомнения, это может осуществиться в течение ближайших лет,[80] и не много времени пройдет, пока телеграф соткет свою сеть и регулярные пароходные рейсы установятся вдоль берегов Ледовитого океана, далеко за тем морем, которое Чанслер открыл для мировой торговли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отплытие из Мозе. — Гусиная Земля. — Состояние льдов. — Суда экспедиции собираются в Хабарове. — Русские и ненцы. — Посещение Хабарова в 1875 г. — Покупка идолов. — Одежда и жилища ненцев. — Сравнение полярных народностей. — Посещение на острове Вайгаче мест жертвоприношений и могил. — Древнейшие сведения о ненцах.— Их место в этнографии.

ВСЛЕДСТВИЕ упорного противного ветра, дождя, тумана и чрезвычайного волнения «Вега» задержалась в Мозе до вечера 25 июля. Хотя погода продолжала быть очень неблагоприятной, мы нетерпеливо стремились дальше, подняли якорь и через пролив Магере вышли на парах в море. Одновременно вышла и «Лена», получившая приказ по возможности следовать за «Вегой» и в случае, если разлука неминуема, держать курс на Хабарово в Югорском

Шаре, назначенном мною сборным пунктом четырех судов экспедиции. Мы потеряли из виду «Лену» в первую же ночь во время сильного тумана и встретились снова только на сборном пункте.

«Вега» взяла курс на Южный Гусиный мыс.[81] Хотя я еще в Тромзе решил пройти в Карское море через самый южный из ведущих туда проливов — Югорский Шар, курс был взят значительно более северный, так как опыт показал, что в начале лета в проливе между западным побережьем острова Вайгач и материком часто скапливается столько льда, что плавание в этих водах сильно затрудняется.

Этих трудностей можно избежать, если подойти к Новой Земле приблизительно у Гусиной Земли и далее следовать вдоль западного побережья этого острова и Вайгача до Югорского Шара. В данном случае предосторожность эта была излишней. Ледовая обстановка оказалась чрезвычайно благоприятной, и мы дошли до Югорского Шара, не увидав и следов льда.

Переходу от Норвегии до Гусиной Земли вначале благоприятствовал попутный ветер, но ближе к Новой Земле он стал слабеть. Несмотря на это, плавание с помощью пара шло хорошо и без иных приключений, кроме силь-

ной качки, в результате которой покатились некоторые ящики с инструментами и книгами, но, к счастью, без значительных повреждений.

28 июля в 10 часов 30 минут пополудни показалась земля. Это был мыс, который выступает на юге Гусиной Земли под 70°33′ сев. шир. и 51°54′ вост. долг. от Гринича. Гусиная Земля — низкая береговая полоса, покрытая травой и множеством маленьких озер, выступающая из главного массива Новой Земли между 72°10′ и 72°30′ сев. шир. Название происходит от огромных стад гусей и лебедей (Cygnus Bewickii Yarr.), гнездящихся в этих местах. Гуси обычно вьют свои небольшие гнезда на кочках у маленьких озер, которыми покрыта Гусиная Земля; сильные, но очень пугливые лебеди, напротив, устраивают гнезда на открытых равнинах. Лебединые гнезда так велики, что их видно уже издали. Строительным материалом для гнезд является мох. Лебеди вырывают его из почвы метрах в двух от гнезда, так что последнее окружается своего рода рвом и валом. Сами гнезда образуют усеченный конус в 0,6 метра в высоту и в 2,4 метра в нижнем сечении. В верхней части его находится отверстие в 0,2 метра глубины и в 0,6 метра ширины, в которое птица кладет свои четыре больших серо-белых яйца.

Яйца высиживают самки, но и самцы находятся поблизости от своих гнезд. Водится здесь также множество голенастых птиц, два вида Lestris, один вид совы и др. и на вершинах береговых скал Гусиной Земли встречаются различные виды чаек. Но птичий мир у самых берегов Гусиной Земли довольно беден. Здесь нет птичьих базаров с миллионами обитателей. Эти базары с их громким криком и битвами воздушных жильцов придают обычно своеобразный отпечаток берегам полярного севера. Базары чаек я видел на Новой Земле севернее, а именно на южном берегу Безымянной губы.[82] Гусиная Земля издали представляется совершенно низменной и ровной, на самом же деле поверхность ее медленно и волнообразно поднимается от берега до зеленой равнины с мелководными озерами, возвышаясь, наконец, до 60 метров над уровнем моря. К морю равнина почти повсюду опускается крутыми уступами от 3 до 15 метров высоты, под которыми зимой образуются огромные очень поздно тающие снежные заносы. Настоящих ледников здесь нет, как и валунов, и ничто не указывает на иную обстановку в далеком прошлом. Не видно с моря и покрытых снегом горных вершин. В известное время года (в течение всего августа) можно плыть из Норвегии в Новую Землю, охотиться там и возвра-

титься, не увидев и следов льда или снега. Это касается, впрочем, только низменной части южного острова, но свидетельствует, во всяком случае, о том, как неправильны существующие представления о климатических условиях Новой Земли. Уже в конце июня или в начале июля большая часть Гусиной Земли почти совсем освобождается от снега и вскоре затем, в течение нескольких недель, мир арктической флоры расцветает во всей своей красоте. Сухие, благоприятно расположенные места покрываются тогда низким, но очень пышным цветущим ковром, не затененным ни высокой растительностью, ни кустарником. В сырых местах встречаются настоящие поляны, похожие, по крайней мере издали, на веселые зеленые луга.

Из-за потери времени, причиненной задержкой у норвежского берега и стоянкой в Мозе, мы на этот раз не могли высадиться на берег и продолжали наш путь к Югорскому Шару вдоль западных берегов Новой Земли при неизменно великолепной и тихой погоде. Море было совершенно свободно от льдов, и земля, кроме небольших оставшихся в долинах снежных полей, была обнажена. Кое-где под крутыми уступами берегов также видны были остатки зимних заносов, которые часто вследствие рефракции, вызванной сильным нагревом

солнцем нижних слоев воздуха, блестели, оледенелые, и издали были похожи на большие круто обрывающиеся к морю ледники. Когда мы прошли дальше на юг, нам открылся благодаря ясной погоде отличный вид на остров Вайгач. При взгляде с моря западное побережье острова представляло собой гладкую зеленую равнину, но по мере приближения к Югорскому Шару на восточной стороне острова становились видны невысокие гряды холмов, вероятно, последние ответвления северных отрогов Урала, известных под названием Пай-хой.

У входа в Югорский Шар мы увидели пароход. После многих догадок мы узнали «Фразер». Я сначала очень обеспокоился и боялся, не случилось ли какое-нибудь несчастье, так как пароход взял курс, прямо противоположный условленному. Но вскоре капитан Нильсон прибыл на «Вегу» и сообщил, что вышел на поиски нас. «Экспресс» и «Фразер» с 20-го ждали нас в условленном пункте. Они вышли из Варде 13 июля и при переходе не встретили льдов, так же как и мы. «Вега» и «Фразер» пошли затем в Хабарово, где 30 июля вечером на 14-метровой глубине бросили якорь при глинистом грунте. «Лены» еще не было. Возникло опасение, что маленькому пароходу было не под силу справиться с вол-

нением по ту сторону Нордкапа. Даже более крупная «Вега» брала воду, и волной, перекатившейся через борт, у нее разбило один из ящиков, принайтованных к палубе. Но опасения наши были неосновательны. «Лена» сделала честь своим строителям и заводу в Мотала и хорошо справилась с морским волнением. Причиной задержки была девиация компаса, вызванная малым горизонтальным напряжением магнетизма в этих северных широтах. Девиация оказалась больше, чем при выверке компаса в Гётеборге перед отъездом. 31-го «Лена» бросила якорь рядом с другими судами, и вся наша маленькая полярная эскадра собралась таким образом в условленном пункте.

Хабарово — маленькая деревушка, расположенная на материке на южном берегу Югорского Шара, к западу от устья небольшой, но временами очень богатой рыбой речки. Летом местечко населено ненцами,[83] пасущими свои оленьи стада на острове Вайгач и в окрестных тундрах, и несколькими русскими или обрусевшими финнами, которые приезжают сюда из Пустозерска для меновой торговли с ненцами или для совместной с ними охоты и рыбной ловли в море. Зимой ненцы гонят свои стада далее на юг, а купцы везут свои товары в Пустозерск, Мезень, Архангельск и

другие места. Так, вероятно, продолжается уже сотни лет, но постоянные жилища были устроены здесь только в позднейшие времена. О них, например, в голландских путешествиях не упоминается.[84]

В настоящее время Хабарово состоит из двух частей: квартала знатных — из нескольких деревянных лачуг с плоскими торфяными крышами и квартала бедных — из кучки грязных ненецких чумов. В том месте, где мы сошли на берег, стояло множество саней, нагруженных товарами, которые русские купцы здесь выменивают и осенью отправляют в Пустозерск. Товары состояли главным образом из ворвани и шкур песца, обыкновенной лисицы, белого медведя, волка, рыси, оленя и тюленя. У многих медвежьих шкур был очень густой белый зимний мех, но их портили тем, что отрезали головы и лапы. Некоторые из волчьих шкур, которые нам показывали, были также очень густы и красивы. Кроме того, купцы собрали значительный запас гусиных перьев, пуху и крыльев белой куропатки. Я так и не мог понять, для чего шел этот последний товар. Мне только сказали, что он будет отправлен морем в Архангельск. Быть может, он оттуда идет к нашим западноевропейским торговцам модным товаром и употребляется как украшение для шляп наших

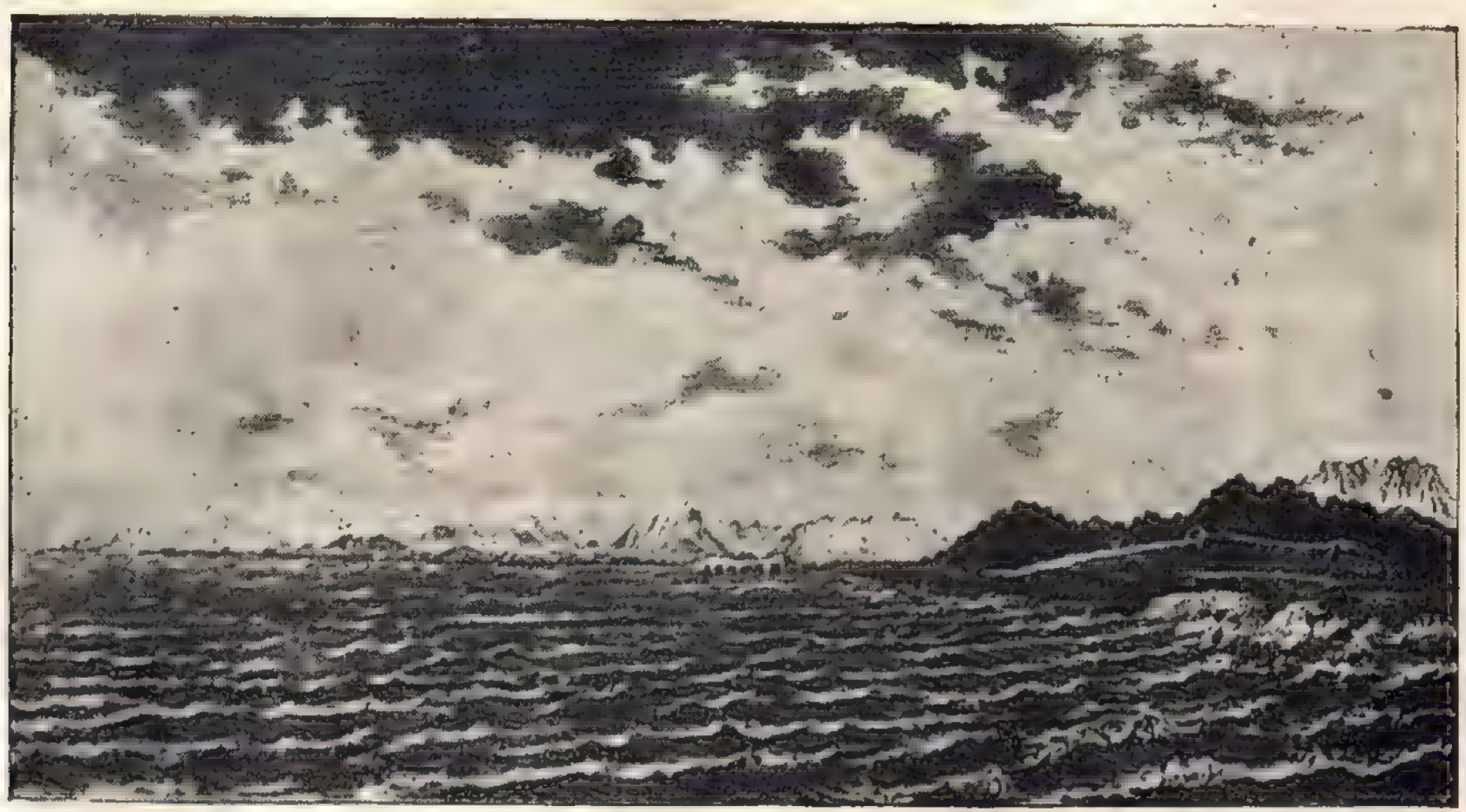
дам. Впрочем, крылья белых куропаток уже в 1611 году скупались в Пустозерске [85] — англичанами. Кроме того, я видел среди всех этих товаров моржовые клыки и ремни из моржовой кожи. Замечательно, что эти же товары упоминаются еще в повествованиях Отера.

Недостаточно зная русский язык, я просил г. Серебреникова собрать сведения об условиях жизни и домашнем быте в этой местности. Он сообщил мне следующее:

«Деревня состоит из нескольких хижин и чумов. В хижинах живут девять русских хозяев со своими работниками-самоедами. Русские не берут сюда ни жен, ни детей. В чумах самоеды живут со своими семьями. Русские приезжают сюда из села Пустозерска около конца мая. Во время пребывания в Хабарове они занимаются оленеводством, китобойным [86] промыслом и меновой торговлей с самоедами. Всю домашнюю утварь и все товары они везут с собой за 600—700 верст из дому на нартах, запряженных оленями. Часть оленей по прибытии в Хабарово гонят на лето по льду на Вайгач. В конце августа, когда наступают холода, оленей вплавь переправляют через Югорский Шар с Вайгача на материк. Около 1 октября старого стиля русские возвращаются со своими оленями в Пустозерск. Остров Вайгач считается у них особенно хо-

рошим пастбищем для оленей; поэтому они оставляют часть оленей зимовать на острове под присмотром нескольких самоедских семей. Вайгач славится и тем, что там редко угоняют оленей, тогда как кражи животных самоедами на материке довольно часты. Лет тридцать уже, как сибирская язва стала тяжело поражать оленей. Один русский рассказывал, что у него теперь всего двести оленей, тогда как несколько лет назад у него была тысяча, и это подтверждали другие русские. Эта болезнь поражает даже людей. Так, за два или три дня до нашего приезда самоед с женой поели мяса больного оленя, в результате чего женщина умерла на следующий день, а мужчина лежал еще больной и, по мнению местных жителей, несомненно тоже должен был погибнуть. Среди самоедов есть богачи, например, «старший в племени» (старшина), владеющий тысячью оленей. Самоеды, также как и русские, промышляют рыбу. Зимой часть их переходит в западную Сибирь за Урал, где «хлеба дешевые», а часть уходит в Пустозерск.

«Девять русских образуют компанию (артель) для китобойного промысла. Добыча компании обычно доходит в сезон до 24—32 тонн сала белухи, но в этом году промысла не было из-за несогласий между зверобоями.



Вид берегов в проливе Маточкин Шар

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

В русской артели существует правило: «равный труд, равные права», а так как богатые никогда не хотят подчиняться первой части правила, то их заносчивость и жадность здесь, как и во всем мире, вызвали ссоры.

«Как русские, так и самоеды не занимаются здесь хлебопашеством. Первые покупают муку в Ирбите. Цены на муку колеблются; в этом году пуд стоил в Пустозерске 1 руб. 10 коп. Соль доставляется теперь из Норвегии в Мезень, где стоит 50—60 коп. пуд. Самоеды почти все покупают у русских. Большой спрос существует на порох, свинец, дешевые ружья, ром, хлеб, сахар и посуду (чашки и др.). Самоедские женщины употребляют сукна различных цветов, в особенности красного. В обмен на такие товары можно получить рыбу, ворвань, оленьи шкуры, моржовые клыки и меха красной и бурой лисицы, песца, волка, белого медведя и рыси. Все самоеды окрещены в православную веру, но, несмотря на это, почитают и своих старых идолов. За тысячу верст ходят они к местам своих жертвоприношений. На Вайгаче имеется несколько мест, где находятся их идолы. Русские называют этих идолов «болванами». [87]

У самоедов есть песни и сказки, в которых, между прочим, описываются и их паломничества.

«У самоеда бывает одна или несколько жен, даже сестры могут быть женами одного и того же мужа. Свадьба совершается без всякой торжественности. Жены считаются равноправными с мужьями, которые так к женам и относятся. Это весьма редкое явление, так как русские, как и все другие христианские народы, смотрят на женщину как на подчиненную себе во многих отношениях».

Я посетил Хабарово впервые в начале августа 1875 г. Тогда справлялся русский праздник, и нам уже издали с моря было видно множество русских и ненцев, стоявших группами на берегу. Когда мы подошли ближе, оказалось, что они заняты различными играми, и хотя для них это несомненно был первый визит европейцев в их «городе», они заинтересовались не больше, чем если бы несколько незнакомых ненцев присоединились к их компании. Некоторые стояли в кругу и бросали по очереди небольшой кусок заостренного железа, причем искусство состояло в том, чтобы острый конец попал внутрь лежащего на земле кольца и воткнулся. Другие были заняты игрой, похожей на наши кегли, борьбой и т. д. Русские и ненцы играли друг с другом, не делая различия. Ненцы, низкорослые, невзрачные, с всклокоченными волосами, были в грязной меховой летней одежде;

поверх иногда была надета яркая ситцевая рубашка. Русские (вероятно, отпрыски финского племени или потомки древних биармийцев), крупные, рослые, с длинными, лоснящимися от масла волосами, празднично причесанные с ремешком на лбу или в шапках на головах, были одеты в длинные стянутые в поясе ремнем пестрые кафтаны, так называемые «мекки». Несмотря на проявленное вначале искусственное равнодушие, считавшееся, повидимому, хорошим тоном, нас приняли дружелюбно. Сначала нам предложили попытать счастья и показать ловкость в играх, причем к немалому удовольствию наших хозяев скоро оказалось, что мы в этой области не могли соперничать ни с русскими, ни с ненцами. После этого один из русских пригласил нас в свою избу, где угощал чаем, русскими пшеничными кренделями из пресного теста и водкой. Нам сделали маленькие подарки с деликатным намеком, чего хотели бы взамен. Насколько это было возможно, я с удовольствием пошел им навстречу. Вначале между нашими хозяевами, русскими и ненцами, царило полное согласие, но уже на следующий день произошел большой спор из-за того, что русские предложили одному из нас прокатиться на стоявших поблизости от русской избы нартах с оленьей упряжкой. Ненцы были очень обижены этим

и объявили, насколько это можно было сделать знаками, что они сами с удовольствием возили бы нас, если бы мы пожелали, прерывали спор и тут же показывали свою ловкость, с изумительным искусством и быстротой проезжая между чумами.

Ненецкие нарты приспособлены как для зимней езды по снегу, так и для летней — по мшистым тундрам и топким торфяникам. Поэтому они устроены совершенно иначе, чем кережи лопарей.

Ненецкие нарты похожи на высокие сани с сиденьем в виде короткого и низкого ящика. По удобству, наружному виду и теплу их нельзя сравнить с лопарскими. Мы тут имеем два совершенно различных типа саней. Кережа лопарей, повидимому, с давних пор свойственна скандинавскому северу: [88] высокие же самоедские нарты напротив, — северной России. Так, у Олая Магнуса (римское издание 1555 г., стр. 598) встречается изображение кереж такого же типа, как и современные; ненецкие же сани также встречаются в первых трудах об этих странах, (например, у Huyghen van L i n s c h o t e n, Schip-vaert van by Noorden etc., Amsterdam, 1601). Они изображены на полях главной карты. Такими же высокими санями пользуются и на полуострове Канин, на Ямале и в западной Сибири. Сани же

чукчей ниже и поэтому больше похожи на наши (шведские) санки или грузовые сани.

У чумов сновало множество небольших черных и белых длинношерстых собак с острыми мордами и ушами. Ими пользуются исключительно для того, чтобы оберегать на пастбищах оленьи стада, и они, повидимому, той же породы, как и настоящие оленьи сторожевые собаки. В некоторых местах на побережье Белого моря пользуются собаками даже для упряжки, но по сведениям, полученным мною перед отъездом на Шпицберген в 1872 г., — тогда поднимался вопрос о применении собачьей упряжки в предполагаемом санном путешествии, — собаки эти другой, более сильной породы, чем лапландские и немецкие.

Когда «Вега» бросила якорь, я сошел на берег с намерением взять несколько высот солнца для определения хода хронометров. Дело в том, что во время путешествия 1875 г. мне представился случай определить положение этого места с точностью, с какой это можно было сделать при помощи обыкновенного отражательного круга и хронометра, причем мною были получены следующие результаты:

Церковь в Хабарове { широта 69°38′50″
долгота 60°19′49″
к вост. от Гринича.

Закончив наблюдения, я отправился возобновлять знакомство с моими старыми местными друзьями. Я попытался также приторговать у ненцев предметы их одежды и домашнего обихода, но так как у меня не было товаров для меновой торговли, а наличные деньги, повидимому, у них не особенно ценятся, цены были очень высокие. Например, за красивую женскую малицу просили 20 руб., за шапку с медными подвесками — 10 руб., за пару оленьих сапог — 2 рубля, за медные украшения для шапок — по 2 рубля за штуку и т. д.

Зная, что ненцы при всех своих кочевках берут с собой идолов, я просил продать мне божков. Сначала отвечали уклончиво. Было ясно, что ненцам отчасти мешало пойти навстречу моему желанию суеверие, отчасти они стеснялись перед европейцами жалкого вида своих богов. Металлический блеск нескольких рублей, которые я наменял в Стокгольме, заставил, наконец, одну старушку откинуть всякие сомнения. Она пошла к нагруженным нартам, являвшимся, повидимому, своего рода складом, и долго рылась, пока не нашла старый, негодный меховой сапог. Из него она вынула красивый меховой чулок, откуда, наконец, извлечены были на свет четыре идола. После бесконечных переговоров она продала мне идолов за довольно высокую цену. Идолы

представляли собой просто миниатюрную малицу с поясом, меховую куклу в 13 сантиметров длиной с лицом из латуни, другую куклу с носом из согнутой латунной пластинки и завернутый в тряпки обвешенный медными бляхами камень, один бок которого образовал лицо той человеческой фигуры, на которую все это вместе взятое должно было походить.

Когда торг богами был наконец закончен, хотя и не совсем к моему удовольствию, так как я считал, что приобрел слишком мало, нас, как и в 1875 г., один из русских пригласил к себе в избу пить чай. Изба эта состояла из сеней и одной комнаты, приблизительно в четыре метра в квадрате и всего в два с половиной метра в высоту. Один угол был занят большой печью; рядом с печью находилась очень низкая дверь, а напротив печи — маленькое окошечко; под ним стояло несколько сундуков, которые в случае нужды служили и чайным столом. Вдоль остальных двух стен находились прикрепленные к ним нары из досок, покрытые оленьими шкурами. Окошечко, повидимому, было раньше закрыто стеклами, но большая часть из них была теперь разбита и заменена дощечками. Этому, конечно, не приходится удивляться, так как стекла являются здесь редким предметом роскоши.

Как только мы пришли в избу, начались приготовления к угощению чаем. Сахар, кренделя, чайные чашки с блюдечками и бутылка водки были вынуты из обыкновенного русского сундука. Развели огонь, вскипятили воду и приготовили чай обычным способом, причем густой дым и черная копоть распространились в низкой комнате, которая тем временем набилась любопытными. Кроме этого маленького неудобства, пир прошел очень приятно в оживленной беседе, хотя хозяин и большинство гостей только с трудом могли понимать друг друга.

Отсюда мы отправились в ненецкие чумы, расположенные в стороне от русских изб. Здесь нас также приняли дружественно. Некоторые из обитателей чумов были теперь одеты более нарядно, а именно в одежду из оленьих шкур, схожую с лопарской. Праздничная одежда женщин особенно нарядна. Она состоит из довольно длинного платья из оленьего меха, такого тонкого, что от пояса оно спускается красивыми равномерными складками. На юбке две или три разноцветных «оборки» или бахромы из собачьей шкуры, между которыми нашиты полоски из сукна ярких цветов. Обувь состоит из высоких, красиво и со вкусом расшитых сапог из оленьего меха. Летом ходят с обнаженной

Лопарская кережа

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

головой. Черные косматые волосы женщин разделены тогда пробором на две косы, переплетенные ремешками, яркими лентами и бисером. Там, где волосы оканчиваются, косы искусственно удлинены ремешками, отягощенными бусами, пуговицами и всевозможными металлическими украшениями и почти достигают земли. Все это сделано так искусно, что вначале можно подумать, что у ненецких женщин волосы обладают необычайной способностью расти. Кроме того, множество других украшенных пуговками бисерных шнуров не без вкуса вплетены в волосы или прикреплены к проколотым ушам. Весь этот головной убор очень тяжел и в особенности отягощает голову зимой, когда ее защищают от холода плотной и очень теплой шапкой из оленьего меха, отороченной собачьим мехом, причем с задней части шапки свисают два ремня, унизанные тяжелыми латунными или медными бляхами.

Молодая женщина наряжается здесь, как и повсюду, насколько ей позволяют средства, но красивее в наших глазах она от этого не становится. По своей нечистоплотности она соперничает с мужчиной. Как и мужчина, она малорослa, у нее черные, жесткие, похожие на конские, волосы, желтый цвет лица, которое часто нельзя разглядеть из-за грязи, ма-

ленькие раскосые слезящиеся глаза с больными веками, плоский нос, широкие выдающиеся скулы, худощавые и маленькие руки и ноги.

Одежда мужчин, похожая на лопарскую, состоит из простой широкой и длинной малицы, стянутой поясом с медной оправой, богато разукрашенным пуговицами. К поясу подвешен нож. Сапоги из оленьего меха обычно шьются выше колен, а головной убор состоит из плотно надвинутой шапки, также из оленьего меха.

Единственные виденные нами летние чумы— конической формы, с отверстием в вершине для выпуска дыма от очага, устроенного посреди пола. Места для спанья во многих чумах закрыты занавесками из яркого ситца. Такая ткань употребляется, если ее раздобыли, и как подкладка для одежды. Шкура сама по себе, вероятно, не представляет достаточно удобного для одежды материала, и одетый в мех дикарь выменивает себе у европейца после «огненной воды» и железных изделий прежде всего хлопчатобумажные ткани, холст и шерсть.

Из полярных народов, с которыми я познакомился, выше всех без сомнения стоят лопари; за ними идут эскимосы датской Гренландии. Оба эти народа грамотны, привыкли пользоваться продуктами земледелия, тор-

говли и современной промышленности, как, например, бумажными и шерстяными тканями, инструментами из кованого или литого железа, огнестрельным оружием, кофе, сахаром, хлебом и т. д. Они до сих пор кочевники и охотники, но их уже нельзя назвать дикарями, и образованный европеец, проживший с ними некоторое время, проникается симпатией ко многим сторонам их образа жизни и к их душевным свойствам. Ниже по развитию стоят эскимосы северо-западной Америки, на первобытно грубую жизнь которых, повидимому, имели очень благотворное влияние сношения с американскими китоловами;[89] я сужу по эскимосскому племени, обитающему вблизи порта Кларенс.[90] Они до сих пор язычники, но многие из них бывали в дальних путешествиях и вывезли с Сандвичевых островов не одни только кокосовые орехи и пальмовые цыновки, но и некоторые навыки к домашнему порядку и даже изяществу, отличающие островитян южных морей. Далее идут чукчи, которые до сих пор еще мало соприкасались с европейцами; за последнее время они, повидимому, лишились значительной части средств к существованию, в результате чего заметно сходит на-нет сила и жизненность племени. Последними идут ненцы или, по крайней мере, те ненецкие племена, которые оби-

тают в пограничных с кавказской расой областях. Очевидно, что влияние последней 91
с ее порядками и организацией быта, с ее торговцами и, прежде всего, «огненной водой» было для туземцев гибельно.

Когда я однажды спросил эскимоса из северо-западной Гренландии, известного большим чувством собственного достоинства, не согласен ли он с тем, что датский «инспектор» (губернатор) выше его, — я получил в ответ: «Это еще неизвестно; у инспектора, конечно, больше имущества, чем у меня, да и будто бы больше власти, но в Копенгагене есть люди, которым он должен повиноваться — надо мною же старшего нет». То же чувство собственного достоинства встречается у хозяина лопарской «гаммы», в меховой юрте чукчи. У ненцев же, наоборот, гордое самосознание, повидимому, вытеснено чувством покорности и страха, которые лишили этот народ наиболее привлекательных сторон нравственного облика дикарей.

Из прежних описаний путешествий и из собственного опыта на полуострове Ямал мне было известно, что на холмах, усеянных костями жертвенных животных, можно видеть расставленных идолов. Наш русский хозяин рассказал, что у ненцев есть обычай даже издалека приезжать для жертвоприношений на эти холмы и здесь же давать обеты. Мясо

жертвенных животных ненцы тут же съедают, кости разбрасывают по жертвенному холму, а кровью жертвенных животных мажут идолов. Я тотчас же заметил, что желал бы посетить такое место. Но никто из русских не соглашался служить мне проводником. Наконец один молодой парень предложил поехать со мной до одного холма на острове Вайгаче, где я мог бы видеть то, что желал, и на следующий день я, д-р Альмквист, лейтенант Говгард, капитан Нильсон и мой русский проводник отправились на паровом катере в маленькую экскурсию к противоположному берегу Югорского Шара.

Жертвенный холм был расположен на самом высоком месте юго-западного мыса острова Вайгача и представлял естественный пригорок, возвышавшийся метра на два над окружающей равниной. Равнина эта круто обрывалась к морю. Местность была ровная, но постепенно поднималась до высоты в 18 метров над уровнем моря. Здесь находились поставленные вертикально пласты силурийского известняка, простирающиеся с востока на запад и местами содержащие окаменелости, схожие с готландскими. То тут, то там на равнине имелись небольшие впадины, равномерно покрытые густой травяной растительностью. Более высокие же сухие места равнины кра-

совались пышным цветочным ковром из желтых и белых солянок, голубых и синих эритрихий, полемоний и паррий вместе с желтыми хризосплениями и другими цветами. Обычно невзрачные цветы хризосплении тут так роскошны, что составляют важную часть цветочного ковра. Лес отсутствует совершенно. Даже кустарник вырастает не больше, чем в локоть высоты, и то в защищенных местах, в долинах и у подножия обращенных к югу склонов. Жертвенник представлял нагромождение камней в несколько квадратных метров и был сложен на отдельно стоящей среди равнины возвышенности. Среди камней находились:

1) черепа оленей, разбитых, чтобы вынуть мозг, но с сидящими в лобной кости рогами; они были установлены среди камней таким образом, что рога образовали как бы густой куст, что, собственно, и придавало холму его особый характер;

2) черепа оленей с пробуравленными лобными костями, насаженные на воткнутые в холм палки; иногда на этих палках было вырезано множество лиц, одни над другими;

3) множество других оленьих костей, среди них и мозговые, разбитые для извлечения мозга;

4) кости медведя, между которыми выделялись лапы и наполовину скальпированная го-

лова медведя, недавно убитого, ибо мясо еще не успело сгнить; рядом с этой медвежьей головой на камне были положены две свинцовые пули;

5) большое количество железных обломков, как, например, ломаные топоры, черепки железных котелков, старые ножи, металлические части разбитой губной гармоники и т. д. и, наконец;

6) могущественные существа, которым принесено было в жертву все это великолепие.

Они состояли из сотен деревянных палочек с грубо вырезанными на них человеческими лицами. Длина палочек была от 15 до 20 сантиметров, некоторые доходили до 370 сантиметров. Все они были воткнуты в землю в юго-восточной части холма. Около жертвенника видны были куски плавника и остатки костра, на котором приготовлялась жертвенная трапеза. Наш проводник рассказал нам, что во время этих трапез рты идолов мажутся кровью и смачиваются водкой; это подтверждалось большими пятнами крови на идолах, ниже дыры, которая должна была изображать рот.

Срисовав холм, мы осторожно разобрали жертвенник и сложили часть идолов и жертвенных костей в мешок, который я приказал снести в шлюпку. Моего проводника это,

повидимому, встревожило, и он просил, чтобы я умилостивил гнев болванов и сам принес бы им что-нибудь в жертву. Я тотчас же выразил свою готовность, только бы он мне указал, как это сделать. Слегка взволнованный и полный сомнения, чего ему больше бояться: гнева ли болванов, или возмездия на том свете за идолопоклонство, проводник решил, что достаточно положить среди камней несколько монет. Тогда я с торжественным и набожным видом положил на холм свой дар — две серебряных монеты. Это, конечно, было самое драгоценное из всех когда-либо приносившихся здесь жертвоприношений. Русский был теперь доволен, но заявил, что я слишком расточителен: «Парочки медных монет было бы вполне достаточно».

На следующий день ненцы узнали, что меня возили на их жертвенный холм. В отношении самих себя они, повидимому, придавали этому мало значения, но заявили, что проводник, конечно, будет наказан оскорбленными болванами. Быть может, уже предстоящей осенью, когда его олени вернутся с острова Вайгач, где их теперь пасут ненцы, ему придется раскаяться в святотатстве; но если наказание не постигнет его теперь, то возмездие придет в будущем или падет на его детей и внуков. Во всяком случае, боги покарают его.

Ненецкие нарты и идолы. (По старинной голландской гравюре на меди.)

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Их религиозные представления в отношении божьего гнева были, таким образом, совершенно тождественны с учением ветхого завета.

Посещенное нами жертвенное место было, между прочим, не особенно древним. Более древнее находилось на 600 метров ближе к берегу, возле пещеры, к которой ненцы относились с суеверным благоговением.

Древнее место жертвоприношений на довольно большом расстоянии вокруг русского креста все еще было усеяно множеством костей и ржавых железных обломков. Видны были даже остатки костра, на котором сжигали идолов шаманов. Эти идолы были, повидимому, больше и красивее богов, найденных нами, что подтверждается сравнением с изображениями идолов времен путешествий голландцев. Порода шаманских идолов, несомненно, испортилась за последние триста лет.

Осмотрев древнее место жертвоприношений и также собрав с него некоторую дань, я распорядился перетащить шедшую на буксире нашего катера небольшую лодку через низкий песчаный перешеек, отделявший от моря показанное на карте озеро. На этой лодке я затем отправился вместе с капитаном Нильсоном и моим русским проводником к ненецкому кладбищу, находившемуся внутри острова, на берегу озера.

Здесь был похоронен только один человек. Могила была живописно расположена на спускавшемся к озеру склоне, украшенном в то время множеством полярных цветов. Она состояла из ящика, тщательно сколоченного из широких крепких досок и прикрепленного к земле глубоко вбитыми кольями с перекладинами так, что в ящик не могли проникнуть ни хищный зверь, ни лемминги. Доски были, повидимому, не из плавника, а, вероятно, привезены с юга, как и береста, которой было выстлано дно ящика. Судя по лежавшей возле скелета, теперь уже истлевшей, малице и другим лохмотьям, умерший был похоронен в обычной ненецкой одежде. Кроме того, в могиле находились черепки железного котелка, топор, нож, сверло, лук, деревянная стрела, несколько медных украшений и т. п. В ящике даже лежали свернувшиеся кусочки бересты, несомненно, чтобы умерший мог на том свете развести огонь. Возле могилы находились опрокинутые сани, положенные там, вероятно, для того, чтобы умершему было на чем ездить на том свете, и возможно, что возле могилы были заколоты олени, чтобы возить его там.

Несомненно интересно, какие существенные перемены произошли в образе жизни ненцев со времени их знакомства с европейцами. Я приведу здесь некоторые извлечения из сооб-

щений английских и голландских путешественников на северо-восток.

Что изменения произошли в вооружении, т. е. что даже ненцы сделали успехи в военном и охотничьем искусстве, видно из старинных изображений, на которых ненцы всегда с луком и стрелами. В настоящее же время лук, повидимому, совершенно вышел из употребления, и мы не видели ни одного ненца — стрелка из лука. Зато у них старые, негодные кремневые ружья, потерянные замочные части которых часто очень остроумно заменяются кусочками кости и ремнями. Ненцы очень охотно покупают кремневые ружья, заряжающиеся же с казенной части ружья им совсем неизвестны. В этом отношении они более отсталы, чем эскимосы в окрестностях порта Кларенс.

Один из древнейших известных мне рассказов о ненцах относится к 1556 г. Автор его— Стефан Борро. Рассказ помещен в записках Общества Hakluyt (1-е изд., стр. 319). В повествовании о плавании «Серчсрифта» читаем: [92]

«В субботу, 1 августа 1556 г., я сошел на берег [93] и увидел трех моржей, убитых русскими зверобоями. Они ценили небольшой моржовый клык в один рубль, а шкуру белого медведя — от двух до трех рублей и рассказывали мне, что на большом острове (Вайгач)

живут люди, называемые самоедами. У них нет домов, а только палатки из оленьих шкур, натянутых на шесты. Самоеды—искусные стрелки и владеют множеством оленей. В понедельник 3-го мы подняли якорь и отплыли к другому острову в пяти лигах (15′) к северо-востоку. Тут я снова встретил Лошака [94] и вышел с ним на берег. Он привел меня к куче самоедских идолов, которых было 300. Они были самой плохой и грубой работы, какую я когда-либо видел. Глаза и рты многих были вымазаны кровью; они изображали мужчин, женщин и детей, и некоторые части тела их тоже были вымазаны кровью. Многие идолы представляли просто старые щепки со сделанными ножом одним или двумя надрезами. На идольском холме лежали разбитые сани и также расклеванная птицами шкура оленя. Перед некоторыми идолами были поставлены доходившие до их ртов деревянные пни, вымазанные кровью. Я счел их за алтари, на которых приносились жертвы. Я также видел приспособления для жарения мяса, и, насколько можно было судить, самоеды разводят огонь под самым вертелом. Челноки их сделаны из оленьих шкур, и когда они высаживаются на берег, то тащат лодку по земле. Для упряжки у них нет других животных, кроме оленей. Муки и зерна нет, кроме привезенных русскими. Познания их

Самоеды—стрелки из лука. (По Линшотену.)

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

в высшей степени ограничены, так как они не знают никаких букв».

Джильс Флетчер, посол королевы Елизаветы к русскому царю в 1588 г., говорит о своем описании России о ненцах следующее: [95]

«Название «самоед» происходит, как говорят русские, от «людоед», потому что встарину самоеды жили, как каннибалы, поедая друг друга. Такое объяснение кажется им (русским) тем более вероятным, что самоеды всегда едят всякое сырое мясо. Но, как говорят сами самоеды, их название означает «из них самих», т. е. туземный, местный народ, никогда не меняющий места жительства. Мужчины и женщины одеты в платье из тюленьей кожи, доходящее до колен и волосом наружу. Все они черноволосы и от природы безбороды. Поэтому трудно отличить по наружности мужчин от женщин, но женщины носят две косы, спускающиеся вдоль ушей».

Приблизительно так же описывает ненцев Г. Де-Фер в отчете о втором путешествии Баренца в 1595 г. Баренц получил от ненцев важные сведения о водном пути далее на восток и всегда находился с ними в хороших отношениях, за исключением случая, когда ненцы взошли на одно из голландских судов и отняли идола, похищенного мореплавателями на большом жертвенном холме. [96]

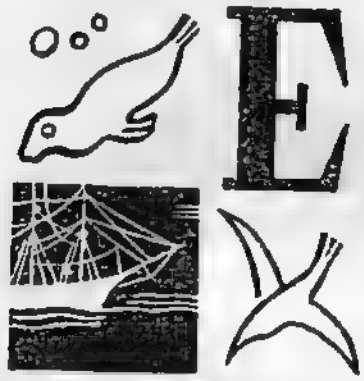
Литература о ненцах очень обширна, но останавливаться на разборе ее здесь, конечно, не придется. Между прочим, много занимались вопросом о месте ненцев среди других народностей. По этому поводу мой ученый друг, знаменитый филолог профессор Альквист в Гельсингфорсе, сообщает следующее.

Ненцы вместе с тунгусскими, монгольскими, тюркскими и финно-угрскими народами причисляются к так называемому алтайскому или урало-алтайскому племени. Особенность языка этого племени состоит главным образом в том, что соотношение понятий выражается исключительно посредством приставок к окончаниям слов, причем флексии, префиксы и предлоги для выражения соотношений им совершенно незнакомы. Другой особенностью алтайских наречий является то, что в начале слов они не допускают более одной согласной, а множественное число выражается прибавлением особенного слога, сами же по себе падежные окончания во множественном числе те же, что и в единственном. Сходство между отдельными народностями алтайского племени заключается главным образом в сходстве строения речи, отдельные же языки в отношении материальной основы речи (слово как первообразование для выражения понятия и слово, как выразитель соотношений) сходны

в очень незначительной степени или не схожи вовсе. То обстоятельство, что ближайшими соседями ненцев в настоящее время являются некоторые финно-угрские народы (лопари, зыряне, остяки и вогулы) и что образ жизни этих народов во многом схож с образом жизни ненцев, побудило многих писателей предполагать близкое родство самоедов с финнами и вообще с финскими народами. Но языки этих различных народностей не дают оснований для подобных заключений. Даже наречие наиболее близких к ненцам остяков сильно различается от ненецкого языка, и единственное сходство между этими языками заключается в незначительном количестве слов (преимущественно обозначения предметов, относящихся к кочевой жизни), заимствованных остяками из языка их северных соседей — ненцев. В отношении языка ненцы, вероятно, стоят так же далеко и от других народов алтайского племени. Будущее покажет, найдет ли краниология, или новейшая антропология, родство ненцев с другими народами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Из жизни животных на Новой Земле. — Буревестник. — Люрик. — Кайра. — Чистик. — Топорик. — Чайки. — Поморник. — Крачка, или морская ласточка. — Гаги и гуси. — Лебедь. — Голенастые. — Снежный подорожник. — Белая куропатка. — Сова-белянка. — Северный олень. — Белый медведь. — Песец. — Пеструшка. — Насекомые. — Морж. — Тюлень. — Киты.



ЕСЛИ не принимать во внимание тех немногих ненцев, которые за последние годы поселились на Новой Земле или кочуют в летнее время по равнинам острова Вайгача, то все земли, являющиеся областью исследования полярных путешественников Старого Света, — Шпицберген, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, Вайгач, полуостров Таймыр, Новосибирские острова и, быть может, даже Земля Врангеля — необитаемы.[97] Картин жизни, кото-

рые туземцы отдаленных стран с их своеобразными нравами и обычаями представляют путешественнику, здесь не встретишь. Зато летом он видит здесь жизнь животных (зимой с Крайнего Севера исчезают почти все существа за исключением обитающих в самом море), гораздо более оживленную и, быть может, богатую, вернее, менее скрытую растительностью, чем на юге.

Прежде всего внимание привлекают большие млекопитающие — киты, моржи, тюлени, медведи и олени, а также несметные стаи птиц, окружающие путешественников в течение длинных северных летних дней.

Еще задолго до вступления в область собственно Ледовитого океана корабли окружают стаи больших серых птиц, летающих или, вернее, парящих над самой поверхностью моря. Они поднимаются и опускаются вместе с волнами, зорко выслеживая добычу, или же плывут за кормой судна, жадно ловя выкидываемые объедки. Это арктический буревестник (глупыш) [98] («Mallemuck», Procellaria glacialis L.). [99]

Буревестник смел, прожорлив, мясо его имеет неприятный запах, почему его употребляют в пищу лишь в случае крайней нужды, но если птица не наелась только что гнилого жира, то для людей, привыкших к вкусу рыбьего жира, буревестник сравнительно съедобен.

Вид этот более распространен на Медвежьем острове и на Шпицбергене, чем на Новой Земле, где встречается гораздо реже.

К северу от Скандинавского полуострова мне известны три места, где высиживают яйца большие стаи этих птиц: первое на Медвежьем острове, на уступах некоторых не особенно крутых скал, близ так называемой Южной гавани острова,[100] второе — на южном берегу залива Брандевийне-бэй (на Северо-восточной Земле), третье — на выступах крутых, почти отвесных скал внутри Айсфиорда. В последних местах гнезда недоступны. На Медвежьем же острове можно, наоборот, без особых затруднений собирать у целых колоний их грязносерые, короткие, равномерно закругленные с обеих сторон яйца. На вкус они довольно приятны. Гнезда очень невелики и зловонны, как и самая птица.

Когда мореплаватель продвигается немного далее на север и попадает в море, усеянное льдами, волнение сразу прекращается, ветер затихает, море становится зеркальным, поднимаясь и опускаясь легкой зыбью. Стаи люриков (Mergulus alle L.), кайр (Uria Brünnichii Sabine)[101] и чистиков (Uria grylle L.)[102] парят в воздухе и плавают среди льдин. Люрик, называемый также «морским королем», редко встречается южнее Новой Земли и, насколько

Мне известно, не высиживает здесь яиц. Да и в южной части этого острова каменных россыпей на склонах гор слишком мало для приволья этой маленькой птицы. Но у Шпицбергена люрик встречается несметными стаями и гнездится на каменных россыпях высотою в 100—200 метров, образовавшихся вследствие морозного выветривания во многих местах на круто обрывающихся к морю скалах, например, близ Горнзунда, в заливе Магдалины, на Норвежских островах (около 80° сев. шир.) и т. д. Эти обломки скал являются для люрика настоящим дворцом с таким множеством зал, какого люрик не найдет нигде на всей поверхности земного шара. Если вскарабкаться вверх между камнями, видишь целые тучи птиц, внезапно поднимающихся из земли, либо кружащихся в воздухе, или вылетающих в море; оставшиеся же под камнями одновременно дают о себе знать неумолкающим щебетаньем и гулом, напоминающими, по словам Фридриха Мартенса, [103] толпу ссорящихся женщин. Если звуки эти на мгновение замолкнут, стоит только в отверстие между камнями передразнить их (по Мартенсу — рот-тет-тет-тет-тет), чтобы птицы тотчас же торопливо и громко отозвались со всех сторон. Кружащиеся в воздухе люрики скоро опускаются на камни горного обрыва, где они в драке и ссорах уса-

живаются так плотно друг к другу, что одним выстрелом можно убить от 15 до 30 штук. Часть стаи затем снова взлетает на воздух, другая же, подобно крысам, ищет убежища среди камней. Но скоро они снова выползают и, точно сговорившись, густыми стаями улетают в море на поиски пищи, состоящей из ракообразных и червей. Ныряют птицы очень хорошо. Свое единственное синевато-белое яйцо люрик кладет без гнезда непосредственно на землю среди камней, притом так глубоко, что до него трудно добраться. В каменных россыпях гор к северу от Горнзунда я нашел 18 июня 1858 г. два яйца этой птицы, лежавших среди камней непосредственно на льду. Пора высиживания тогда еще, повидимому, не началась. Где проводит зиму большая часть этих птичьих стай, неизвестно,[104] но они рано, иногда слишком рано возвращаются на север. Так, например, в 1873 г. я видел в конце апреля множество замерзших люриков на льду в северной части Гинлопенского пролива.[105] На вкус мясо люрика превосходно, и, вследствие сильного развития грудных мускулов, его больше, чем можно было бы ожидать при таком малом размере всей птицы.

Среди льдов еще далеко от суши вместе с люриками встречаются стаи кайр, и чем ближе к берегу, тем количество их увеличи-

ваётся, в особенности если береговые скалы представляют для этого распространенного в полярных странах вида птиц удобные места для гнездования. Для этой цели кайра выбирает отвесы скал, круто обрывающиеся к морю и своими выступами и неровностями представляющие удобные места для наседок. В настоящих базарах кайр яйца лежат одно подле другого плотными рядами от вершины скалы и почти до самой поверхности воды, причем вся скала густо покрыта птицами, которые, кроме того, огромными стаями летают со скалы в море и обратно, наполняя воздух своим чрезвычайно неприятным криком. Яйца они кладут непосредственно на голую скалу, покрытую разве только старым птичьим пометом, и притом так тесно одно к одному, что в 1858 г. я мог собрать на небольшом выступе, к которому спустился с верхушки скалы на канате, не менее полубочки яиц. Самка кладет только одно довольно большое серое с коричневыми крапинками яйцо, причем форма и расцветка яиц бывают очень разнообразны.

Через некоторое время кайра-наседка покрывает свое яйцо толстым слоем помета. Этим пользуются охотники, чтобы отличить свежие яйца от лежалых.

От выстрела по базару масса кайр вылетает из своих гнезд, причем кажется, что

число оставшихся на яйцах нисколько не уменьшилось. Бросаясь со скалы, птицы, неуклюжие и короткокрылые, довольно долго падают, пока не наберут под крылья «достаточно воздуха» для взлета. Многие из них прямо падают в воду, иной раз даже сваливаются в лодку, проходящую у подножия базара.

Непрерывное неприятное кряканье доказывает, что колония кайр всегда занята болтовней, а что согласия там мало, об этом свидетельствуют постоянно раздающиеся пронзительные крики. Одна птица старается протесниться и занять место на уже переполненном выступе, две другие оспаривают друг у друга право собственности на яйцо, лежащее на краю скалы, всего в несколько сантиметров ширины, которое в разгар спора в конце-концов слетает в пропасть. Уже в первых числах июля насижена большая часть яиц. В середине августа я видел уже взрослого птенца, бегавшего за маткой. Кайры гнездятся еще и на острове Вальден и на северном побережье Северо-восточной Земли, следовательно, гораздо севернее Ломмебэй в Гинлопенском проливе, затем у южного входа в Ван Миненбэй в Бельзунде, а также в «Алькхорнет» в Айсфиорде. В отношении многочисленности птиц только первое из названных мест

может соперничать с птичьими базарами на побережье Безымянной губы (72°54′ сев. шир.) или с находящимися непосредственно к югу от этого залива частями Новой Земли. Яйца кайры приятны на вкус, а мясо птиц довольно хорошее, хотя и не без некоторого привкуса рыбьего жира. Кайра, во всяком случае, гораздо вкуснее гаги.

Кроме кайры и люрика, между пловучими льдами близ берега встречаются два других близких к ним рода плавающих птиц — топорик (Mormon arcticus L.) и чистик (Uria grylle L.). Топориковые базары на Шпицбергене мне неизвестны. Повидимому, топорики гнездятся там в очень незначительном количестве, но они все же встречаются в самой северной части острова. На Новой Земле топорик также попадается довольно редко. Чистик, наоборот, встречается, хотя и небольшими стаями, повсюду у берегов Шпицбергена и Новой Земли и до острова Парри под 80°40′ сев. шир., где я в 1861 г. видел несколько гнезд. Птицы эти вьют гнезда вблизи вершин круто обрывающихся к морю скал. На водной поверхности фиордов чистики часто плавают попарно. Мясо их имеет приблизительно такой же вкус, как мясо кайры, но жестче и хуже. Яйца же, наоборот, вкусны.

Кайры, чистики, топорики и люрики никогда не встречаются на суше вдали от берегов. Они никогда не садятся на травяной ковер или на низкий песчаный берег. Местом пребывания им служат отвесы птичьих скал, море, прибрежные и пловучие льды и небольшие выступающие из воды камни. Они очень искусно плавают как по воде, так и под водой. Чистики и люрики летают быстро и ловко, кайры же, наоборот, тяжело и неуклюже. Эти последние поэтому не улетают зимой от мест высиживания яиц дальше ближайшей открытой воды, и колонии кайр, повидимому, не основываются в местах, где море совершенно замерзает на большое расстояние от берегов. Вот, вероятно, почему кайры так редко встречаются в Карском море.

Во время плавания в полярных морях за судном почти все время следуют два вида чаек: хищная чайка-бургомистр [106] (Larus glaucus Brünn.) [107] и юркая, быстро летающая трехпалая чайка-моевка (Larus tridactylus L.), а если зверобои пристают к льдине, чтобы на ней свежевать убитого тюленя, то для получения своей части добычи очень скоро вокруг садится множество белоснежных птиц с синевато-черными клювами и черными лапами. Это третий, общий для севера вид — белая чайка (Larus eburneus Gmel.).

По нраву и образу жизни эти виды чаек совершенно несхожи. Чайка-бургомистр достаточно сильна для защиты своих яиц и птенцов от нападения песца. Она высиживает поэтому яйца на верхушках легкодоступных невысоких скал, холмов или среди каменных груд, чаще всего поблизости базаров кайр или на птичьих островках, где птенцы других птиц удовлетворяют ее хищнические и охотничьи инстинкты, пока ее собственные птенцы подрастают. Иногда, например, у залива Брандевийне на Шпицбергене, чайка-бургомистр гнездится целыми большими стаями среди кайр на выступах отвесных скал. Я видел на Медвежьем острове этих чаек-бургомистров, высиживающих яйца на самом берегу, а в одном месте — под струей падающего с отвесной скалы водопада. Гнезда, которыми, судя по большому количеству помета, пользуются в течение ряда лет, птицы устраивают в углублении скалы или земли и выстилают их небольшим количеством соломинок и несколькими перьями. Количество яиц — от 3 до 4. После варки они образуют студенистый, полупрозрачный белок и красноватый желток и очень вкусны. У молодой птицы мясо белое, как у цыпленка. «Бургомистры» встречаются повсюду на берегах Новой Земли и Шпицбергена. Но гнезд этих видов чаек я не встречал

ни на северном побережье Северо-восточной Земли, ни на Семи островах.

В странах далекого севера еще чаще чайки-бургомистра встречается чайка трехпалая (моевка). Этих чаек видишь далеко в море, где они целые дни сопровождают судно. Птицы кружатся над верхушками мачт и временами — по примете звероловов, при приближении бури — хватаются за острый конец вымпела. Во время стоянки в гавани моевки обычно собираются вокруг судна и хватают все съедобные отбросы. Они гнездятся большими стаями на крутых уступах в уединенной части кайровых базаров, причем совершенно очевидно, что моевки всегда стараются выбрать лучшее место скалы, наиболее недоступное для песцов и защищенное от непогоды. Среди северных птиц моевки самые лучшие строители. Гнездо их сложено из соломинок и глины и очень прочно. Оно выдается, точно большое ласточкино гнездо, над небольшим выступом, к которому прикреплено. Торчащие концы соломинок обычно загнуты внутрь, так что гнездо со своими равномерно закругленными краями имеет очень аккуратный вид. Внутренность гнезда вся выложена мягким, старательно распределенным слоем мха, травы и водорослей, на который птицы кладут от трех до четырех вкусных яиц. Но мягкая,

теплая подстилка гнезда имеет и свои недостатки. Так, доктор Стуксберг нашел во время путешествия 1875 г. в таком гнезде не менее 12 видов насекомых, среди которых были Pulex vagabundus Bohem. в девяти экземплярах, один майский жук, одна муха и т. д.

Белая, или ледовитая, чайка, прозванная Фр. Мартенсом «советник» (ратсгер), встречается, как видно из названия «ледовитая», главным образом в открытом море между пловучими льдами или в фиордах, заполненных льдами. Это настоящая птица ледовитых морей, но едва ли можно сказать, что она принадлежит к плавающим, так как плавает она редко, а нырять она так же не может, как и родственные ей чайка-бургомистр и чайка трехпалая. В прожорливости чайка не уступает буревестнику. Когда среди пловучих льдин убивают какое-нибудь большое животное, белая чайка редко пропускает случай удовлетворить свой голод мясом и салом. Кроме того, она пожирает испражнения тюленей и моржей, почему и видишь часто от трех до пяти ледовитых чаек, сидящих целыми часами тихо и неподвижно вокруг тюленьего отверстия в терпеливом ожидании появления тюленя (Мальмгрен).

Настоящие гнездовья этих птиц еще недостаточно известны. Хотя чайка эта и часто

встречается как на берегах Шпицбергена от Семи островов до Южного мыса, так и на северном побережье Новой Земли и Америки, однако гнезда ее были найдены только два раза: первый раз — в 1853 г. Мак-Клинтоком на мысе Краббе в Северной Америке под 77°25′ сев. шир., второй раз — в заливе Мерчисона под 80°2′ сев. шир. д-ром Мальмгреном.[108] Два гнезда, найденные Мальмгреном, представляли углубления в хряще круто обрывавшейся известковой скалы, на самом выступе ее и были диаметром от 23 до 26 сантиметров. В каждом гнезде лежало по одному яйцу, которое уже 30 июля заключало покрытого пухом птенца. Для всех белых чаек, живущих на Шпицбергене, наверно, нужны сотни таких мест для высиживания яиц, как в заливе Мерчисона. Принимая во внимание, что мы на Шпицбергене никогда не видали осенью взрослых птенцов[109] этого вида чаек, я и предполагаю, что их настоящие гнездовья должны находиться дальше к северу, на берегах еще неизвестной, быть может, вечно окруженной льдами полярной земли. Следует заметить, что залив Мерчисона еще был покрыт льдом в то время, когда Мальмгрен нашел вышеупомянутые гнезда.

Кроме названных здесь видов чаек, в полярных странах встречались, хотя и очень

редко, еще два других вида, именно Larus Sabinii Sabine и Larus Rossii Richards. Я сам видел только последний из названных видов, и то всего один раз (на Чукотском полуострове). Если их не упускать из виду при исследованиях, то может оказаться, что они вовсе не так редки, как предполагают. Летом в арктических странах воздух часто оглашается пронзительным криком. Когда ищешь причину, оказывается, что издает этот крик моевка, реже чайка-бургомистр, которых настойчиво преследует птица величиной с ворону, темнобурого цвета с белой грудью и длинными рулевыми перьями. Это поморник (Lestris parasitica L.) птица, известная среди норвежских зверобоев под названием «чуфью», произведенному от крика птицы «ю-ю», и слова Tjuf — вор, указывающего на характерную черту птицы. «Чуфью» немедленно нападает на птицу, если видит, что моевка или бургомистр летят с рыбой, рачком или кусочком жира. Поморник тогда чрезвычайно быстро начинает кружиться над своей жертвой и долбит ее клювом до тех пор, пока она либо выпускает свою добычу, которая тотчас же подхватывается поморником, либо стремительно опускается на поверхность воды, где чайка в безопасности. Кроме того, поморник пожирает яйца других птиц, в особенности

гаг и гусей. Если яйца всего несколько мгновений остаются в гнезде без охраны, поморник является тотчас же и выказывает себя при этом таким прожорливым, что не боится даже нападать на гнездо, из которого наседка спугнута людьми, собирающими яйца всего в расстоянии нескольких метров.

С необычайным искусством пробивает поморник дыру в яйце и высасывает его содержимое. Если необходимо торопиться, то поморник так жадно выпивает одно яйцо за другим, что иной раз стоит неподвижно и не в состоянии лететь дальше, пока не извергнет поглощенное. Поморник, таким образом, принимает каждый раз участие в сборе яиц на гагачьем острове. Зверобои так ожесточены этим подрывом их промысла, что убивают поморника при всяком удобном случае. Китоловы прозвали поморника «охотником за дермом», так как считали, что он гоняется за чайкой, чтобы заставить ее отдать экскременты, которые «охотники за дермом» едят как лакомство.

Поморник гнездится на низменных, голых, нередко пропитанных водой мысах и островах, где на голую землю кладет одно или два яйца, часто не свивая никакого гнезда. Яйца так похожи цветом на землю, что их можно отличить только с трудом. Самцы во время

высиживания яиц находятся вблизи. Если человек или животное, кажущиеся птице опасными, приближаются к яйцам, супруги стараются отвлечь их внимание, удаляясь от гнезда, ползая по земле и волоча по ней крылья, чтобы придать себе несчастный вид. Птицы при этом с большим мастерством разыгрывают настоящую комедию, но очень следят, чтобы самим не быть пойманными.

Известны две разновидности этой птицы по цвету оперения: одноцветная бурая и вторая — бурая в верхней части туловища и белая снизу. Я только один раз встретил в арктических странах одноцветную, именно в 1858 г. в Бельзунде. У всех же сотен других поморников, виденных мною, шейка и нижняя часть туловища были белого цвета.

На Шпицбергене и на Новой Земле поморник водится в большом количестве, но вряд ли он гнездится в северной части Северо-восточной Земли. Кроме упомянутых видов, встречаются, хотя и редко, два других: поморник средний (Lestris pomarina Tem.) и поморник длиннохвостый (Lestris Buffonii Boie). Последний отличается более нежным телосложением и имеет два очень длинных рулевых пера. Вид этот значительно более распространен далее на восток, чем на Шпицбергене. Относительно образа жизни этого вида я не

имел случая сделать каких-либо наблюдений.

Как поморник преследует моевку или чайку-бургомистра, так его в свою очередь с особой ожесточенностью преследует маленькая, быстро летающая и смелая крачка или морская ласточка (Sterna macroura Naum.). [110] Эта красивая птица встречается повсюду на берегах Шпицбергена, но довольно редко на Новой Земле. Птицы эти гнездятся большими стаями на низменных, лишенных травяного покрова мысах и островах, покрытых песком или гальками. Яйца, которые они кладут на голую землю без всяких признаков гнезда, цветом так похожи на обросшие мхом гальки, что их трудно различить. То же, еще в большей степени, относится к только что вылупившимся птенцам, которые, несмотря на покрывающий их редкий пушок, обычно лежат без всякой подстилки среди голых камней. Из-за своих коротких ног и длинных крыльев крачка с трудом ходит по земле. Для нее поэтому невозможно защищать свое гнездо так, как это делает поморник. Зато эта самая маленькая из плавающих птиц полярных стран, не задумываясь, нападает на всякого, кто посмеет приблизиться к ее гнезду. Птица кружится над нарушителем ее покоя с явным озлоблением и от времени до времени проносится над его головой с такой отчаянной быстротой, что ему

каждое мгновение приходится опасаться быть раненным ее острым клювом.

Кроме вышеперечисленных плавающих птиц, на всем побережье встречаются два вида гаг: обыкновенная гага (Somateria mollissima L.) и гребенушка (Somateria spectabilis L.).

Первая преимущественно гнездится на низменных островках, которые ко времени кладки яиц окружены уже свободной ото льда водой и благодаря этому недоступны для рыщущих на материке песцов. Самые богатые гагачьи острова, виденные мною на Шпицбергене, это Пуховые близ Горнзунда. Когда я посетил это место в 1858 г., весь остров был почти сплошь покрыт гнездами, и, чтобы не давить, яиц между ними) приходилось пробираться с величайшей осторожностью. В каждом гнезде 5—6 яиц, иногда и больше, и промышленники объясняют это тем, что самка гаги, когда ей это удается, крадет яйца у своих соседей. Я сам видел в гнезде гаги яйцо стадного гуся (Anser bernicla L.). Самка сидит на яйцах, но поблизости от нее сторожит самец в своем великолепном оперении и дает знак к бегству, когда приближается опасность. Гнезда представляют очень мягкое пуховое ложе. Лучший пух добывается из выложенных пухом гнезд, менее хороший — от ощипывания убитых птиц. Когда птицу выгоняют из гнезда, она

торопливо старается прикрыть яйца пухом, чтобы их не было видно. Кроме того, она их обливает очень вонючей жидкостью, отвратительный запах которой всегда свойствен только что собранным яйцам и пуху. Но это вонючее вещество настолько летучее или так быстро разлагается от действия воздуха, что в течение нескольких часов запах исчезает. Гаги, которые еще несколько лет тому назад были особенно многочисленны на Шпицбергене, [111] за последние годы заметно уменьшились в количестве, и их быстро совершенно изгонят из этих мест, если не будет наложена узда на ту безудержность, с которой теперь не только обирают яйца на гагачьих островах, но и убивают птиц ради одного только удовольствия. На Новой Земле гага также очень распространена. Она гнездится в большом количестве на высоких островах Кармакульского залива. Мясо гаги мало отзывается рыбьим жиром, но грубо и гораздо хуже, чем мясо кайры. В особенности несъедобно мясо самки.

Гребенушка встречается реже обычной гаги. На Шпицбергене она называется «гренландская гага», в Гренландии же — «шпицбергенская гага»; это, очевидно, показывает, что ни одна из названных местностей не является вполне ее родиной. На Новой же Земле она, наоборот, водится в большом количестве. Мне

удалось только однажды видеть гнездо этой птицы, именно в 1873 году на островах Акселя в Бельзунде, где она тогда гнездилась в незначительном количестве вместе с обыкновенной гагой. В 1858 и в 1864 годах, когда я посетил это же место, она уже там яиц не высиживала. Быть может, настоящее гнездовье гребенушки — на Новой Земле, у озер, в некотором расстоянии от берега. Промышленники утверждают, что яйца этой птицы вкуснее яиц обыкновенной гаги. Они немного меньше и более яркого зеленого цвета.

На Пуховых островах вместе с гагами гнездится длинношейная чернозобая казарка (Anser bernicla L.). Верхняя часть ее туловища черного и буро-серого цвета. Самки кладут 4—5 белых яиц в простые гнезда без пуха, разбросанные тут и там среди выстланных пухом гнезд гаги. В пору высиживания яиц этот вид гуся в большом количестве встречается возле небольших озер вблизи берега: например, на побережье между Бельзундом и Айсфиордом и на Гусиной Земле. Промышленники называют их иной раз «рябчиками». Название это сбивает с толку, и оно заставило меня в 1873 году высадиться на открытый берег к югу от Айсфиорда, где «рябчики» будто бы водились в большом количестве. Прибыв на указанное место, я увидел только сидевших

на яйцах стадных гусей. Чернозобые казарки добывают себе пищу больше на суше и на озерах, чем на море. Мясо их вследствие этого не имеет привкуса рыбьего жира и довольно вкусно, за исключением мяса наседок, которые худы и жестки. Яйца вкуснее гагачьих.

На Шпицбергене встречается также близкий к чернозобой казарке вид Anser leucopsis Bechst. Но там он довольно редок и чаще встречается на Новой Земле. Там же попадается еще третий гусиный вид — пашенный гусь, названный промышленниками «серым гусем», или «большим гусем» (Anser segetum Gmel.), который на Шпицбергене заменяется близкостоящим видом Anser brachyrhynchus Baillon. Эти гуси значительно крупнее гаг и чернозобых казарок и, повидимому, достаточно сильны для самозащиты от песцов. Они обычно гнездятся высоко на какой-нибудь поляне, покрытой мхом и травой, или среди каменных россыпей береговых гор, или на вершине крутого берегового обрыва внутри фиорда. В то время, когда пашенные гуси высиживают яйца, они собираются стаями у маленьких пресноводных озер, расположенных вблизи берегов. Мясо этого вида гусей вкуснее, чем мясо обыкновенных домашних гусей, и оно совершенно не отзывается рыбьим жиром.

Из плавающих, придающих особый отпечаток летней жизни на Новой Земле, можно еще назвать морянку и лебедя. Морянка (Filigula glacialis L.) редко встречается на Шпицбергене, но довольно часто на Новой Земле и в особенности на Карском море, на берегах которого она собирается летом большими стаями. Малый лебедь-кликун (Cygnus Bewickii Yarr.) — самая изящная по форме и по цвету оперенья северная птица. Я уже описывал его гнезда, в значительном количестве встречающиеся на Гусиной Земле. Птица эта ослепительно белая, похожа на обыкновенного лебедя, но немного меньше и со значительно отличающимся дыхательным горлом и гребнем грудной кости. Мясо, как говорят, грубое и не особенно вкусное.

Сухопутные птицы на Крайнем Севере как в отношении числа видов, так и отдельных экземпляров малочисленнее, чем морские, но некоторые все же встречаются — и в большом количестве. Тотчас же после того, как причаливаешь к берегу, видишь в прибрежных бухточках маленьких серо-бурых голенастых, деловито снующих взад и вперед то парами, то стаями от десяти до двадцати штук. Это самый распространенный на севере вид голенастых — песочник морской (Tringa maritima Br.).[112] Он питается мухами, комарами и дру-

Место гнездований чайки-бургомистра. Бургомистрские ворота на Медвежьем острове

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

гими насекомыми, водящимися на суше. Переполненный зоб указывает на то, как хорошо птицы умеют находить пищу даже в местностях, где энтомологи только с трудом могут собирать всего несколько относящихся к их области исследований животных форм. Свои четыре или пять яиц песочник кладет в маленькое хорошенькое гнездо из сухих соломинок, на открытых равнинах вблизи моря, покрытых травой или мхом. Он защищает свои яйца, разыгрывая такое же представление, как и поморник. Мясо его очень вкусно.

В обществе этой птицы часто встречаешь вид голенастого, немного большего по размерам или, вернее, переходную форму между голенастыми и плавающими. Это красивый плавучник плосконосный (Phalaropus fulicarius Bonar.). Он нередко попадается на Шпицбергене и очень распространен на северном берегу Азии. Я поэтому предполагаю, что он должен встречаться также и на Новой Земле, несмотря на то, что там до сих пор наблюдали только родственный вид — плавунчика круглоносого (одинова курица; Phalaropus hyperboreus Lath). Птица эта могла бы служить символом супружеской любви, — такими неразлучными видишь всегда самца и самку. Когда они отыскивают себе пищу в лужах у берега, они почти все

время следуют друг за другом, плавая зигзагами, так что время от времени касаются друг друга; если охотник выстрелом убьет одного, другой только на мгновение отлетает, пока не заметит, что друг его отстал. Тогда птица возвращается, плавает с видимым беспокойством вокруг убитого друга, подталкивает его клювом, точно желая помочь ему встать. Но особой заботы о своем гнезде или о благополучии птенцов самка не выражает, по крайней мере, если судить по тому гнезду, которое Дюпер нашел в Бельзунде в 1864 г. О нахождении гнезда свидетельствовали три яйца, лежавшие без малейшей подстилки на голой почве, состоящей из каменной россыпи. Мясо плавунчика довольно вкусно, как и у некоторых других голенастых, о которых теперь речь, но на этих птицах я здесь не могу дольше задерживаться.

Во время экскурсий во внутрь прибрежной зоны часто слышишь исходящее из каменных куч и расщелин скал веселое чириканье. Звуки эти издает наш старый знакомый, известный каждому северянину, — пуночка (Emberiza nivalis L.). Эта милая птичка не перелетает зимой южнее границ снегов Скандинавского полуострова, а летом улетает на север к снежной границе Лапландии, в тундры северной Сибири или к берегам Шпицбергена

и Новой Земли. Там она заботливо свивает себе гнездо из травы, перьев и пуха среди груд камней, на равнине, покрытой травой. Воздух звенит щебетом маленькой веселой птички, и щебетанье это производит здесь тем большее впечатление, что это единственное настоящее птичье пенье на дальнем Севере. [113]

На Шпицбергене, внутри островов, иной раз встречаешь на скатах гор вид куриных (Lagopus hyperboreus Sund.) — шпицбергенскую куропатку. [114] Близкий к нему вид встречается на Таймырском полуострове и вдоль всего северного побережья Азии. Поэтому вряд ли можно сомневаться в существовании этой птицы на Новой Земле, хотя нам до сих пор и не удалось ее там видеть. На Шпицбергене до 1872 года встречали эту птицу только в единичных экземплярах, но в упомянутом году мы, к нашей большой радости, нашли вблизи нашей зимней стоянки, немного южнее 80° сев. шир., скалу с огромным населением куропаток. Эта скала была, повидимому, убежищем тысяч птиц, во всяком случае, нам в этом месте удалось убить в течение зимы несколько сот штук. Куропатки, вероятно, гнездятся летом под камнями и там же проводят зиму, некоторое время находясь, несомненно, в спячке и спрятавшись среди обломков скал.

По образу жизни шпицбергенская куропатка, повидимому, сильно отличается от скандинавской куропатки, и вкус мяса их также не схож. Шпицбергенская куропатка чрезвычайно жирна и по вкусу представляет нечто среднее между тетеревом и жирным гусем.[115] Из этого видно, что мясо ее очень вкусно.

Когда я осенью 1872 года возвращался из довольно продолжительной поездки по берегу залива Вийдебэй,[116] я встретил одного из наших охотников, в руках у которого была белая с черными пятнами птица, которую он показал мне как «очень крупную куропатку». Но этим он делал большую орнитологическую ошибку, так как это была не куропатка, но другой вид птицы, имеющей зимой оперенье такой же расцветки, именно сова-белянка (Strix nyctea L.). Она гнездится и зимует обычно вблизи скалы куропаток, которую, несомненно, принимает за свой птичник. На самом деле оперенье этого хищника так сильно похоже на оперенье ее добычи, что куропатка и не подозревает об опасном соседстве. На Шпицбергене сова-белянка встречается все же очень редко, но на Новой Земле и на северном побережье Азии, где и пеструшка (лемминг), не живущая на Шпицбергене, попадается большими стаями, — она водится в значительном количестве.

Сова-белянка обычно сидит неподвижно на открытом склоне горы и видна уже издали, резко выделяясь своим белым опереньем на серо-зеленом фоне почвы. Даже при самом ярком солнечном свете птица эта, в противоположность другим совам, отлично видит. Она в высшей степени пуглива, и поэтому ее очень трудно убить выстрелом. Белая куропатка и сова-белянка — единственные птицы, о которых с уверенностью можно сказать, что они зимуют на Шпицбергене, и обе они, согласно Геденштрому, водятся и на Новосибирских островах («Отрывки из воспоминаний о Сибири», стр. 112).

В населенных местностях Европы крупные млекопитающие животные так редки, что большинство людей во всю свою жизнь никогда не видели дикое млекопитающее размером хотя бы с собаку. Но не так обстоит дело на далеком севере. Количество крупных млекопитающих тут уже, конечно, не так велико, как в XVII веке, когда охота на них давала прекрасное обеспечение 20—30 тысячам людей. Но охота еще и до сих пор кормит на Новой Земле и на Шпицбергене несколько сот зверобоев. Редкий летний день проходит, чтобы на берегах этих островов не увидели тюленя или моржа, оленя или белого медведя. Для полноты картины природы, окружающей поляр-

ного путешественника, и для понимания его образа жизни необходимо дать описание диких млекопитающих полярных стран.

Я начну здесь с оленя. Это травоядное животное водится на севере Старого Света почти всюду, где есть земля. Пайер, действительно, не наблюдал оленей на Земле Франца-Иосифа, но мы видели следы этих животных на глинистой почве мыса Челюскина; остатки оленей были найдены вблизи зимовки Баренца, на самом крайнем севере Новой Земли;[117] несколько чрезвычайно жирных оленей были убиты норвежскими зверопромышленниками на Земле Короля Карла к востоку от Шпицбергена, и несколько лет тому назад олени несомненно водились в большом количестве на северном побережье Северо-восточной Земли и на расположенных еще севернее островах Кастрена, Парри, Мартенса и Фиппса. Несмотря на то, что острова эти лежат между 80 и 81° сев. шир., оленю там, очевидно, живется очень привольно. Даже зимой он находит обильный корм на склонах гор, с которых бури сметают снег, на что указывает упитанность многих из убитых нами там животных. Кроме того, мы видели в мае 1873 года на острове Кастрена множество оленьих следов и тропок. Повидимому, и температура от —40 до —50° не так уже неприятна для этих родственников южных

ланей. Даже норвежский олень прекрасно переносит климат Шпицбергена. Некоторые из выхолощенных упряжных оленей, которых я в 1872 году привез с собой на Шпицберген, вскоре после высадки сбежали и были летом 1875 года убиты зверопромышленниками. Они паслись вместе с дикими оленями и стали такими же тучными, как и те. Удивительно, что олени, несмотря на истребительную охоту на них на Шпицбергене,[118] все же попадаются там в гораздо большем количестве, чем на севере Новой Земли или на Таймырском полуострове, где они почти не преследуются охотниками. Даже в низменных частях на юге Новой Земли олени, несмотря на обилие летних пастбищ, так редки, что, высаживаясь там, едва ли можно рассчитывать на оленью охоту.[119] Только уже дальше на север, по обе стороны Маточкина Шара, олень попадается в несколько большем количестве.

Следует упомянуть, что триста лет тому назад, когда северную часть Новой Земли впервые посетили европейцы, олень, повидимому, не встречался в большем количестве, чем в настоящее время.[120] В описании третьего путешествия Баренца (De Veer, Diarium nauticum) 21 июня 1596 года говорится: «Заметим здесь, что хотя земля эта, которую мы принимаем за Гренландию (нынешний Шпиц-

берген), лежит под 80° сев. шир. и выше, на ней, тем не менее, растут в изобилии листья и трава, и там встречаются такие животные, которые едят траву, как, например, олени, тогда как, наоборот, на Новой Земле под 76° сев. шир. нет ни листьев, ни травы и никаких травоядных животных». Позднее все же были найдены следы оленей и у зимовья Баренца. Так, например, был убит медведь, пожравший оленя.

На Шпицбергене численность оленей значительно уменьшилась, сначала вследствие охоты на них голландцев и англичан, позднее — русских и норвежцев. В северо-западной части острова, где у голландцев были их салотопни, олени совершенно исчезли.[121] Они все же и в настоящее время еще встречаются в большом количестве в Айсфиорде и, конечно, быстро расплодились бы еще более, если бы их стали оберегать.

Несмотря на опустошительную охоту, год за годом происходящую на Шпицбергене, олень там еще не истреблен. Это дало повод к предположению о миграции оленей с Новой Земли. Но с тех пор, как я ближе познакомился с условиями пребывания оленей на Новой Земле, объяснение это кажется мне неправильным. Если судить по некоторым обстоятельствам, действительно дающим указа-

ния, что переселение на Шпицберген имеет место, то оно должно происходить из какой-нибудь еще неизвестной полярной земли, расположенной на северо-северо-востоке. По мнению некоторых промышленников, существует несомненное указание на то, что эта неизвестная страна населена, так как на Шпицбергене несколько раз ловили меченых оленей. Первое известие об этом находится у Витсена,[122] где говорится, что олени были мечены на рогах и ушах, и я сам слышал, как зверопромышленники, хорошо изучившие в Норвегии оленеводство, утверждали, что уши некоторых шпицбергенских оленей, убитых ими, были подрезаны. Возможно, что рассказ этот основывается всего только на том, что уши были повреждены морозом. Что переселение оленей с Новой Земли на Шпицберген не имеет места, подтверждается, впрочем, еще и тем, что олени Шпицбергена принадлежат к породе, отличающейся от породы оленей Новой Земли меньшим размером, более короткой головой и ногами, более коренастым и жирным туловищем.

Лучше всего известна жизнь диких оленей на Шпицбергене. Летом они пасутся на покрытых травой низменностях в свободных от льда долинах острова, позднее же осенью переселяются, по свидетельству зверопромышлен-

ников, к морю и питаются там водорослями, выброшенными на берег волнами, а зимой возвращаются на покрытые мхом склоны возвышенностей внутри страны, где им хорошо живется, несмотря на жестокие морозы. Когда олени возвращаются весной на берег, они еще довольно тучны, но несколько недель спустя, когда снег покрывается коркой наста и оледенелые горы становятся труднодоступными, олени так худеют, что их едва можно есть. Но летом они снова быстро нагуливают жир, и тучность их осенью так велика, что они, без сомнения, получили бы приз на выставке племенного рогатого скота. В музее в Тромзе сохраняется спинной хребет оленя, убитого на Земле Короля Карла. У этого оленя на окороках был жировой слой в 7—8 сантиметров.

В местностях, где много охотятся на оленя, он очень пуглив, но если почва не совсем ровная, к нему все же можно подползти на расстояние выстрела, соблюдая единственную предосторожность — не двигаться с наветреной стороны. В период течки, настающей поздней осенью, иногда случается, что самцы нападают на охотников.

Олени Шпицбергена не страдают от овода (личинок насекомого в 2 сантим. длиной, развивающихся под кожей животного) так, как олени Лапландии и Новой Земли. Мясо шпиц-

бергенского оленя гораздо вкуснее мяса лапландского. Ни одна из эпидемий, так сильно истреблявших оленей северной Европы, не наблюдалась на Шпицбергене, по крайней мере за последние 50 лет.

Белый медведь преимущественно встречается на берегах и островах, окруженных пловучими льдами, часто на ледяных полях далеко в море. Лучшая охота на белого медведя — как раз среди пловучих льдов. На почти свободных летом от льда юго-западных берегах Шпицбергена и Новой Земли он теперь встречается довольно редко, но чаще около северных берегов этих островов, почти всегда окруженных льдом. Так, например, я ни разу не видал ни одного медведя во время моих многочисленных высадок на берег у Горнзунда, Бельзунда, Айсфиорда, Форсландсвунда и Кингбэй на западном побережье Шпицбергена. Зато медведи встречались почти близ каждой стоянки во время моего путешествия на лодке с Тореллем в 1861 году в Гинлопенском проливе и вдоль берегов самых северных островов Шпицбергена, а также и во время моей санной поездки с Паландером весной 1873 года вокруг Северо-восточной Земли. Впрочем, белые медведи встречаются повсюду вдоль северного побережья Азии и Америки и, повидимому, в тем большем коли-

честве, чем далее продвигаешься на север. Иногда северный медведь, сначала на льдинах и затем вплавь, достигал северного побережья Норвегии; так, например, в марте 1853 г., по сообщению в «Tromsö Stiftstidende» (№ 4 от 1869 года) белый медведь был убит в Челлефиорде в восточной Лапландии.

Убить медведя не трудно. Когда он замечает человека, он обыкновенно приближается мягкими движениями со множеством зигзагообразных поворотов, чтобы не показать своих настоящих намерений и не спугнуть жертву. Часто он при этом залезает на ледяную глыбу или встает на задние лапы, чтобы иметь более широкий кругозор, или стоит и нюхает с заметной осмотрительностью воздух, чтобы с помощью обоняния, на которое он, повидимому, надеется больше, чем на зрение, разобраться в природе и свойствах окружающих предметов. Когда он думает, что имеет дело с тюленем, он ползет или волочится по льду и старается передней лапой прикрыть свой большой черный нос, единственную часть тела, отличающуюся от белого цвета льда. Если стоять неподвижно, медведь подойдет так близко, что его можно убить выстрелом на расстоянии нескольких метров или, что зверобои считают более верным, поднять на рогатину. Если с белым медведем встречается не-

вооруженный человек, обычно достаточно угрожающих движений и крика, чтобы обратить медведя в бегство; но если человек побежит, можно быть уверенным, что и медведь побежит по пятам. Белый медведь всегда обращается в бегство, если он ранен. Часто он прикладывает лапой снег к ране; иногда во время предсмертных судорог роет передними лапами яму в снегу и прячет в нее голову.

Медведь подплывает иной раз к судну, стоящему на якоре, а если раскидываешь в отдаленных местностях палатку, то, просыпаясь утром, часто видишь по соседству белого медведя, который в течение ночи бродил вокруг палатки и обнюхивал ее, не решаясь, однако, напасть. Я припоминаю теперь только один случай, когда медведь решился заглянуть в жилую палатку. Это было во время путешествия Кэна.[123] Медведя спугнули тем, что стали одну за другой зажигать спички. Сам я с моими товарищами часто проводил ночи в палатке без караула в местности, где, как мы знали наверное, пока мы спим крепким сном, лагерь наш будет достаточно охраняться медведем, который на самом деле редко пропускал случай подойти на расстояние выстрела, как только повар начинал варить кофе.

Медведь имеет особенную склонность к инвентаризации устроенных на берегу складов

провианта. Большинство арктических путешественников рассказывает замечательные приключения, в которых участвуют как люди, так и медведи. Так, например, во время путешествия 1864 года[124] явился большой медведь и исследовал содержимое покрытой палаткой лодки, которую мы на несколько часов оставили без охраны в Стурфиорде. Он сожрал старательно приготовленное жаркое из оленины, порвал запасное платье, раскидал морские сухари, а когда мы к вечеру вернулись, собрали снова наши вещи, починили палатку и легли спать, этот же медведь снова явился, завладел во время нашего сна всей вареной олениной, приготовленной вместо съеденного им жаркого для предстоящей на следующий день поездки. Во время одной из английских экспедиций на поиски Франклина убили однажды медведя, в желудке которого среди множества другого добра нашли запасы липкого пластыря, лежавшего в складе поблизости. Медведь может ворочать даже очень большие камни, но с промерзлым песком ему не справиться.

Белые медведи прекрасно плавают, но не так быстро, чтобы спастись от преследующей их лодки. Если под рукой имеется лодка и проворные гребцы, медведь обречен на гибель, так как при попытке бежать ищет спасения в море. Там его, по словам зверобоев,

так же легко убить, как моржа, но нужно торопиться бросить в убитого зверя гарпун, в противном случае он быстро тонет, в особенности если не слишком жирен.

Зверобойные суда из Тромзе доставили в 1868 году — 20, в 1869 году — 53, в 1870 году — 98, в 1871 году — 74 и в 1872 году — 33 медведя. Отсюда можно заключить, что норвежские зверобои убивали ежегодно в среднем по крайней мере сотню медведей. Замечательно, что среди этого большого количества никогда не попадалось беременной самки или самки с только что родившимися детенышами.[125] Повидимому, медведицы во время беременности хорошо прячутся, быть может, в какой-нибудь ледяной пещере вдали от берега.[126]

Еще не вполне известно, подвержен ли белый медведь зимней спячке. Но многое говорит за это. Медведь, например, в темную зимнюю пору почти совершенно исчезает из мест зимовок, и иногда находили под снегом норы, где скрывались медведи. Между прочим, с Тобисеном случилось однажды, что он одной ногой провалился в такую яму к немалому испугу как опытного зверобоя, так и белого медведя.

Рассказывали также, что медведь в темную пору выходит в поисках пищи к кромке льдов.

Я не могу решить, насколько это предположение верно, но оно противоречит тому, что в течение зимы 1872/73 года у открытого моря видели только одного медведя. Между тем я и Паландер почти ежедневно видели медведей на покрытом толстым льдом море к северу от Северо-восточной Земли. Медвежьи следы были здесь видны на льду во всех направлениях вместе с легкими, извилистыми следами песца. Но никаких тюленьих лунок здесь не было, и трудно было поэтому понять, почему медведи выбрали для местопребывания именно это пустынное пространство льдов. Впрочем, убитые здесь медведи были необычайно тощи, так что сало их едва пригодилось в качестве топлива для кухни санной экспедиции.

Во время дальних скитаний за добычей самец и самка с одним или двумя более взрослыми детенышами держатся обычно вместе. Редко видишь медведей целыми стадами, разве только в местах, где сложено много убитых моржей, тюленей или белух.

В прежнее время вид белого медведя приводил в страх полярного мореплавателя, но теперь зверобой не колеблется наступать с рогатиной в руке даже на большое скопление медведей. Таким способом зверобоям иной раз в короткий промежуток времени удавалось

Белые медведи. (По Олаю Магнусу, 1555 г.)

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

убивать до двенадцати штук. На ружье они надеются меньше. Карл Чудениус во время экспедиции 1861 года убил в течение нескольких минут трех медведей возле своей лодки, покрытой палаткой.

Я не знаю ни одного случая, когда норвежский зверобой серьезно пострадал бы от медведя. Но зверь этот, повидимому, смелее и опаснее в местностях, где он не познакомился еще со смертоносным охотничьим оружием человека. Во время первых английских и голландских путешествий на Новую Землю белые медведи встречались, например, в местностях, где в настоящее время они совершенно отсутствуют, и почти в каждом месте высадки на берег, где с ними приходилось вступать в настоящие бои, стоившие многих человеческих жизней. Когда во время второго путешествия Баренца в сентябре 1595 года несколько человек вышли около восточного входа в Югорский Шар на берег, чтобы собрать попадающиеся там иной раз «алмазы» (не имеющий цены горный хрусталь), большой белый медведь бросился (по Де-Феру) на одного из собирателей камней и схватил его за шею. На крик человека и вопрос: «кто меня дерет по шее» стоявший рядом товарищ ответил: «медведь» и бросился бежать. Сейчас же вслед за тем медведь прокусил своей

жертве голову и стал высасывать кровь. Команда судна, бывшая на берегу, прибежала между тем на помощь, и на медведя напали с ружьями и рогатинами. Но медведь не испугался, кинулся на врагов, схватил одного из нападавших и растерзал его, после чего все остальные бросились бежать. Тут с корабля пришло подкрепление, и медведя окружили еще тридцать человек, хотя и не слишком решительно, потому что им приходилось иметь дело со «свирепым, бесстрашным, хищным зверем». Только трое из них решились на нападение, и эти «отважные» люди убили в конце концов медведя после довольно жестокого боя.

Множество других подобных же приключений, хотя обычно и со счастливым исходом, приводится в описаниях арктических путешественников. Однажды, например, в Дэвисовом проливе медведь утащил матроса с затертого льдами китобойного судна, а в 1890 году среди пловучих льдов между Гренландией и Шпицбергеном та же участь едва не постигла одного из матросов китоловного судна из Гуля, но ему посчастливилось спастись. Он бежал и бросил в медведя сначала свое единственное оружие — копье, а затем и свою одежду, одну вещь за другой.[127] 6 марта 1870 года на д-ра Бергена напал медведь и

протащил его некоторое расстояние.[128] Замечательно, что и на этот раз медведь не тотчас же умертвил свою жертву, и Берген успел закричать «меня тащит медведь» и что он после освобождения, хотя медведь и протащил его несколько сот шагов и сильно оскальпировал, мог сам добежать обратно на судно. Скальпирование произошло вследствие того, что медведь пытался раздробить в своей пасти череп, как он имеет обыкновение делать с пойманными тюленями.

Скоресби считает опасным охотиться на медведя по глубокому снегу. Датчанин К. Петерсен, известный спутник Мак-Клинтока, Кэна и др., находил, наоборот, что убивать медведя так же безопасно, как резать овцу. Путешественник по Сибири Геденштром утверждает, что на медведя можно итти с ножом, привязанным к палке, и приблизительно в таком же духе выражаются про эту «благородную и опасную» охоту норвежские зверобои или, по крайней мере, норвежско-финские гарпунеры.

Пища белого медведя состоит главным образом из тюленей и моржей. Говорят, что он одним ударом своей сильной лапы может выбросить моржа[129] из воды на лед. Оленей же ему, наоборот, редко удается поймать, так как они бегают быстрее медведя. Все же я дважды

видел на Северо-восточной Земле кровь и шерсть оленя, застигнутого медведем. Не подлежит никакому сомнению, что белый медведь питается не только мясом, но и растительной пищей, как водоросли, трава и мох.

При вскрытиях медведей я неоднократно находил в желудке только остатки растительной пищи, и зверобои так хорошо знают это обстоятельство, что назвали большого, старого медведя, убитого д-ром Телем в 1875 году в гавани Диксона, «старым береговым королем», потому что он был слишком ленив, чтобы выходить на промысел, и питался травой на берегу. Впрочем, медведь не брезгует самой разнообразной пищей. Один медведь сожрал, например, содержимое двух бочек с соленой рыбой, оставленных для Тобисена зимой 1865/66 года в необитаемой хижине.

Мясо медведя вполне съедобно, если он только не слишком стар или не наелся гнилой тюленины, и по вкусу представляет нечто среднее между свининой и коровьим мясом. Мясо медвежат белое и похоже на телятину. Говорят, что печень медведя вызывает сильное нездоровье.[180]

Несмотря на то, что, как уже было сказано, белые медведи иногда еще и в наши дни заносятся льдинами к северным берегам Норвегии, шкура их не упоминается Отером при пе-

речислении мехов животных Финмаркена. Шкуру белого медведя в Европе, вероятно, впервые увидели после открытия норвежцами Исландии и Гренландии, и она считалась вначале необычайной редкостью. Знатному норвежцу, переселившемуся в Исландию, посчастливилось там поймать медведицу с двумя медвежатами, и он преподнес их в 880 году в дар норвежскому королю. За это он получил в свою очередь корабль, нагруженный строевым лесом. До тех пор в Норвегии никто еще не видел этого зверя. В древних северных сагах рассказывается про священника Ислейфа, который в 1056 году подарил белого медведя королю Генриху, чтобы быть назначенным епископом в Исландии. В 1064 году датский король отдал за белого медведя из Гренландии вполне снаряженный торговый корабль, значительную денежную сумму и драгоценный золотой перстень.[131]

Марко Поло[132] в рассказе о земле миролюбивых кочующих на севере татарских племен сообщает, что там водятся белые медведи длиною около 20 ладоней, большие черные лисицы, дикие ослы (олени) и маленький зверек, дающий соболий мех. Так как белые медведи встречаются только на берегах Ледовитого океана, то сообщение это свидетельствует, что уже в XIII веке самая северная часть Азии

была населена или ее, во всяком случае, посещали охотники. Олай Магнус, в общем верно описывая образ жизни белых медведей, добавляет, что шкуру обычно подносят в дар соборам и приходским церквам для алтарей, чтобы у священников во время службы не мерзли ноги.[133] Белый медведь стал более широко известен в Западной Европе только благодаря путешествиям в Ледовитый океан англичан и голландцев, и цена на его шкуры в настоящее время так сильно упала, что мех, когда-то считавшийся необычайной драгоценностью, при расчетах между покупателями и зверобоями расценивается всего от 25 до 50 крон.

В 1609 году Стефан Беннет поймал во время своего седьмого путешествия на Медвежий остров двух белых медвежат, которых он привез в Англию. Медвежата эти затем содержались в Парис Гарден.[134] В настоящее время северных медведей очень часто привозят в Норвегию живыми, чтобы оттуда рассылать по зоологическим садам Европы. Поимка медведей облегчается тем, что детеныши редко покидают убитую матку.

Кроме оленей и медведей в странах, о которых идет речь, встречаются еще два вида млекопитающих суши — песец (Vulpes lagopus L.) и пеструшка (Myodes obensis Brants).[135]

Песцы довольно распространены как на Шпицбергене, так и на Новой Земле. Норы их обычно представляют множество сообщающихся между собой прорытых в земле ходов со многими выходами. Такую нору я видел на острове Вальберга в Гинлопенском проливе, на вершине птичьего базара; в ней были собраны богатые запасы полугнилых кайр, запрятанных в подземных ходах. Старых песцов во время нашего посещения мы не видели, но несколько пестрых детенышей, частично черных или пестрых с белыми пятнами, выскакивали то тут, то там из выходов норы и гибкими движениями играли по соседству со своим жилищем. Такое жилище с такими же перебегавшими от одного выхода к другому детенышами, игравшими и гонявшимися друг за другом, я видел на северном берегу Маточкина Шара. Кроме того, я наблюдал песцовые норы и ходы во многих местах на западном побережье Новой Земли, обычно в верхней части сухих песчаных холмов.

Пеструшка (лемминг) не водится на Шпицбергене, но временами появляется в невероятных количествах на Новой Земле. В начале лета, вскоре после того как растает снег, повсюду на ровных плодородных местах, в густой траве видишь тропки шириной в дюйм и глубиной в полдюйма, протоптанные в зим-

нее время этими маленькими животными под снегом, в ковре трав и мхов, непосредственно покрывающем промерзшую землю. Они таким образом устраивали сообщения между своими выкопанными в земле жилищами и удобные, защищенные от жестоких зимних холодов, ходы, ведущие к складам запасов.

Даже и на меньшем пространстве нужны тысячи животных для выполнения подобных работ и поразительно развито должно быть их уменье ориентироваться, если они, как это можно предполагать, с уверенностью находят дорогу в бесконечном лабиринте, созданном ими самими. В пору таяния снега эти тропки образуют маленькие, но повсюду встречающиеся сточные каналы для воды, в значительной степени способствующие осушению местности. Помимо того, земля в известных местах так густо покрыта экскрементами пеструшек, что это должно иметь существенное влияние на плодородие почвы.

В собственно полярных странах от комаров [136] не страдают, и мир насекомых всей полярной области вообще в высшей степени скуден, хотя и богаче, чем предполагали до сего времени. Наиболее распространены здесь паукообразные, акариды и подуриды, так что д-р Стуксберг во время Енисейской экспедиции в 1875 году мог собрать значительную

коллекцию, которая и была обработана по возвращении на родину: подуриды — д-ром Т. Туллбергом в Упсале, паукообразные—д-ром Л. Кохом в Нюренберге. Эти крошечные животные встречаются в большом количестве среди сгнивших остатков растительности, под камнями и обломками дерева на берегу моря, на высохшей траве и т. д.

Из насекомых той же экспедицией были привезены с Новой Земли девять родов жесткокрылых (coleoptera), определенных проф. Ф. В. Мэклином в Гельсингфорсе.[137] Несколько полужесткокрылых (hemiptera) и чешуйчатокрылых (lepidoptera), один вид прямокрылых (orthoptera), более значительное количество перепончатокрылых (hymenoptera) и двукрылых (diptera), привезенных из этого же путешествия, были исследованы лектором А. Е. Гольмгреном в Стокгольме. Д-р Стуксберг также собрал большое количество земляных червей, которые описал наш земляк д-р Г. Эйвен, переселившийся теперь в Калифорнию. Мне кажется в высшей степени примечательным, что эти животные формы встречаются в местности, где земля оттаивает всего на несколько сантиметров. Вообще существование насекомых в стране, подвергающейся зимним морозам ниже точки замерзания ртути, где животное не может прятаться от холода, заползая

в никогда не замерзающий слой земли, свидетельствует, повидимому, что как само насекомое, так и яйцо его, и личинка, и куколка могут замерзать, не теряя жизнеспособности. Но, вероятно, только немногие виды этих маленьких животных проявляют такую устойчивость против холода, и фауна беспозвоночных суши в полярных странах поэтому в высшей степени бедна по сравнению с более южными местностями.

Совершенно другую картину представляет море. Тут животная жизнь на самом Крайнем Севере, исследованном человеком, чрезвычайно богата. Почти при каждом лове драга приносила со дна множество ракообразных, моллюсков, морских звезд, морских ежей; 138 сама же поверхность моря кишит в солнечный день птераподами, бероидами, ракообразными и др. Этот богатейший по разнообразию животный мир будет со временем описан д-ром Стуксбергом. До опубликования его труда я могу только указать на множество монографий и исследований в этой области, помещенных в «Записках Шведской академии наук».

Даже высшие животные формы встречаются в полярных областях чаще на море, чем на суше. Большая часть птиц, упомянутых мною выше, принадлежит морю, а не суше, и то же надо сказать о животных, уже в течение трех

или четырех столетий являющихся предметом промысла в Ледовитом океане. Охота эта, представлявшая в период расцвета китобойного промысла такие же выгоды, как в наше время нефтяная промышленность Америки, теперь уже ни в какой мере не имеет того значения. Гренландский кит (Balaena mysticetus L.), лов которого был наиболее выгоден, в настоящее время настолько истреблен в водах, о которых здесь речь, что китобои давно уже принуждены искать новых мест в других частях Ледовитого океана. Вот почему уже не кит, а другие животные привлекают зверобоев к берегам Шпицбергена и Новой Земли.

В течение последних пятидесяти лет зверобои занимались главным образом моржом, но и он вскоре будет истреблен. Морж теперь попадается летом у западного побережья Новой Земли к югу от Маточкина Шара только изредка. Во время посещений этого острова в 1875, 1876 и 1878 годах, мы, например, не видели там ни одного моржа. Но зато у Карских ворот, у восточного побережья Новой Земли и в некоторых местах Карского моря лов бывает обилен и в настоящее время. В более раннюю пору года моржи встречаются среди плавучих льдов у западного берега Новой Земли и южнее, у устья Печоры, хотя у Хабарова ненцы, повидимому, бьют этих

животных очень редко. Голландцы же во время первых путешествий в эти места, наоборот, видали значительное количество этих общительных животных. Но и в те времена моржи встречались реже, чем на Шпицбергене и у Медвежьего острова, где, очевидно, и было их главное местопребывание.

В 1606 году, во время четвертого путешествия Стефана Беннета на Медвежий остров, там было убито от 700 до 800 моржей в продолжение шести часов и в 1608 году — около 1000 моржей в течение семи часов. Оставшиеся на берегу моржовые туши привлекали медведей в таком количестве, что, например, в 1609 году около пятидесяти этих хищников было убито командой одного только судна. На одном месте видели одновременно 18 медведей.[139] Норвежский шкипер мог во время одной зимовки на Медвежьем острове в 1824/25 году убить 677 моржей. Но когда
в 1824/25 году убить 677 моржей. Но когда
только одного моржа, и оба раза, когда мне пришлось посетить этот остров, я не видел там ни одного. Прежде зверобои почти каждый год поздней осенью, после исчезновения пловучих льдов, заставали «моржа на суше», т. е. стада во много сотен моржей, выползших на низкий песчаный берег и лежавших там неподвижно дни и целые недели. В эту пору

отдохновения большая часть животных, повидимому, погружена в глубокий сон, но спят не все; согласно единодушному уверению зверобоев, с которыми я говорил, некоторые из моржей остаются на страже, чтобы в случае опасности предупредить товарищей. Если принять необходимые меры предосторожности, т. е. если подходить к животным против ветра, дующего с суши, и убивать рогатиной сначала ближайших к воде моржей, то дальше можно без труда заколоть и остальных, которым тела убитых товарищей мешают пробраться к морю. В настоящее время такие залежки чрезвычайно редки, и есть моржовые мысы, на которых в былые времена каждый год встречали сотни животных, а теперь не увидишь ни одного.

В самом море есть места, излюбленные моржами и названные поэтому зверобоями «моржовыми отмелями». Такая мель находится близ острова Моффен, расположенного под 80° сев. шир. у северного берега Шпицбергена, и здесь моржей убивают тысячами. Другая подобная же мель находится под 72°15′ сев. шир. у берегов Ямала. Моржи предпочитают эти места, вероятно, находя тут обильную пищу, состоящую не из водорослей, как утверждают многие, а из различных живущих на дне моря моллюсков, главным обра-

зом, Mya truncata и Saxicava rugosa. Морж так хорошо отделяет мясистую часть моллюска от раковины и так вычищает ее, что содержимое желудка его похоже на блюдо, старательно приготовленное из устриц. Отыскивая пищу, моржи пользуются своими длинными бивнями, чтобы раскапывать глубоко зарывшихся в глину моллюсков и червей.[140] Скоресби утверждает, что нашел в желудке моржа, кроме маленьких ракообразных, куски молодого тюленя.

Самые большие из виденных мною моржовых бивней были бивни самца, купленные летом 1879 года на острове Лаврентия в северной части Берингова моря. Длина одного была 830 и другого — 825 миллиметров, наибольшие окружности соответственно были 227 и 230 миллиметров, а общий вес составлял 6680 граммов. Случилось мне видеть и бивни самки, приблизительно такой же длины, но они отличались от бивней самца гораздо более изящной формой. Поверхность бивней всегда в трещинах, но под ней находится слой нетрескающейся гладкой кости, облегающей в свою очередь зернистое, местами почти прозрачное, как бы пропитанное маслом ядро.

Когда морж-самец достигает глубокой старости, он плавает один, как отшельник, но обычно животные одного возраста и пола

держатся вместе большими стадами. Детеныш долго следует за маткой, и она его оберегает с видимой нежностью и горячо проявляющейся материнской любовью. Во время преследования первая ее забота — спасти детеныша, даже если это ей стоит собственной жизни. Если со зверобойной лодки заметят самку и детеныша, они обречены почти на верную гибель. Как бы усердно самка ни старалась увлечь за собой детеныша, всячески подталкивая его, или обмануть охотников, ныряя с детенышем, прикрытым передней лапой, ее обычно все же настигают и убивают. Подобная охота, конечно, жестока, но зверобой в своем ремесле не знает пощады.

Осенью, когда исчезает пловучий лед, моржи, в особенности старые самцы-одиночки, и спят, и бодрствуют в воде, с головой то над поверхностью, то под ней, а легкие его при этом так сильно раздуты, что туловище плавает и несколько выступает над водой. Такой способ отдохновения возможен только в том случае, если животное долго удерживает дыхание, что, повидимому, здесь и происходит. Если зверобойная лодка встречает такого спящего моржа, его будят громким «törn upp», [141] а потом уже бьют гарпуном «чтобы он в испуге и со сна не пробил бивнями дна в лодке». Если моржа убивают выстрелом

в воде или на льдине и он в предсмертных судорогах еще может броситься со льдины в воду, он тонет и потерян для зверобоя. Моржа поэтому почти всегда убивают гарпуном или копьем.

Гарпун представляет собой остро отточенный с наружной стороны большой железный крюк, прикрепленный к шесту, к которому привязана веревка в двадцать метров длиной, часто сделанная из моржовой же кожи. Другим концом снасть прикреплена к лодке, в носовой части которой она аккуратно свита кольцами. На каждой зверобойной лодке имеется от пяти до десяти таких снастей с гарпунами. Когда зверобои видят стадо моржей на льдине или в воде, они стараются осторожно и против ветра подойти так близко, чтобы можно было бить моржей гарпуном. Если это удается, морж тотчас же ныряет в воду и напрягает все силы, чтобы спастись вплавь. Но он привязан к лодке веревкой и должен поэтому тащить ее за собой. Товарищи подплывают, чтобы узнать, что случилось. Тут гарпуном запрягается в лодку другой морж, пока не пущены в ход все гарпуны. Теперь лодка быстро мчится вперед, несмотря на то, что гребцы стараются тормозить веслами. Особой опасности это не представляет, пока все запряженные моржи тянут в одну и ту же сто-

Ловля моржей. (По Олаю Магнусу, 1555 г.)

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Доб[illegible]ва

рону. Если один из моржей попробует взять другое направление, чем его товарищи по несчастью, его веревку необходимо отрезать, чтобы лодка не опрокинулась. Когда моржи слабеют от напряжения или от потери крови, веревки начинают выбирать. Одно животное за другим тащат к форштевню лодки, причем обычно им сначала наносят плашмя удар копьем по голове, а когда морж поворачивается, чтобы защититься, бьют копьем в сердце.

С тех пор как зверобои стали пользоваться ружьями, заряжающимися с казенной части, они предпочитают убивать пораженного гарпуном моржа пулей, а не колоть его копьем. Прежде зверобои считали непростительным легкомыслием стрелять в моржа, не пораженного гарпуном, так как животное, раненое только пулей, тонет и погибает. Поэтому зверобои с большим неудовольствием отзывались о туристах, приезжавших на Шпицберген и портивших такими приемами лов. Но нельзя отрицать, что в позднейшее время они сами часто следовали дурному примеру туристов, и многие полагают, что в этом и заключается причина значительной убыли моржей за последние годы. Если бы для охоты в Ледовитом океане было установлено международное законодательство, в первую очередь

следовало бы запретить стрельбу в незагарпуненного моржа.

Главными отличительными чертами характера моржей являются, повидимому, общительность и любопытство. Я имел случай наблюдать эти свойства, когда мы однажды тихим прекрасным северным летним днем плыли на веслах по зеркальной глади усеянного плавучими льдами моря среди большого стада этих животных. Часть моржей довольно долго и совершенно мирно следовала за лодкой, от времени до времени издавая хрюкающие звуки; другие подплывали совсем близко и высоко поднимались над водой, чтобы разглядеть чужестранцев; иные в таком количестве заполняли льдины, что те даже погружались в воду, а плававшие вокруг товарищи силой старались пробраться именно на это уже переполненное место отдохновения, несмотря на то, что вблизи было множество совершенно пустых льдин.

Когда зверобои убивают моржа-самку, они часто берут детеныша живым. Детеныш быстро становится ручным и проявляет большую привязанность к своему хозяину. Он изо всех сил старается следовать за моряками по палубе на своих плохо приспособленных для передвижения по суше конечностях и не может успокоиться, если его оставляют в одиночестве. К сожалению, долго поддерживать их жизнь

не удается, вероятно, вследствие отсутствия необходимой им пищи. Но бывали случаи, что детеныши моржей доставлялись в Европу живыми. Так, рассказывают,[142] что Вельден и Стефан Беннет в июле 1608 года поймали двух детенышей, самца и самку. Самка околела до прибытия в Англию, самец же прожил десять недель. Его доставили ко двору, показали королю и многим джентльменам, причем его необычайный вид и большая понятливость вызвали всеобщее удивление. Молодой морж, доставленный в Петербург в 1829/30 году, также скоро околел. Он послужил материалом для знаменитого исследования В. Е. Бэра «Анатомическое и зоологическое исследование о морже», напечатанного в Трудах Академии наук в Петербурге.[143] Моржей бьют ради кожи, жира и ворвани. Цена взрослого моржа исчислялась в 1868 году в Тромзе при сделках между торговцами и зверобоями в 80 крон, но пала в 1871 году уже до 48 крон. Мясо грубое, отзывается рыбьим жиром, и зверобои едят его только в крайнем случае. Я же могу удостоверить из собственного опыта, что их сравнительно маленький язык очень вкусен. Эскимосы и чукчи считают мясо моржа лакомством.

Несомненно, что моржи еще в далекие доисторические времена были предметом про-

мысла полярных народов,[144] но в литературе они упоминаются впервые в описаниях путешествия Отера по северным морям. Из повествования видно, что морж ловился тогда у северных берегов Скандинавии. Правдивость этого подтверждается тем, что и в наши дни моржи иногда заносятся льдинами к берегам Норвегии и что моржей еще ежегодно бьют у Святого Носа на Кольском полуострове.[145] Очень верно описывается морж в известном норвежском памятнике древности «Konungsskuggsjá» (Королевское зеркало) конца XI века, как животное, похожее на тюленя[146] и отличающееся от него большими бивнями, выступающими из верхней челюсти. Это толковое описание, в котором нет никакого преувеличения, в позднейших средневековых сочинениях, заменилось, однако, самыми фантастическими рассказами о внешнем виде моржа и о ловле его. Так, Альберт Магнус (умер в 1280 году)[147] говорит, что моржа ловят следующим способом. В то время как морж во время сна висит, зацепившись своими огромными бивнями за расщелину скалы, надрезывают его кожу и продевают через разрез толстый канат, другой конец которого привязан к дереву, столбу или к кольцам, прикрепленным к скале. Затем моржа будят, швыряя ему в голову камни. При попытках спастись морж оставляет на

месте свою кожу. Сам он потом скоро погибает или его полумертвого выбрасывает на берег. Далее Магнус упоминает, что моржовые ремни благодаря своей крепости очень удобны для поднимания больших тяжестей и что их всегда можно найти в продаже в Кельне, где ими, повидимому, пользуются при постройке собора. Подобные же фантастические представления о внешнем виде моржей и об образе их жизни повторяются в более или менее измененной форме и Олаем Магнусом.

В августе 1556 года, т. е. спустя год после обнародования труда Олая Магнуса, западный европеец впервые увидел нескольких настоящих моржей, убитых русскими зверобоями у острова Вайгач. Никакого описания этих животных не осталось, но с тех пор все участники английских и голландских путешествий на северо-восток имели случай видеть моржей сотнями и тысячами. Только тут впервые по-настоящему познакомились с этими удивительными животными, изукрашенными таким множеством сказок.

Следует упомянуть еще об одной особенности моржей. Кожа, главным образом старых животных, часто вся покрыта ранами и рубцами, оставшимися, вероятно, от боев и трения об острые льдины, частью же от какой-то

тяжелой кожной болезни. То же самое отмечает и мистер Г. В. Эллиот в отношении моржей в Беринговом море.[148] Моржей также преследуют вши, чего, насколько мне известно, не бывает с тюленями; зато в желудке тюленей попадается множество глистов, в то время как их совершенно нет у моржей.[149]

Относительно остальных животных, которых промышляют в Ледовитом океане, мне придется говорить очень коротко, так как собранный мною материал не представляет в этой области ничего нового. На Новой Земле водится три вида тюленей. Морской заяц (Phoca barbata Fabr.) довольно часто встречается и у берегов Шпицбергена, хотя и небольшими стадами. Он представляет важный предмет промысла в этих водах, и его бьют ежегодно тысячами. Морские зайцы ценятся при расчетах зверобоев с купцами от 20 до 25 крон.

Гренландский, или ян-майенский тюлень (Phoca Groenlandica Müller) ловится во множестве у Ян-Майена, часто встречается и среди пловучих льдов близ Мурманского берега и в Карском море.

Сизый тюлень (Phoca hispida Erxl.) также часто встречается у берегов. Обычно этих животных видят лежащими возле сделанных ими отверстий на льду в еще не вскрывшихся фиордах. Они часто из любопытства следуют

в кильватер за судном на большом расстоянии, и их тогда легко застрелить. Эти животные так жирны, что не тонут, как другие виды тюленей.

Тевяк (Cystophora cristata Erxl.), по словам зверобоев, никогда не попадается у Новой Земли, но ежегодно встречается в довольно большом количестве среди льдов к WSW от Зюдкапа на Шпицбергене. Во время наших путешествий по Ледовитому океану мы только раз видели тевяка, молодое животное, которое в 1858 году было убито близ Медвежьего острова.

Из китообразных нарвал, отличающийся своим длинным и драгоценным резцом, выступающим из верхней челюсти вперед по длинной оси тела, встречается в настоящее время так редко у берегов Новой Земли, что норвежские зверобои никогда его там не видят. Он, кажется, чаще встречается у острова Надежды, и Витсен говорит (стр. 903), что большие стада нарвалов попадались иногда между Шпицбергеном и Новой Землей.

Белый кит,[150] или белуга, такого же размера, как и нарвал, и встречается, напротив, большими стаями у берегов Шпицбергена и Новой Земли, в особенности в опресненных водах около устьев рек. В прежние времена их ловили хотя и не очень успешно особого рода

гарпуном, называемым зверобоями «skottel». Теперь белугу ловят большими крепкими сетями, расставляемыми у берегов в местах, излюбленных белугами. Таким способом судами, вышедшими из Тромзе в 1871 году, считавшемся исключительно удачным, было поймано 2167 белуг. Цена на белугу — 54 кроны за штуку. Промысел этот хотя и заманчив, но очень ненадежен; иной раз он бывает необычайно обильным, как весной 1880 года, когда один шкипер, вскоре после прибытия, поймал в заливе Магделена [151] одну тоню в 300 штук. Ценятся не только сало и кожа убитого животного, но и туша, которая, если представляется возможность дешевого транспорта, идет в северной Норвегии на фабрики удобрений. Туши можно, без слишком больших неудобств, брать на борт судна, после того как они целый год пролежали на берегу Шпицбергена, что доказывает, как медленно идет процесс разложения в полярных странах.

Со своей ослепительно молочно-белой кожей, на которой редко можно найти пятно, складку или царапину, взрослая белуга — необычайно красивое животное. Молодые белуги отличаются не белым, но очень светлосерым цветом. Белуг ловят сетями не только норвежцы у Шпицбергена, но и русские и ненцы у Хабарова. В прежнее время эти млекопитаю-

Молодые гренландские тюлени. (По рисунку А. В. Квеннерстедта, 1864 г.)

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н.

щие, повидимому, ловились в больших количествах около устья Енисея, если судить по множеству позвонков этих животных, попадающихся теперь в тех местах близ заброшенных стоянок. Подобные остатки встречаются и на несколько сот километров вверх по реке. Большие стада белуг я встречал и у Шпицбергена и у северного побережья Таймырского полуострова.

Другие виды китообразных редко попадаются у Новой Земли. Во время плавания из Тромзе мы видели только двух маленьких китов, и я не помню, чтобы во время моих двух предыдущих путешествий в Енисей мы встретили больше одного в море около Новой Земли. Даже у северной части острова животные эти попадаются так редко, что один зверобой рассказал мне как нечто удивительное, что он в 1873 году в конце июля видел на запад-северо-запад от западного входа в Маточкин Шар в 20—30 милях от берега множество китов, принадлежащих к двум породам: у одних была гладкая спина, у других вместо плавника на спине было особое образование.[152]

Замечательно, что киты встречаются в большом количестве у берегов Норвегии, хотя они уже в течение тысячелетия были здесь предметом лова; к востоку же от Белого моря они

попадаются только случайно, если не считать маленькую белуху.

Китобойный промысел, который в таком большом масштабе велся у западных берегов Шпицбергена, никогда в больших размерах не имел места у Новой Земли. Часто китовые скелеты, которые в таком большом количестве встречаются на берегах Шпицбергена и по обеим сторонам Берингова пролива, не попадаются, насколько мне это известно, ни на берегах Новой Земли, ни на побережье Карского моря, ни на северном побережье Сибири между Енисеем и Леной.[153] Напрасные и длительные усилия проникнуть морем в Китай северо-восточным путем не были вознаграждены таким же богатым ловом китов, как на Шпицбергене.

Встреча с китом описывается первыми полярными мореплавателями, как нечто в высшей степени замечательное и опасное; так, например, в рассказе о путешествии Стефана Борро в 1556 году говорится следующее:[154] «В день св. Иакова появился сбоку от нас кит так близко, что мы могли бы ударить его мечом, но мы все же остерегались из боязни, чтобы он не опрокинул наше судно. Я вызвал всю команду на палубу, и все кричали, отчего кит уплыл. Кит был виден над водой, как большая лодка, и когда он нырнул под воду,

поднялся такой страшный гул, что можно было бы очень испугаться, если не знать причины. Но благодаря судьбе мы избавились от зверя без дальнейших неприятностей».

Когда флот Александра Македонского под предводительством Неарха плыл из Индии в Красное море, появление кита вызвало такой сильный страх, что Неарх с трудом восстановил порядок среди перепуганных моряков и заставил гребцов направиться к тому месту, где кит пускал фонтан и приводил море в волнение, какое производит ураган. Тут все люди принялись кричать, били веслами по воде и трубили в трубы так, что испугали это большое и, по предположению македонских героев, такое опасное чудовище. Мне кажется, что отсюда можно вывести заключение, что большие киты были во времена Александра в высшей степени редки в морях, омывающих Грецию, а во времена Борро — в морях, окружающих Англию.

Иначе встречали китов у Шпицбе́ргена голландские и английские зверобои несколько лет спустя после путешествия Борро. Все люди были вне себя от радости при виде кита и бросались в лодки, чтобы с них напасть и убить ценное животное. Лов был так успешен, что, как уже упомянуто, гренландский кит (Balaena mysticetus L.), охота на которого до-

ставляла занятие сотням судов и многим десяткам тысяч людей, в настоящее время совершенно истреблен у Шпицбергена. Во время наших многочисленных посещений этих вод мы только однажды видели такого кита, а именно 23 июня 1864 года, среди пловучих льдов около западного берега Шпицбергена под 78° сев. шир. Принимая во внимание, что киты довольно многочисленны в некоторых частях Ледовитого океана и что на них за последние 40—50 лет у Шпицбергена не охотились, приходишь к выводу, что это является доказательством, как трудно заставить животных вернуться в местности, где их когда-либо истребляли или откуда их прогоняли охотой.

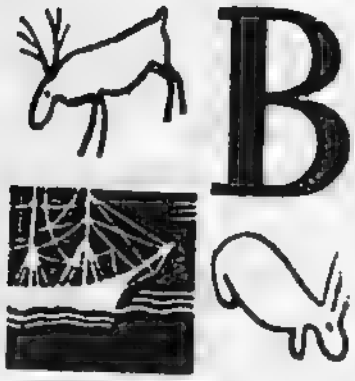
Тот вид кита, на которого капитан Свен Фойн с 1864 года почти исключительно охотился у берегов Финмаркена, известен под названием полосатика (Balaenoptera Sibbaldii Gray); другие виды китов постоянно в большом количестве следуют за стаями рыб, идущих к берегам Норвегии. Тут китов часто прибивает к берегу, где их и убивают во множестве.

Другой вид кита — касатка (Orca gladiator Desm.) — был пойман несколько лет тому назад в самой гавани Тромзе. Кит уже умирал от удушения, причиненного тем, что он хотел проглотить гагу, которая попала ему в глотку

не головой, а хвостом вперед. Когда лакомый кусочек нужно было проглотить, этому помешали распустившиеся хвостовые перья, и птица застряла в горле, что, судя по странным скачкам и броскам, которые начал делать кит, должно было причинять ему большое беспокойство, усилившееся еще тем, что местные жители не пропустили случая воспользоваться его беспомощным положением и бросили в него гарпун.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Происхождение названий Югорский Шар и Карское море. — Правила плавания через Югорский шар. — „Самая высокая гора на земле". — Якорные места. — Вход в Карское море. — Границы его. — Ледники Новой Земли. — Настоящие айсберги редки в некоторых частях полярных морей. — Природа Карского моря. — Животные, растения. — Плавание по Карскому морю. — Влияние льдов на морское дно. — Пресноводные диатомеи на морском льду. — Прибытие в гавань Диксона. — Местная фауна. — Жители устья Енисея и их жилища. — Флора у гавани Диксона. — Беспозвоночные. — Поездка на Белый остров. — Ямал. — Прошлое посещение его. — Зимовка Нуммелина на Бреховском острове.



ВО ВРЕМЯ перехода к острову Вайгачу я встретил «Лену», которая еще только подходила к условленному месту. Я дал капитану приказание немедленно бросить якорь у Хабарова, принять уголь с «Экспресса» и привести себя в готовность, чтобы тотчас после моего возвращения сняться с якоря и вместе с другими судами продолжать путь. Я вернулся на борт «Веги» вечером 31 июля, очень довольный всем виденным и собранным на острове

Вайгаче. «Лена» не была еще готова, почему и пришлось отложить выход до утра 1 августа. В этот день все суда подняли якорь и пошли на парусах или на парах через Вайгачский пролив, или Югорский Шар, в Карское море.

Название Югорский Шар не встречается ни в древнейших описаниях путешествий, ни на древнейших картах. Но в 1611 году оно уже упоминается в отчете о русском торговом пути между «Печорским заворотом и Мангазеей», приложенном к письму Ричарда Финча к сэру Томасу Смиту.[155]

Название, повидимому, происходит от древнего названия «Югория» — земли, находящейся к югу от пролива, получившей, как объясняется, например, на карте в труде Герберштейна, свое имя от угров (венгров), будто бы вышедших из этих мест. Первые голландские мореплаватели на северо-восток называли пролив Fretum Nassovicum, или Вайгачским. Позже географы называли его также проливом Пита, что неправильно, так как Пит не плавал по этому проливу.[156]

Вначале не существовало особого названия для морского залива между полуостровом Таймыр и Новой Землей. Впрочем, название «Карский залив» уже встречается в объяснениях о плавании на северо-восток, представленных в 1584 году «Московской компании» ее глав-

ным фактором Антоном Маршем.[157] Но и это название употреблялось вначале только для залива при впадении реки Кары, называемого теперь Карской губой. Мало-по-малу оно распространилось на все обширное море, древнейшее ненецкое название которого, также происходившее от реки, было в обрусевшей форме — «Неремское».[158] В дальнейшем изложении я буду подразумевать под названием «Карское море» весь морской залив, который расположен к югу от 77° сев. шир., между мысом Челюскина и северной оконечностью Новой Земли, и ограничен с юга северным побережьем Европы[159] и Азии.[160]

Капитан Паландер дает следующие правила для плавания по проливу между островом Вайгач и материком, т. е. через Югорский Шар.[161]

«Так как Югорский Шар трудно заметить с моря издали, необходимо, чтобы верно держать курс, производить точные наблюдения над солнцем, если таковые возможны, и уже по этим определениям вести судно на самую середину пролива, приблизительно на северо-восток. Подойдя ближе к земле (от 3 до 4 миль), легко различить пролив. Далее нужно заботиться только о том, чтобы при входе в него непременно держаться середины фарватера.

«Желая бросить якорь у Самоедской деревни, нужно держаться на расстоянии около

1 мили от берега и править на северо-восток, пока не увидишь жилищ; тогда повернуть на эти жилища, оставляя церковь немного за стирбортом. Судам большого размера не следует покидать глубин в 17—19 метров, так как глубина затем довольно резко уменьшается до 6 метров.

«От Самоедской деревни надо держать курс прямо на юго-восточный мыс острова Вайгач (Сухой Нос), мимо которого проходишь на расстоянии ½ мили. Прямо на юго-запад от этого мыса находится довольно длинная мель, которой следует остерегаться.

«От Сухого Носа держать курс NtO в Карское море. При этом курсе проходишь мимо двух мелей на правой стороне и двух — с левой стороны, в расстоянии от них в полмили.

«Глубина вообще 20 метров; ни в одном месте фарватера не встречаешь глубины менее 19 метров.

«Таким образом через Югорский Шар могут проходить самые глубокосидящие суда. При проходе через пролив рекомендуется зорко смотреть на воду со стеньги, откуда в ясную погоду легко можно видеть мели».

В старинных рассказах говорится об очень высоких горах, покрытых льдом и снегом, расположенных вблизи пролива между остро-

вом Вайгач и материком; рассказывается, что именно там находится высочайшая гора на земном шаре, вершина которой будто бы достигает высоты ста немецких миль.[162]

Честь быть самой высокой горой на земле приписывалась позднее жителями северных равнин России горе в окрестностях Маточкина Шара, — «где все горы гораздо выше Большого Камня», Большой же Камень, при устье Печоры, имеет в высоту несколько сот метров. Это орографическое представление является новым доказательством правдивости старой поговорки: «у слепых и король одноглазый». Маточкин Шар действительно окружен диким альпийским ландшафтом с вершинами, доходящими до 1000—1200 метров. По обе же стороны Югорского пролива видны только равнины, оканчивающиеся у моря крутыми уступами. Они рано освобождаются от снега и покрываются густой травой, являющейся хорошим пастбищем для оленьих стад ненцев.

Большинство судов, желающих пройти через Югорский Шар в Карское море, должно здесь несколько дней стоять на якоре в ожидании благоприятных ветров и ледовой обстановки. Вблизи пролива нет хороших гаваней, но удобные якорные стоянки имеются частью в бухте у Хабарова при западном входе в пролив, частью, по старинным голландским

картам, с юго-восточной стороны, между Местным островом (Статен Эйланд) и материком. Однако в отношении последней из названных якорных стоянок у меня нет собственного опыта, и я также не слыхал, чтобы норвежские зверобои пользовались ею. Возможно, что место это уже обмелело.

Когда мы в 1878 году проходили Югорский Шар, пролив был совершенно свободен от льда. Погода стояла прекрасная, но ветер был так слаб, что паруса приносили мало пользы. Вследствие этого мы подвигались не особенно быстро; кроме того я хотел, чтобы все четыре судна держались вместе, для чего «Фразеру» пришлось взять на буксир парусное судно «Экспресс». Помимо этого терялось время на драгирование и доставание проб воды. В некоторых местах, например, перед Хабаровым, драга приносила нам богатую добычу, в особенности изопод и губок. Пробы воды показали, что содержание соли значительно уже на небольшой глубине и что поэтому нельзя полагать, чтобы большая часть пресной воды, изливаемая реками Карой, Обью, Тазом, Енисеем и др. в Карское море, текла в Атлантический океан через этот пролив. Мы прошли пролив 1 августа в полдень и под парами вышли в открытое, простирающееся к востоку море, бывшее предметом

стольких стремлений, предположений и заключений различных правительств, корыстолюбивых торговцев и ученых космографов XVI и XVII веков. Море это и для современных географов и ученых является еще mare incognitum.[163]

Именно это-то море и являлось поворотным пунктом для всех прежних путешественников на северо-восток от Борро до Вуда и Фламинга,[164] и поэтому, прежде чем продолжать описание нашего плавания, необходимо сказать несколько слов о его берегах и гидрологических особенностях.

Если не принимать в расчет маленький новооткрытый остров Уединения,[165] то Карское море представляется на северо-востоке открытым. Оно ограничено с запада Новой Землей и островом Вайгач, с востока — полуостровом Таймыр,[166] берегом между Пясиной и Енисеем и Ямалом, а на юге — самой северной частью Европейской России, Белым островом и обширными губами Оби и Енисея. Берега между мысом Челюскина и Енисеем представляют собою низкие холмы, сложенные кристаллическими сланцами, гнейсом и вулканическими породами; от Енисея до самых южных частей Карского моря берег образован мелкозернистым песком Ямальской и Гыдаянской тундр, а на острове Вайгач и южной части Но-

вой Земли (до 73° сев. шир.) берега состоят из известковых и сланцевых пластов,[167] спускающихся к морю крутыми уступами от 3 до 15 метров высоты, но в общем образующих гладкую равнину, покрытую многочисленными лужами и озерками. Летом эта равнина совершенно свободна от снега. К северу от 73° западный берег Карского моря снова становится гористым и у Маточкина Шара образует уже высокие, в беспорядке разбросанные горные вершины, далее же на север горы снова понижаются и переходят в плоскогорья.

Между скал, в расселинах, виднеются незначительные скопления льда, вершины же гор летом свободны от снега. Ледники начинаются гораздо далее на север и, все увеличиваясь в размере и числом, сливаются наконец в один цельный ледяной покров. Как в Гренландии и на Шпицбергене, этот мощный ледник совершенно скрывает горы и долины и превращает всю страну в ледяную пустыню; вместе с тем он является источником айсбергов и их обломков, играющих такую большую роль в описаниях морских путешествий в полярные моря. Я сам не был на внутреннем ледниковом покрове северной части Новой Земли, но несомненно, что на ледяные пустыни севера Новой Земли можно перенести те наблюдения, которые я добыл во время путешествия с док-

тором Берггреном на внутреннем льде Гренландии в июле 1870 года после того, как весь снег на нем стаял, и с капитаном Паландером на ледниковом покрове Северо-восточной Земли в начале июня 1873 года, когда таяние снегов еще не начиналось.

Как и на Шпицбергене, ледниковое поле и здесь, несомненно, прерывается глубокими, бездонными трещинами, над которыми зимние метели перекидывают хрупкие снеговые мосты, так обманчиво закрывающие пропасти, что можно стоять на самом краю их, не имея никакого понятия о том, что еще один шаг вперед, и внезапная смерть настигнет того, кто не принял обычных мер предосторожности и не связал себя веревкой со своими спутниками, прежде чем прокладывать себе дорогу по этой ослепительно белой, почти бархатистой снеговой поверхности. Если, приняв все предосторожности, путник продолжает итти по снеговой равнине в надежде, что кажущаяся ровной снеговая поверхность представит хорошую дорогу, по которой можно совершать большие дневные переходы, он скоро бывает разочарован. Дело в том, что скоро приходишь в места, где лед повсюду перекрещивается узкими расселинами, иной раз очень опасными, так как глубина их доходит до 15 метров и они окаймлены отвесными сте-

нами. Вдоль таких расселин приходится иногда долго скитаться, пока не дойдешь до места, засыпанного снегом и потому проходимого. Летом, же, когда снега стаяли, ледяная пустыня имеет совсем другой вид. Снег исчез, поверхность состоит теперь из голубого льда, но не чистого, а повсюду загрязненного серой глинистой пылью, вероятно занесенной на поверхность ледника с далеких горных высот ветром и дождем. В этой глине или даже непосредственно на самом льду находятся простейшие растительные организмы. Ледяные пустыни полярных стран дают, таким образом, убежище своеобразной флоре, которая, как бы ни казалась незначительна, представляет все же важный фактор для исхода борьбы между солнцем и льдом, происходящей здесь из года в год, столетие за столетием. Дело в том, что темная глина и темные части растительности поглощают тепловые лучи солнца скорее, чем лед, и таким образом сильно способствуют его таянию. В результате действия солнечных лучей во льду появляются отвесные цилиндрические дыры от 30 до 60 сантиметров глубиной и от нескольких миллиметров до целого метра в поперечнике. Поверхность льда вследствие этого разъедается и разрушается.

Когда снега растают, появляется множество других неровностей, и провалы, прежде при-

крытые хрупкими снежными мостами, зияют теперь перед путником своими сине-черными пропастями, бездонными, насколько можно довериться глазу. Кроме того, в некоторых местах во льду встречаются широкие, но неглубокие впадины, в которых бесчисленные стремительные потоки несутся по ложу лазорево-синего льда, иногда такие многоводные, что образуют настоящие реки. Они вливаются обычно в расположенное в середине впадин озеро, имеющее большею частью подземный выход под ледяными сводами пещер толщиной в тысячи футов. В другом месте видишь реку, просверлившую себе отверстие в ледяном покрове, в котором она неожиданно исчезает с ревом и грохотом, слышным на далекое расстояние; а немного поодаль вырывается из-под льда водяной столб, брызжущий высоко в воздух сильной непрерывной струей.

Время от времени в глубине льда раздается гул, похожий на пушечный выстрел. Это в леднике образуется новая трещина или, — если находишься вблизи края ледяной пустыни, — это, быть может, падает в море ледяной обломок. Подобно обычным потокам, и льды имеют сток в море. Известны три рода ледяных потоков: стремительные ледопады, когда мощный ледник расколот и раздроблен, прокладывает себе путь по тесной, с крутыми

стенами долине, причем одна ледяная глыба с грохотом низвергается за другой, давая начало сотням и тысячам настоящих айсбергов гигантских размеров; широкие, медленно ползущие ледники, оканчивающиеся у моря ледяной равниной с отвесным обрывом, от которого время от времени откалываются ледяные глыбы, не представляющие собою все же настоящих айсбергов; наконец, иссякающие ледники имеют такое медленное поступательное движение, что лед у их краев стаивает почти с такою же скоростью, с какой движется ледник; эти ледники не образуют у берега отвесных обрывов, но оканчиваются возвышением, покрытым глиной, песком и щебнем.

Внутренний ледниковый покров Новой Земли занимает слишком незначительное пространство, чтобы давать начало большим айсбергам. Поэтому такие айсберги и не встречаются в Карском море,[168] редко попадаются там и более или менее крупные обломки ледников.

Название «ледяной погреб» дано Карскому морю знаменитым русским исследователем[169] не за обилие в нем айсбергов,[170] а вследствие того, что его ледяной покров по причине сильных морозов и опресненности верхних слоев воды достигает большой толщины, причем,

взламываясь рано, льды не выносятся из моря течениями и могут рассеиваться по морю, которое, может быть, не замерзает и зимой.[171] Большая часть льда, образующегося зимой в Карском море, а, быть может, и часть льда, попадающего сюда из Полярного бассейна,[172] приносится морскими течениями к восточному побережью Новой Земли, где в начале лета запирает все три пролива, соединяющие Карское море с Атлантическим океаном. Именно это-то обстоятельство было причиной всех неудач прежних мореплавателей на северо-восток, а также дурной славы Карского моря и его названия «ледник». Теперь мы знаем, что опасность не так велика, как думали прежде, что бо́льшая часть льда в Карском море тает и что поэтому в конце лета плавание по этому морю становится вполне возможным.

Вообще наши сведения о Карском море были еще несколько десятков лет тому назад не только не полны, но и ложны. Думали, что фауна его очень бедна и что морских растений там вовсе нет; измерения глубины производились лишь непосредственно у берегов; много сомнений, и вполне справедливо, вызывала верность карт и т. д. В настоящее время все это существенно изменилось. Берега, ограничивающие море, положены на карту; известны состояние льдов, течения, глубины в раз-

личных частях моря,[173] а также известно, что прежнее представление о бедности его животной и растительной жизни совершенно неверно.

В отношении глубины Карское море отличается замечательной равномерностью и тем, что там не встречается резких переходов от одной глубины к другой.[174] Вдоль восточного побережья Новой Земли и острова Вайгач тянется жолоб глубиною до 500 метров, наполненный соленой холодной водой (—2°,7) и дающий приют животной жизни, богатой не только количественно, но и качественно, так как здесь было встречено множество замечательных и редких форм, как, например, Umbellula, Elpidia, Alecto, различные виды морских звезд и т. д. К востоку морское дно мало-помалу повышается и образует затем на глубине 30—90 метров подводную равнину, почти такую же гладкую, как поверхность лежащего над ней моря. Дно в южной и западной частях моря состоит из глины, в районе Белого острова — из песка, далее к северу—из гальки. Раковины и камешки нередко покрыты бурым железняком.[175] На обширном пространстве к северо-востоку от гавани Диксона они встречаются в таком количестве, что их с успехом можно было бы использовать для нужд железодобывающей промышленности, если бы места эти были более доступны.

В мелких частях Карского моря вода у дна почти такая же соленая как в Атлантическом океане и имеет круглый год температуру от —2° до —2°,7.[176] Свойства воды, у поверхности моря, напротив, очень изменчивы, временами в некоторых местах вода почти пригодна для питья и летом часто сильно нагрета. Тут наблюдается замечательное явление: вода на поверхности вследствие малого содержания соли превращается в лед, как только подвергается действию температуры, господствующей в богатых солью придонных слоях воды, и она является смертельным ядом для многих ракообразных, червей, моллюсков и морских звезд, копошащихся в глине и песке морского дна.

Во многих местах сыпучесть грунта, образующего морское дно, не позволяет произрастать водорослям, но у Белого острова Иоганнессен нашел обширные мели, поросшие «морской травой» (водорослями), а у восточного побережья Новой Земли д-р Чельман собрал в 1875 году немалое количество водорослей,[177] на основании чего он был в состоянии опровергнуть прежнее неверное представление о морской флоре этих мест. Я приведу далее описание д-ром Чельманом местной морской растительности. Возвращаюсь к рассказу о нашем плавании по Карскому морю и привожу содержание моего дневника.

2 августа. Продолжается прекрасная погода, льдов не видно. «Лена» отделяется от остальных судов и не замечает флага, поднятого как условный знак, чтобы капитан ее прибыл на «Вегу» или по крайней мере приблизился со своим маленьким судном на такое расстояние, чтобы можно было переговариваться. Поэтому «Фразер» посылается за «Леной», которую к ночи и приводит.

3 августа. Утром капитан Иоганнесен прибыл на «Вегу». Я приказал ему взять на борт д-ра Альмквиста, лейтенанта Говгарда и поручика Нордквиста и подойти с ними к Белому острову, где им предоставлялось в продолжение 36 часов охотиться и знакомиться с населением, животными и растениями острова. Затем «Лена», если окажется возможным, должна пройти через пролив между Белым островом и Ямалом к гавани Диксона и встретиться там с тремя остальными судами. Альмквист, Нордквист и Говгард были уже готовы к путешествию, они тотчас же перешли на «Лену», которая сразу же вслед за тем, благодаря своей сильной по размерам судна машине, быстро удалилась от остальных судов.

В течение дня мы встретили много разбитого и изъеденного льда, который благодаря своему умеряющему действию на морское волнение был бы нам только полезен, если бы

он не сопровождался своим обычным спутником — густым туманом, все же иногда рассеивавшимся. К вечеру открылся Белый остров. Этот остров представляется с моря в виде совершенно гладкой равнины, только немного возвышающейся над водой. Море около острова имеет равномерные глубины, но так мелко, что на расстоянии 20—30 километров от берега глубина составляет всего 7—9 метров. Капитан Шваненберг [178] сообщает, что с северной стороны острова глубина непосредственно у берега 3—4 метра. Такая картина, т. е. однообразная глубина, уже у берега достигающая 4—10 метров и затем только медленно увеличивающаяся и не изменяющаяся на громадной площади, очень обычное явление в арктических водах и зависит от выпахивающего действия льдов, наблюдающегося почти круглый год. Другое замечательное действие льда состоит в том, что все валуны, находящиеся в море вблизи берега, выталкиваются на сушу. Сам берег поэтому часто представляет (например, во многих местах в проливе Маточкин Шар) почти сплошной, тянущийся вдоль моря каменный вал, тогда как морское дно перед ним совершенно ровное и не имеет ни одного камня.

4 августа. Легкая качка дала утром знать, что море продолжает быть свободным

от льдов, по крайней мере на значительном расстоянии с подветреной стороны. Уже вчера в воде уменьшилось содержание соли и увеличилось количество взвешенных частиц; теперь вода после фильтрования почти годится для питья. Она приняла желто-серый глинистый цвет и почти совсем не прозрачна, так что кажется, будто судно движется как бы по глинистому илу. Мы, повидимому, находимся в области вод Оби и Енисея. Лед, среди которого мы вчера проходили, пригнало сюда, очевидно, из губ Оби, Енисея или Пясины. Поверхность его была грязная, а не чистая и белая, как у ледникового или морского льда, никогда не соприкасавшегося с землей или с мутной речной водой. После того как стаял снег, лед на больших реках часто бывает покрыт желтым слоем глины. Глина эта, очевидно, состоит из ила, который содержится в речной воде, и волнами выбрасывается на покрытый снегом лед. Снег на льду служит ситом и отделяет от воды ил, который после таяния снега может образовать даже и на морском льду слой грязи, содержащий остатки множества крошечных организмов, живущих исключительно в пресной воде.

5 августа. Продолжаем итти под парусами по Карскому морю, встречая временами отдельные пловучие льдины. Когда мы нахо-

дились к северо-западу от Белого острова, лед совершенно исчез. В течение дня мы много раз имели всего 9-метровую глубину, что вследствие ровного дна все же не было опасно. Туман, волнение и не сильный, но довольно упорный противный ветер замедляли наше продвижение.

6 августа. В 3 часа утра показалась земля. В тумане мы прошли несколько вглубь Енисейского залива и были принуждены повернуть назад, чтобы выйти к месту нашего назначения — гавань Диксона. Верхушки мачт «Экспресса» виднелись над островами к северу, и скоро оба судна стали на якорь южнее острова, который мы приняли за остров Диксона; однако, когда через некоторое время к нам подошел «Фразер», оказалось, что наше предположение было неверно. Берег, виденный с нашей первой стоянки и принятый нами за берег материка, на самом деле оказался довольно большим островом, у которого и расположена сама гавань Диксона.

После посещения острова, на котором мы видели выводок куропаток и где д-р Чельман собрал на диоритовых скалах много видов растений, часть которых он раньше не встречал в арктических странах, мы снова подняли якорь, чтобы войти в самую гавань Диксона. Для исследования еще неизвестного фарва-

тера вперед отправился капитан Паландер на паровой шлюпке. В пути он убил медведя — необычайно тучного большого самца. Как и у медведя, которого здесь же убил д-р Тель в 1875 году, у этого в брюхе были только мох и лишайники. Сомнительно, чтобы медведи в этих местах могли летом ловить тюленей, и вернее всего, что пища медведя в это время года растительная, к которой он, возможно, изредка добавляет случайно пойманного оленя. В 1875 году мы видели тут старого медведя-самца, который, повидимому, миролюбиво пасся вместе с несколькими оленями, конечно, в надежде задрать которого-нибудь из них. Медведи, вероятно, очень обычное явление в этой части северного побережья Сибири, так как в течение немногих дней мы убили еще двух, причем оба были очень тучные.

Гавань, нанесенная теперь на карту лейтенанта Бове, открыта мною в 1875 году и названа гаванью Диксона. Это лучшая из всех известных гаваней на всем северном побережье Азии, и в будущем она, несомненно, получит большое значение для ввоза и вывоза товаров из Сибири. Она со всех сторон окружена скалистыми островами и потому совершенно защищена. Глинистый грунт представляет хорошую якорную стоянку. В гавань можно входить как с севера, так и с юго-за-

пада; при входе все же нужно быть осторожным, так как могут попасться подводные камни, не обозначенные на карте, набросанной лейтенантом Бове с большой поспешностью. Содержание соли в воде, повидимому, значительно меняется, смотря по времени года, и зависит также от приливов и отливов, но даже на поверхности вода никогда не бывает совершенно пресной. Поэтому ее только в крайних случаях можно употреблять для пищи. Две речки на материке, — одна впадающая в море севернее гавани, другая южнее, — в изобилии дают хорошую воду, если нельзя получить снеговую воду из снежных заносов, до поздней осени встречающихся близ гавани во многих местах в ложбинах береговых уступов.

При нашем прибытии мы увидели шесть диких оленей, пасущихся на острове; одного из них застрелил капитан Паландер, за другими охотились безуспешно. Кроме того, мы видели, как уже было сказано, нескольких медведей, а среди груд камней мы повсюду заметили множество следов пеструшек и песцов. Вообще же высшая животная жизнь представлена здесь бедно. Из птиц видны были только пуночки, во множестве высиживавшие яйца среди груд камней на материке и на островах, один выводок белых куропаток, множество песочников и плывунчиков, виды которых мы

точнее не определяли, гаги, чистики и чайки-бургомистры в незначительном количестве, а морянки и нырки в несколько большем. «Пуховиков» здесь не встречается, так же как и колоний кайр, так как в этих местах нет отвесных прибрежных скал. В проливе Лена мы видели стаи рыб, и можно предположить, что рыбы здесь большое изобилие. Кроме того, в известное время года здесь в немалом количестве встречаются тюлени и белуги. На небольшом скалистом острове, близ северного входа в гавань, мы увидели разрушенную избу, служившую, вероятно, пристанищем зверобоям. Руины, если можно применить это слово к развалившейся деревянной хижине, были остатками строения, состоявшего из одной комнаты с печью и примыкающей к ней кладовой. Все это указывало на то, что хижина служила летним жилищем звероловов и рыбаков, приезжавших сюда только на время промысла из расположенных южнее, теперь также заброшенных зимовий.

Я уверен, что придет время, когда в гавани Диксона будет множество больших складов и домов, населенных круглый год. Теперь же местность совершенно пустынна вплоть до Гольчихи, несмотря на то что, судя по карте, некогда здесь стояло множество жилищ по берегам реки и моря от устья Енисея до Пясины.

Дома эти давно уже покинуты, главным образом вследствие упадка зверобойного промысла, но также, вероятно, и потому, что простые и невзыскательные нравы старины даже тут, на северном побережье Сибири, уступили место новым потребностям, которые было трудно удовлетворять в то время, когда пароходного сообщения на реке Енисее еще не существовало. Например, несколько десятилетий назад, когда еще по Енисею не было пароходного сообщения, зимовье, находившееся на восточном берегу этой реки под 72°25′ сев. шир., было покинуто вследствие трудности доставки туда муки.

Зимовья у устья Енисея были в свое время самыми северными жилищами европейских народов.[179] Расположенные близ голой тундры, подверженные постоянным снежным бурям зимой и густым туманам в течение большей части короткого лета, жилища эти, повидимому, могли доставлять немного удобств своим обитателям. Трудно поэтому объяснить, почему в такой богатой хорошими землями стране, как Сибирь, для жилья выбирали именно эту местность. Остатки старого зимовья (Крестовское), виденного мною, когда я в 1875 году вместе с д-ром Лундстремом и д-ром Стуксбергом путешествовал вверх по Енисею, производили впечатление, что там

когда-то жили прочно и хозяйственно. Три дома, покрытых дерном, сохранились еще в таком виде, что можно было составить себе представление об их внутреннем устройстве и о жизни в них. Каждая изба состояла из целого лабиринта клетушек: жилая комната с прикрепленными к стенам нарами, задняя комната с огромной печью, баня с каменкой для поддавания пара, кладовая для ворвани с большими, выдолбленными из могучих стволов деревьев и пропитанными ворванью корытами; сарай с остатками белуг и пр., — все свидетельствовало, что на этом месте когда-то жили оседло и в достатке и любили свой дом, в котором при всей его простоте была сосредоточена жизнь, быть может, более спокойная и радостная, чем это может показаться с первого взгляда.

В 1875 году в Гольчихе целый год прожили приказчик и трое работников. В Звереве жил один человек и в Прилучном—старик с сыном. Все это были бедные люди; жили в маленьких, покрытых дерном избах, состоявших из сеней и прокопченной грязной комнаты с большой печью, деревянными скамьями вдоль стен и высоко над полом расположенными палатями — местом для спанья, укрепленными в стенах. Из утвари находились в изобилии только охотничьи и рыболовные орудия, кроме того

были еще котлы, сковороды, а иногда и самовар. Все дома были расположены на берегу реки, так высоко, чтобы их не мог достичь весенний разлив. Вблизи дома лежала куча мусора, никогда, повидимому, не убиравшаяся, в которой в поисках пищи рылось множество тощих упряжных собак. Из живущих здесь русских только один был женат, но это, кажется, не могло служить примером для русских, поселившихся в этих местах. Мне, по крайней мере, жаловался казак Федор, уже старый и дряхлый холостяк, который в 1875—1876 годах делал несколько неудачных попыток быть у меня лоцманом, что в этой местности среди русских большой недостаток представительниц прекрасного пола. Он часто заводил разговор о преимуществах смешанных браков и, воодушевленный ли воспоминаниями или надеждами, — не знаю чем; — уверял, что для мужчины в этих краях долганка — самая лучшая невеста.

Немного южнее, но еще значительно севернее границы лесов встречаются весьма зажиточные крестьяне в больших зимовьях, состоящих из нескольких домов, обставленных даже с некоторой роскошью: пол устлан меховыми коврами, окна из цельных стекол, на стенах зеркала и множество лубочных картин. Средства к жизни приобретаются торговлей с ту-

земцами, которые со своими оленьими стадами кочуют по тундрам.

Скалы вокруг гавани Диксона состоят из диорита, твердого и с трудом разбиваемого, но легко выветривающегося. Склоны возвышенностей покрыты трещинами и у подножья завалены грудами камней. Они в изобилии покрыты мхами, а в долинах и на полянах Чельман собрал следующих явнобрачных:

Cineraria frigida Richards
Erigeron unflorus L.
Saussurea alpina DC.
Taraxacum phymatocarpum J. Vahl.
Gymnandra Stelleri Ch. & Schl.
Pedicularis sudetica Willd.
» hirsuta L.
» Oederi Vahl.
Eritrichium villosum Bunge
Myosotis sylvatica Hoffm.
Astragalus alpinus L.
Oxytropis campestris (L.) DC.
Dryas octopetala L.
Sieversia glacialis R. Br.
Potentilla emarginata Pursh.
Saxifraga oppositifolia L.
» bronchialis L.
» Hirculus L.
» stellaris L.
» nivalis L.

Saxifraga hieraciifolia Waldst. & Kit.
» punctata L.
» cernua L.
» rivularis L.
» caespitosa L.
Chrysosplenium alternifolium L.
Rhodiola rosea L.
Parrya macrocarpa R. Br.
Cardamine pratensis L.
» bellidifolia L.
Eutrema Edwardsii R. Br.
Cochlearia fenestrata R. Br.
Draba alpina L.
» oblongata (R. Br.) DC.
» corymbosa R. Br.
» Wahlenbergii Hn.
» altaica (Ledeb.) Bunge
Papaver nudicaule L.
Ranunculus pygmaeus Wg.
Ranunculus hyperboreus Rottb.
» lapponicus L.
» nivalis L.
» sulphureus Sol.
» affinis R. Br.
Caltha palustris L.
Wahlbergella apetala (L.) Fr.
Stellaria Edwardsii R. Br.
Cerastium alpinum L.

Alsine arctica Fenzl.
» macrocarpa Fenzl.
» rubella Wg.
Sagina nivalis Fr.
Oxyria digyna (L.) Hill.
Rumex arcticus Trautv.
Polygonum viviparum L.
» Bistorta L.
Salix polaris Wg.
Festuca rubra L.
Poa cenisea All.
» arctica R. Br.
Glyceria angustata R. Br.
Catabrosa algida (Sol.) Fr.
» concinna Th. Fr.
Colpodium latifolium R. Br.
Dupontia Fisheri R. Br.
Koeleria hirsuta Gaud.
Aira caespitosa L.
Alopecurus alpinus Sm.
Eriophorum angustifolium Roth.
» vaginatum L.
» Scheuchzeri Hoppe
Carex rigida Good
» aquatilis Wg.
Juncus biglumis L.
Luzula hyperborea R. Br.
» arctica Bl.
Lloydia serotina (L.) Reichenb.

Таким образом, принимая во внимание северное расположение местности, наши ботаники собрали не малую жатву. В то же время, наоборот, было мало водорослей, что, впрочем, можно было ожидать по пробам воды, взятым с разной глубины батометром Экмана и показавшим, что содержание соли на глубине было так же незначительно, как и на поверхности, именно всего 0,3%.[180] Температура воды во время нашего пребывания была приблизительно одна и та же у дна и на поверхности, колеблясь от +9 до +10°. Весной после таяния снега вода здесь, вероятно, совершенно пресная, зимой же холодная и, может быть, такая же соленая, как в придонных слоях Карского моря.

При таких неустойчивых гидрологических условиях мы ожидали встретить на дне очень бедную морскую фауну, но на деле оказалось иначе. Драгировки, выполненные в гавани д-ром Стуксбергом, дали богатую добычу, и найденные формы оказались тождественными с встречающимися в соленой воде на дне Карского моря. Это обстоятельство, повидимому, указывает на то, что некоторые беспозвоночные могут выносить гораздо бо́льшие перемены температуры воды и содержания соли, чем водоросли, и что встречаются виды, хотя обычно и живущие в очень холодной соленой

воде на дне Карского моря, однако без вреда для себя могущие переносить значительное уменьшение содержания соли и увеличение температуры воды приблизительно до +12°.

Современные ученые часто делают смелые теоретические умозаключения на основании нахождения северных видов на юге и наоборот. Большой интерес должен представлять для этих ученых факт нахождения одних и тех же видов животных в почти пресной воде с температурой +10° и в воде, охлажденной до —2°.7 [181] с почти таким же содержанием соли, как в Средиземном море.

Наибольшего внимания, по мнению д-ра Стуксберга, заслуживают: один вид Mysis, Diastylis Rathkei Kr., Idothea entomon Lin, Idothea Sabinei Kr., 2 вида Lysianassidae, Pontoporeia setosa Stbrg., Halimedon brevicalcar Goës, один вид аннелида, один Molgula, Joldia intermedia M. Sars. Joldia (?) arctica Gray и один вид Solecurtus.

Плавник, частью только ветви и корни, частью же целые деревья с ветвями и корнями, встречается в глубине двух защищенных бухт гавани Диксона в таком количестве, что мореплаватели без труда могут там запасаться необходимым топливом. Бо́льшая часть леса, увлекаемого рекой, не остается у ее берегов, а доходит до моря, где его носит мор-

скими течениями, пока он не впитает столько воды, что идет ко дну, или пока его не выбросит на берега Новой Земли, северной Азии, Шпицбергена или, быть может, Гренландии. Некоторые деревья тонут, не доплыв до моря; часто случается, что стволы погружаются вниз корнем и, достигнув им дна, кажутся точно укоренившимися в песке. Такие стоймя расположенные деревья могут быть помехой для мореплавателей, в особенности в более мелких местах. Одна бухта около гавани Диксона была почти совершенно отделена от моря естественным частоколом из таких стоящих на дне деревьев.

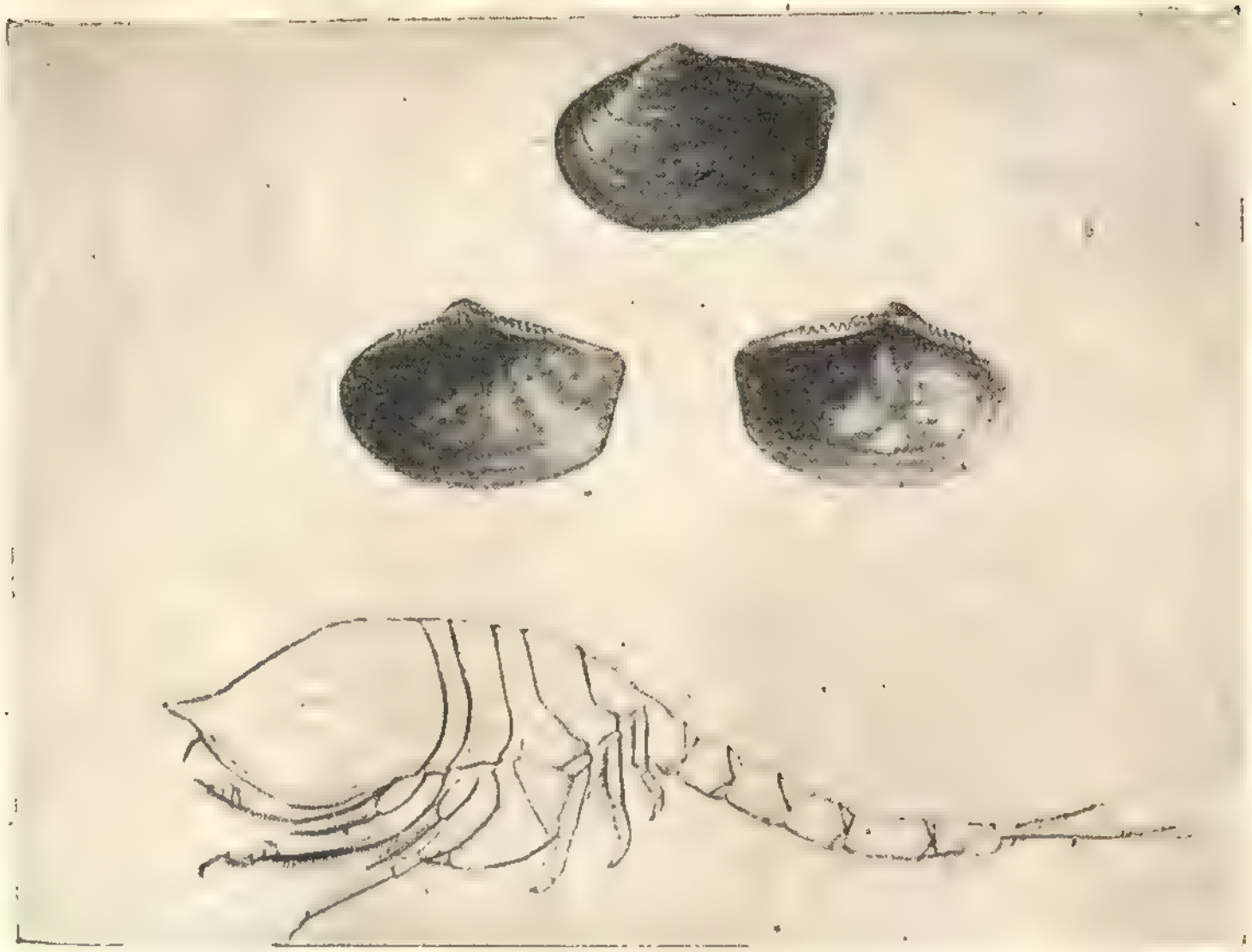
7 августа. «Вега» приняла с «Экспресса» уголь. К вечеру, 36 часов спустя после того, как «Вега» стала в этой гавани на якорь, в точно назначенное время прибыла «Лена». Д-р Альмквист сообщает следующее относительно плавания на «Лене».

«2 августа мы, Говгард, Нордквист и я, перешли на «Лену» с целью сделать экскурсию на Белый остров. Мы намеревались высадиться на юго-западном мысе для ботанических и зоологических исследований. Кроме того, мы предполагали осмотреть противоположный берег Ямала и посетить живущих там ненцев.

«Мы покинули «Вегу» в 11 часов утра. В течение дня мы видели на юге рассеянные льди-

ны и в половине одиннадцатого вечера наткнулись на большую, приблизительно метров в 300 шириной, полосу льдов, протянувшуюся от северо-востока на юго-запад. Через эту полосу нам удалось пройти без особых затруднений. Ночью мы изредка встречали небольшие скопления разреженных льдин, а утром еще одну полосу значительных масс пловучего льда. Несмотря на туман и дождь, нам постепенно удалось, измеряя глубину, колебавшуюся в пределах от 10 до 3,5 метров, войти в пролив между Белым островом и материком, и 3 августа, в 11 часов утра, мы бросили якорь несколько восточнее южной оконечности острова. «Лена» стояла на глубине 3,5 метров приблизительно в 1 английской миле от берега. Море здесь было так мелко, что мы принуждены были оставить лодку в расстоянии 300 метров от берега и переходить в брод.

«Белый остров состоит из тонкого песка, и только на омываемом морем урезе берега мы видели гальку размером с грецкий орех, дальше же от берега камней не было совершенно. Высшая точка острова, повидимому, возвышается не более чем на три метра над уровнем моря. Та часть острова, которая заливается водой, — пляж и некоторые бухточки, — состоит из мелкого песка без всяких следов растительности. Там, где поверхность немного повы-



Беспозвоночные из гавани Диксона.
а) Yoldia arctica Gray
б) Diastylis Rathkei Kr.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Доб[illegible]ова

шается, ее покрывают темные и белесоватые мхи и лишайники; среди них, на большом расстоянии друг от друга, находятся кочки, поросшие мелкой травой. Только дальше вглубь острова, по болотистым берегам множества маленьких пресноводных озер, а также около луж и на болотах, земля едва зеленеет. Высшие растения представлены всего 17 видами, все они низкорослы и жалки, и большинство поднимается лишь на несколько миллиметров над песком.[182] Очень немного растений достигают высоты в 15 дециметров. Ни одного вида ивовых нам не попалось, как и цветов, кроме зеленых или белых.

«Даже лишайниковая флора была бедна, и ни один вид лишайников не отличался пышностью. Обильнее всего лишайники были на лежащем на берегу плавнике и на кочках в болотах. Более крупный лишайник, как олений мох (ягель), попадается очень редко. Всего было найдено около 80 видов лишайника. Мхов Нордквист собрал приблизительно 20 видов. Сухопутные беспозвоночные были представлены так скупо, что можно было собрать всего три вида двукрылых (diptera), один перепончатокрылых (hymenoptera) и несколько личинок насекомых и пауков. Только подуриды встречались во множестве; они положительно покрывали всю почву у берегов.

«Мы видели также несколько стад оленей, но нам не посчастливилось подойти к ним на расстояние выстрела. Нордквист поймал во рве, сообщавшемся с морем, маленькую рыбу из вида налимов. В большом количестве встречался плавник, недавно выброшенный на берег, а дальше вглубь острова там и сям лежали загнившие стволы.

«Дождь и туман не дали возможности определить астрономический пункт. Ночью мы пересекли пролив и бросили якорь приблизительно в 1½ английских милях от Ямала, против нескольких самоедских чумов, видневшихся невдалеке от берега. При такой же неблагоприятной погоде, как и в предыдущий день, мы пытались пристать к берегу, но море оказалось слишком мелким. Нам удалось пристать только значительно далее на восток там, где берег метров в девять высоты круто обрывался в море. За этой возвышенной береговой полосой, состоявшей из рыхлой глины, мы увидели зеленеющую равнину, похожую на богато орошаемую заболоченную тундру с ручейками. Чтобы найти самоедов, мы направились на запад, прошли несколько ручьев, глубоко бороздивших землю, и через полчаса дошли до широкой мелководной реки, которую, однако, невозможно было перейти в брод. Поэтому мы вернулись к нашей лодке с намерением искать

места для причала, но так как «Лена» находилась далеко от берега и ветер крепчал, капитан нашел, что условия не благоприятствуют такой продолжительной прогулке.

«Насколько мы могли судить по нашему краткому посещению, растительность в этой части Ямала довольно богатая. В особенности обильно были покрыты явнобрачными и лишайниками прибрежные части, заслуживавшие более внимательных исследований. Наши беглые наблюдения над местной растительностью при их сопоставлении с флорой Белого острова все же могут представлять некоторый интерес. Мы собрали и описали несколько высших растений[183] и приблизительно 40 видов лишайников. Нордквист нашел фауну этой части Ямала почти тождественной с фауной близлежащего Белого острова. Кроме того, ему удалось найти два вида жесткокрылых.

«После 26-часовой стоянки в проливе мы подняли якорь и пошли на восток, придерживаясь жолоба глубиной от 10 до 16 метров. Однако выхода этого жолоба на востоке мы не могли найти и были принуждены, несмотря на то что находились около восточной оконечности Белого острова, повернуть назад, чтобы выйти через западный выход пролива.

На северном берегу острова мы видели много льдин, выброшенных волнами. Эта часть

острова, наблюдаемая с моря, ничем не отличалась от той, которую мы посетили ранее. 7 августа мы прибыли в гавань Диксона».

Я назвал пролив между Белым островом и северным берегом Ямала проливом Малыгина в честь отважного русского мореплавателя, который почти полтора века назад впервые прошел под парусами по этому проливу.[184]

Ямал редко посещался европейцами, и наблюдения, сделанные ими, рассеяны по таким малодоступным сочинениям, что, быть может, здесь уместно, с указанием на литературные источники, привести важнейшее из известного об этом полуострове. Прежде всего, что касается названия, то оно пишется иногда «Земля Иельмерта»,[185] но это неправильно. «Ямал»[186]— происхождения ненецкого и, по объяснению известного филолога д-ра Е. Д. Европеуса, означает «конец земли». Иельмерт же был боцманом у голландского китолова Фламинга, обогнувшего в 1664 году северную оконечность Новой Земли, достигшего места зимовки Баренца и оттуда прошедшего далее на юго-восток. Фламинг при повороте назад не видел земли, хотя все приметы указывали на то, что она должна находиться поблизости; но некоторым матросам его экипажа казалось, что они землю видели. Рассказ об этом голландскому картографу Дику Рембрантсзону ван-Нироп у

привел к тому, что предполагаемая земля изображалась на множестве карт в виде большого острова в северной части Карского моря. Этот остров назвали Землей Иельмерта.[187] Созвучие названий Земля Иельмерта и Ялмал (Ямал) и сомнение в существовании нанесенного на карты острова Иельмерта послужили поводом к перенесению названия «Земля Иельмерта» на полуостров, отделяющий Обскую губу от Карского моря. Но следует заметить, что название «Ямал» не встречается в старейших описаниях путешествий из Европы до Оби. В первый раз мне встретилось это название в описаниях путешествия Скуратова в 1737 году, как обозначение самого северо-восточного мыса полуострова, носящего теперь это название.[188]

Богатые травой равнины Ямала являются летом излюбленными оленьими пастбищами; в эту пору население здесь многочисленнее, чем в других частях побережья Ледовитого океана, но к зиме оленьи стада угоняют на юг. Несмотря на населенность, полуостров Ямал все же является одной из наименее известных частей обширного русского государства. Некоторые сведения о нем можно получить в следующих описаниях путешествий.

Селифонтов, 1737 год. Геодезист Селифонтов совершил в июле и августе путешествие на оленях вдоль берега Обской губы

до Белого острова. К сожалению, об этом путешествии, повидимому, ничего другого неизвестно, кроме того, что можно найти в сочинении Литке (Viermalige Reise, Berlin, 1835, стр. 66) [189] и у Врангеля (Sibirische Reise, Berlin, 1839, стр. 37). [190]

Зуев, 1771 год. По инициативе Палласа Зуев проехал по южной части Ямала от Обдорска до Карской губы. Он представил Палласу богатый по содержанию отчет о своих дорожных наблюдениях. [191]

Крузенштерн, 1862 год. Второе путешествие Крузенштерна [192] в Карское море кончилось тем, что ему пришлось покинуть судно «Ермак» у берега Ямала приблизительно под 69°54′ сев. шир. Крузенштерн со своим экипажем вышел на берег 28 сентября без всяких запасов. Очутившись на берегу, мореплаватели, конечно, погибли бы, если бы не встретили ненца, очень радушно принявшего потерпевших кораблекрушение. Он доставил их на оленях в Обдорск, до которого прямым путем было около 500 километров, по ненецким же расчетам — около 1000 километров. В описании путешествия Крузенштерна, которое мне было доступно, нет, к сожалению, дальнейших сообщений относительно народа, с которым ему пришлось сноситься во время этого замечательного путешествия. [193]

Вальдбург-Цейль и Финш. Очень обстоятельное и интересное описание природы южной части полуострова Ямал [194] находится в описании путешествия Вальдбург-Цейля и Финша в 1876 году.

Шваненберг, 1877 год. Капитан Шваненберг высадился в северной части Белого острова во время замечательного плавания, которое он совершил в названном году от Енисея до Петербурга. Он не встретил людей, но оленей и медведей видел множество. Море у берегов было достаточно глубоко для мелкосидящих судов (частное сообщение).

Шведская экспедиция 1875 года. Мы высаживались во время этого путешествия приблизительно в средней части западного побережья Ямала. Чтобы дать представление о полуострове, я сообщу извлечение из моего мало распространенного описания этого путешествия. [195]

«После обеда 8 августа я, Лундстрем и Стуксберг высадились на слегка выступавшем на Ямале мысу к северу от устья довольно большой реки. Место высадки находилось под 72°18′ сев. шир. и 68°42′ вост. долг. За низменной береговой полосой приблизительно в 100 шагов ширины поднимался обрывистый вал от 6 до 30 метров высоты, а за ним раскинулась необозримая волнистая равнина. Расти-

тельность на равнине была в высшей степени однообразна, но все же гораздо богаче, чем на Вайгаче и на Новой Земле. Однообразие растительности зависело здесь, вероятно, главным образом от однообразия почвы. Твердых пород здесь не встречается. Почва везде состоит из песка или суглинка, в которых я не мог найти ни одной гальки величиной с ружейную пулю или с горошину, хотя искал на протяжении нескольких километров вдоль берегового вала. Даже на дне моря у берега мы не извлекли дночерпателем никаких галек. Это обстоятельство, повидимому, указывает на то, что береговой лед с Оби и Енисея не приносится в эту часть Карского моря и не тает здесь. В песчаниках здесь также не было найдено окаменелостей, свойственных Енисейской тундре. Если судить по нашим наблюдениям, полуостров между Обской губой и Карским морем очень существенно отличается от тундры, расположенной к востоку от Енисея.

«Жителей нам не приходилось видеть, но везде по берегу встречалось множество человеческих следов, часто босых ног, а также следы оленей, собак и ненецких саней. За береговым уступом находилось жертвенное место с возложенными грудой 45 медвежьими черепами различного размера, со множеством черепов оленей, нижней челюстью моржа

и т. д. У большей части медвежьих черепов клыки были выломаны, иногда нижняя челюсть совершенно отсутствовала. Некоторые кости заросли мхом и лежали глубоко в земле, другие же, судя по еще оставшемуся на них мясу, были сложены здесь в этом году. Посреди груды были воткнуты в землю четыре деревянных кола. У двух, вышиной в метр, были сделаны наверху зарубки для подвешивания оленьих и медвежьих черепов, частью воткнутых на острие кола или подвешенных на зарубках, частью же нанизанных через четыреугольное отверстие в лобной кости. Два других кола, которые, повидимому, и были изображениями богов этого жертвенного места, были выделаны из пригнанных волнами корней, на которых было сделано несколько надрезов для обозначения глаз, рта и носа. Части колов, представлявшие глаза и рот, были свеже вымазаны кровью, а близ груды костей еще лежали остатки внутренностей только что заколотого оленя. На жертвенном месте находились также остатки костра и куча всяких отбросов, состоявшая из оленьих костей и нижних челюстей медведя.

«Береговые уступы не представляли удобных мест для насиживания яиц кайрами, чистиками, чайками и другими птицами, а вблизи берегов не было островков, на которых гаги и

другие виды гусиных могли бы гнездиться; здесь отсутствовала богатая орнитофауна полярных морей. Но в устьях реки все же кружились большие стаи гаг и морянок, а на песчаных отмелях у берега сновали в поисках пищи стаи Calidris arenaria и пуночек. Тишина тундры нарушалась лишь пением жаворонков и соколиной четой с детенышами (Falco peregrinus). Кроме того, встречались следы оленей, а два капкана, установленные на песчаном берегу, указывали, что песцы попадаются в этих местах в количестве, оправдывающем промысел.

«Позднее вечером, взяв несколько высот солнца для определения географического положения местности, мы снова вернулись на судно и продолжали путь под парусами, причем один раз нам пришлось проходить между материком и льдинами, сидевшими на грунте на глубине 9—16 метров. Ночью мы прошли мимо места, где стояло пять ненецких чумов, вблизи которых паслось множество оленей. Земля стала теперь совершенно низменной, и море значительно обмелело. Поэтому мы взяли курс на северо-запад и в этом направлении быстро вышли на большие глубины. Несмотря на значительное содержание соли в поверхностных слоях воды и высокую ее температуру (+7°.7 С), мы поймали здесь на поверх-

ности моря одну Clio borealis и множество Copepodae».

Описанная поездка и экскурсия Альмквиста с Говгардом, предпринятая в 1878 году с «Лены», — единственные, насколько я знаю, случаи, когда естествоиспытатели посетили северную часть полуострова, отделяющего Карское море от Оби. Даже норвежские зверобои редко посещают эту местность, главным образом потому, что восточное побережье малодоступно из-за мелководья, а удобных стоянок нет. Но все же норвежцы иногда высаживаются на берег, чтобы набрать воды или обменять у ненцев свои запасы табаку, лишних ножей, старых ружей, пороха, свинца и т. д. на продукты оленеводства, охоты и рыбной ловли. Вначале туземцы убегали при виде приближавшихся норвежцев или, если это им не удавалось, выказывали знаки покорности, падая на колени и склоняя голову к земле, но неохотно вступали с ними в торговлю или показывали им свои богатства. Но с тех пор, как ненцы заметили, что норвежцы не делают им зла, недоверие и низкопоклонство совершенно исчезли. Теперь посещения европейцев радостно приветствуются ими потому, что ненцы имеют возможность получить в обмен предметы насущной необходимости или приятные для них товары и украшения, а отчасти, быть

может, потому, что эти посещения вносят разнообразие в жизнь тундры. Когда зверобои плывут мимо низких берегов на веслах или на парусах, туземцы бегут вдоль берега и усердно знаками приглашают чужестранцев высадиться. Если чужеземцы соглашаются и среди ненцев есть люди зажиточные, начинается по ненецкому обычаю пир, во многом напоминающий рассказы из времен младенческого состояния культурных народов. Приведенное мною здесь — почти все, что нам известно про Ямал, и из этого видно, что будущим путешественникам по Енисею открывается широкое, еще нетронутое поле для этнографических и естественно-исторических исследований.

Какова зима при устье Енисея? Об этом у нас в настоящее время нет сведений, так как там еще не зимовал ни один научный работник. Но зато большой интерес представляет рассказ о зимовке финна Нуммелина на Бреховских островах близ устья Енисея под 70°48′ сев. шир.

Я посетил это место 27 августа 1875 года. Летом здесь бывают рыболовы, и благодаря зелени травы и кустарников эта местность производит довольно приятное впечатление.

Дома расположены у пролива между Брехов-скими островами, образующими самую север-ную группу в лабиринте островов, омываемых водами Енисея между 69½ и 71° сев. шир. Сезон рыбной ловли был во время нашего по-сещения уже закончен, и местность пустынна. Но две небольшие избы и множество покину-тых землянок, все в хорошем состоянии, как и множество вытащенных на берег больших ло-док и бадей для засолки рыбы, свидетельство-вали о промысле, которым здесь занимались в более раннюю летнюю пору. В этом именно месте Нуммелин и провел одну из самых тя-желых зим, о которых рассказывает аркти-ческая литература.[196]

В 1876 году М. Сидоров, известный своим живым интересом к мореплаванию по сибир-ским водам, выстроил и снарядил в Енисей-ске судно «Северное сияние», предназначав-шееся для перевозки различных товаров с Ени-сея в Европу. Судном командовал русский шкипер Шваненберг. Нуммелин служил под его начальством штурманом, экипаж состоял из 18 человек, по большей части сибирских ссыль-ных. Вследствие различных неудач судно в первый год достигло только устья Енисея, где и зазимовало. Нуммелин и четверо ссыль-ных остались на судне. Шваненберг с осталь-ными вернулся 28 сентября в Енисейск. Вскоре

начались морозы. В течение двух следующих недель температура держалась около 0°; ясная погода перемежалась со снежной и дождливой.

5 октября Нуммелин с командой начал готовиться к зимовке. Он заранее сложил в кучи запас топлива из плавника, чтобы легче находить дрова под снегом.

16 октября термометр показывал в 8 часов утра —4°.5, потом постепенно опускался с каждым днем, а с 21 октября ртуть в течение нескольких дней держалась на —10°. 26 октября было —18°, но в первых числах ноября температура снова поднялась до —2°. 6 ноября ртуть снова опустилась до —17°, но 11 поднялась до —3°.5. 14 ноября было —23°.5, 21-го —29°.5. На следующий день утром было —32°, а вечером, вероятно, —37°, так как ртуть замерзла и термометр уже не действовал. Эта температура от —30 до —32°, перемежавшаяся с температурами ниже точки замерзания ртути, продержалась до конца ноября, после чего ртуть снова поднялась до —11°.5. 25 декабря снова было —31°, и следующие затем семь дней ртуть оставалась замерзшей, с чем и начался новый год. После этого температура снова поднялась до —20°, но затем так быстро опустилась, что с 16 января ртуть была замерзшей в течение пяти дней. 22 января было —9°. 26-го ртуть снова замерзла, а 29-го

показывала —6°. В течение февраля месяца температура не поднималась выше —24°; ртуть замерзала 20, 25, 26 и 28 февраля. Такое же положение было 1, 3, 6, 7, 14, 16 и 18 марта; 22 марта было —7°, 30-го — 29°. Апрель наступил при —31°, но затем ртуть так сильно поднялась, что 16-го подошла к —11°, после чего колебалась между —21 и —6° (25-го). 2 мая утром и вечером было —12°, в полдень от —2 до —5°. 8 мая было 0°, 17-го —10°.5, 31-го +0°.5. Июнь наступил при +1°.5. 8 июня в полдень было +11°, в тот же день утром и вечером от +2 до +3°. В остальное время июня и в течение июля температура колебалась от +2 до +21°.

При таких условиях жил штурман Нумме-лин со своими четырьмя спутниками в сколоченной из досок избе на Малом Бреховском острове. Как сказано, они поселились в ней 5 октября; 20-го лед был уже так крепок, что по реке можно было ходить; 26-го начались метели, так что нельзя было выйти из дому.

Солнце видели в последний раз 21 ноября, а снова оно показалось 19 января. Температура стояла тогда ниже точки замерзания ртути. С 15 мая солнце больше уже не заходило. Чтобы 19 января мог показаться верхний край солнца, необходимо принять рефракцию почти в 1°. Острова на Енисее низменные, так

что горизонт к югу был, вероятно, довольно открытый.

В конце года обнаружилась цынга. Спутники Нуммелина были уголовно-ссыльные, отбывавшие наказание, и от них нельзя было ожидать ни физической, ни нравственной силы бороться с этой болезнью. Все они погибли: трое от цынги, а один во время попытки перейти с Бреховского острова в зимовье на Толстом Носу. Вместо них Нуммелину удалось достать себе двух человек с Толстого Носа и впоследствии еще одного из Гольчихи.

11 мая с юга пришло подкрепление из трех человек под командой штурмана Мейенвальдта. Сидоров послал их для спасения судна. Для начала нужно было разгрести снег, которым занесло судно. Слой снега на речном льду был в 6 метров, а толщина самого льда 3 метра. Когда судно уже почти совсем откопали, снова поднялась снежная буря и занесла его.

В половине июня тронулся лед, и вода в реке поднялась так высоко, что Нуммелин, Мейенвальдт и четыре человека команды, а также две собаки принуждены были спасаться на крыше избы, куда они перенесли кое-какие запасы пищи и топлива. Тут с постоянной опасностью для жизни провели семь суток.

Вода в реке поднялась уже на 5 метров, крыша избы высилась всего на ¼ метра над

поверхностью воды, и ей каждую минуту грозила опасность быть сорванной плывущей льдиной. Последним средством для спасения в таком случае оставалась маленькая лодка, привязанная к крыше.

Вся местность была затоплена. Остальные избы и землянки снесло водой и льдами, все время угрожавшими единственному уцелевшему строению. На крыше избы Нуммелину и его спутникам день и ночь приходилось работать баграми, отталкивая льдины.

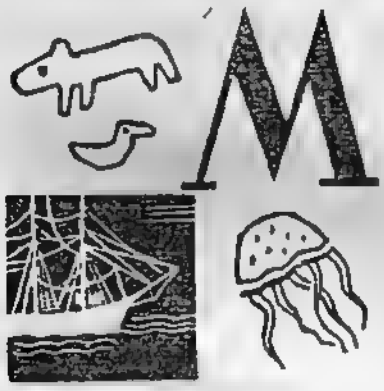
Сильный разлив застал врасплох даже перелетных птиц. На большом пространстве вокруг не находилось сухого места, на котором могли бы отдохнуть эти птицы, и усталые белые куропатки садились на крыше среди людей; раз куропатка села на голову Мейенвальдта, несколько птиц опустились прямо на собак.

23 июня вода начала спадать, а 25-го понизилась настолько, что можно было спуститься с крыши и снова переселиться в опустошенную избу.

Рассказ о возвращении Нуммелина с Шваненбергом морем в Европу будет помещен в одной из следующих глав.

ГЛАВА ПЯТАЯ

История путешествий на северо-восток с 1556 по 1878 год.— Борро, 1556 год — Пит и Джекмэн, 1580 год.— Первое путешествие голландцев 1594 года.— Оливер Брюнель.— Второе путешествие 1595 года.— Третье путешествие 1596 года.— Гудзон, 1608 год.— Гордон, 1611 год — Босман, 1625 год.— Де-ла-Мартиньер, 1653 год.— Фламинг, 1664 год.— Сноббергер, 1675 год.— Роуль достигает суши на севере от Новой Земли.— Вуд и Флоус, 1676 год.— Обмен мнений в Англии относительно состояния льдов в Ледовитом океане.— Показания о достижении высоких северных широт.— Мнения о характере Ледовитого океана продолжают быть различными.— Пайер и Вейпрехт, 1872—1874 годы.



МОРЕ, омывающее на севере берега Европейской России, было названо королем Альфредом [197] Квенским морем (по англо-саксонски Cwen Sea), [198] и название это несомненно имеет историческое право на сохранение. Острова Новая Земля и Вайгач, отделяющие это море от части Ледовитого океана, омывающего берега Сибири, впервые стали известны благодаря путешествию Стефана Борро в 1556 году. Поэтому Борро часто несправедливо припи-

сывают открытие Новой Земли. Когда этот мореплаватель прибыл на Новую Землю, он застал там суда с русскими зверопромышленниками, хорошо знакомыми с морем и со страной. Отсюда явствует, что Новая Земля уже в те времена была настолько известна жителям северной России, что там уже успел развиться оживленный зверобойный промысел. Очень вероятно, что подобно тому, как и крайний север Норвегии уже тысячелетие назад был знаком не только бродячим лапландцам, но и норманнам и квенам, так и страны около Югорского Шара и Вайгача за несколько столетий до путешествия Борро были известны не только кочующим на материке ненцам, но и различным биармийским и финским племенам. Возможно, что и тогда диких кочевников сопровождали торговцы из более культурных племен, живших в северной России. Название Новая Земля указывает, что остров был позднее, после туземцев, открыт русскими, но когда и как — неизвестно.[199]

Описание путешествия Стефана Борро, дошедшее до нас, как и многие другие путешествия, благодаря знаменитым изданиям Гаклюйта, представляет собой не только отчет о первом путешествии западноевропейцев на Новую Землю, но является и главным источником сведений о древнейших русских путе-

шествиях в эти страны. Поэтому я остановлюсь на путешествии Борро несколько дольше, чем на большей части других морских плаваний, о которых я здесь буду говорить.

Само собою понятно, что новые и важные торговые сношения, возникшие в результате открытия Чанслером пути из Англии в Белое море, с воодушевлением приветствовались как в Англии, так и в России и вызвали к жизни множество новых предприятий. Для начала уже в 1555 году в Англии образовалось общество «Merchants adventurers of England, for the discoverie of lands, territornies, isles, dominions and seigniories unknowen», обычно называвшееся «Muscovy Company».[200] Себастьян Кабот, которому было тогда около восьмидесяти лет, был поставлен во главе этой компаний, и правительства как Англии, так и России предоставили этому обществу множество привилегий. Одновременно из Англии в Россию были посланы разными путями торговые уполномоченные, купцы и исследователи для укрепления дружеских отношений с этой страной и для ближайшего ознакомления с новым, по крайней мере для Англии, миром, который теперь открыли на востоке. Но более подробному отчету об этих путешествиях здесь не место. Одним этим в Англии, однако, не удовольствовались. Путешествие Чанслера считали только

первым шагом к более важному и значительному предприятию, а именно к открытию северо-восточного пути в Китай и Индию. В то время как Чанслер через год после своего возвращения был снова послан вместе с разными купцами в Белое море, предполагалось, идя в том же направлении, достигнуть восточных берегов Азии. Для этой цели было снаряжено судно «Searchthrift» и командование им поручено Стефану Борро.[201] Вот важнейшие события во время этого путешествия.

3 мая/23 апреля 1556 года вышли из Ратклифа в Блэкволь и Грейс. Здесь судно посетил Себастьян Кабот с некоторыми знатными вельможами и дамами. Сначала их угощали на корабле, причем гости раздавали щедрые награды морякам и милостыню множеству нищих; затем на берегу был устроен праздник, такой оживленный и веселый, что даже сам престарелый Кабот принял участие в танцах молодежи. В Орвеле Борро покинул свое судно, чтобы, согласно желанию купцов, следовать до Вардехуса на «Edward Bonaventure». В конце мая достигли Нордкапа. Название это дано, как говорят, самим Борро во время его первого путешествия[202] к самой северной оконечности Европы. Не упоминается, когда Борро покинул «Edward Bonaventure» и пересел на свое судно, но 17/7 июня он отвечал с «Searcht-

hrift» на прощальный салют «Edward Bonaventure». 20/10 июня экспедиция достигла Колы, широта которой была определена в 65°48′.[203]

«В четверг, 21/11 июня, в 6 часов утра, к нам подошла одна из русских ладей. Она шла на двадцати веслах, и на борту ее находилось двадцать четыре человека. Шкипер ладьи подарил мне большую ковригу хлеба, шесть колачей, четыре вяленые щуки и меру отличнейшей муки. Я со своей стороны подарил ему гребешок и зеркальце. Он сообщил мне, что местом его назначения была Печора. Затем я ему предложил выпить водки. Имя шкипера было Pheother (Федор).

«В четверг, 28/18 июня, мы снялись с якоря в реке Коле[204] и вышли на 7 и на 8 лиг в море, но сильный северный ветер заставил нас вернуться в ту же реку, в которой мы стояли на якоре. Тут наше судно посетили русские со многих стоявших здесь судов и сообщили нам, что их целью также был север, для боя моржей и ловли лосося. Они обильно снабдили меня своим белым пшеничным хлебом. Во время нашей стоянки в этой реке мы ежедневно видели много ладей, плывших вниз. Команда каждой состояла по меньшей мере из 24 человек. Наконец, количество этих ладей достигло тридцати. На лод-

ках, среди других, находился человек по имени Gabriel (Гавриил), относившийся ко мне очень дружелюбно. Он пояснил мне, что все они собирались итти в Печору для промысла лососей и моржей. Далее Гавриил сказал мне, что до той реки на парусах и при хорошем ветре ходу семь или восемь дней. Я был рад их обществу. Этот Гавриил обещал предупреждать меня о мелях, что он действительно и делал.

«В воскресенье, 1 июля/21 июня, Гавриил подарил мне боченок меду, а один из его друзей — боченок пива, которые несли на плечах по крайней мере на расстоянии 2 английских миль. В понедельник мы, как и все собравшиеся ладьи, покинули устье реки Колы. Пока у нас был попутный ветер, русские ладьи шли гораздо быстрее нас,[205] но, согласно данному слову, Гавриил и его друг часто спускали паруса и ждали нас, отставая от товарищей. Во вторник, к заходу солнца, при ветре с ONO мы достигли мыса Сент-Джон.[206] Надо заметить, что от мыса Сент-Джон до устья реки Мезени повсюду встречаются мели. Фарватер там очень опасен, глубина его едва достигает трех с половиною метров, хотя берегов и не видно. В этот день мы стали на якорь прямо против узкого залива, лежащего в четырех или пяти милях на север от упомянутого мыса. Гавриил

и его спутники прошли в залив на веслах, но мы в него не могли попасть. До вечера в этот залив прибыли при северо-восточном ветре еще 20 парусных судов, и мы стояли на довольно хорошем якорном грунте. Вечером к нам подошел на своей ладье Гавриил, и за то, что он нас сопровождал, пока мы проходили мели, я наградил его двумя хорошими гребнями из слоновой кости, стальным зеркалом и другими безделушками, которые он принял с благодарностью. Между тем, товарищи его уже ушли далее на север. В среду мы отправили к берегу лодку для измерения лотом глубины залива. При малой воде залив почти обсыхал, и все ладьи сидели тогда на грунте (в виду угрожающей погоды Борро решил войти в залив при полной воде, но при этом он сел там на мель, и ему пришли на помощь его русские друзья). Гавриил и его товарищи подплыли на юлах и пытались помочь нам, но старания их не увенчались успехом и они чуть не поплатились за свою услугу жизнью. Я попросил Гавриила одолжить мне свой якорь, так как наши были слишком велики, чтобы их можно было завезти с нашего юла. Он одолжил свой собственный якорь и сам занял еще другой, чтобы и его послать нам».

После больших усилий Борро удалось сняться с мели и отыскать лучшую стоянку по ту сторону мыса Сент-Джон.

«Как только мы бросили якорь (6 июля—26 июня), к нам подошел Гавриил с еще тремя или четырьмя небольшими лодками. Они привезли с собой своей acqua vitae [207] и мед. Они выказали мне много дружелюбия и были рады снова увидеть нас, говоря, что боялись, что мы погибнем. Гавриил сообщил, что им удалось вытащить оба якоря и наш канат. После всех этих хороших вестей я пригласил четверых или пятерых русских в каюту, где предложил им винных ягод и все, что только мог. Во время нашего пиршества к нам на судно пришел человек с другой русской ладьи; он был карел (Кирилл — я потом узнал его имя), а жил он в Холмогорах, тогда как Гавриил был родом из Колы, находящейся недалеко от устья реки.

«Карел сообщил мне, что один из взятых мною заимообразно якорей принадлежит ему. Я поблагодарил его за одолжение, считая это достаточным, так как он не привез с собою подарков, за которые по обычаю следовало бы его угостить. По окончании пиршества русские простились и отправились на берег. Там у Гавриила и карела начались брань и драка; насколько я понимал, причиной было, что одного угостили лучше, чем другого. Гавриил не оказался победителем, так как карельских ладей было 17, а товарищам Гавриила принадлежали

только 2 ладьи. Со следующим приливом Гавриил и его товарищи покинули эти места и пошли на веслах к своим прежним товарищам, у которых было по крайней мере 28 ладей, и все они были из Колы. Карел, повидимому, рассчитывал, что канат, привязанный к его якорю, останется его собственностью. Сначала он не хотел отдавать нам его, но я заявил, что буду жаловаться, после чего он наконец передал канат моим людям. На следующий день, в четверг, я отправил на берег лодку за водой и дровами. На берегу наших матросов самым дружеским образом приветствовал карел. Он угостил их, а люди его наполнили несколько бочек водой и помогли моим людям носить дрова в лодку. Затем карел одел свое лучшее шелковое платье и жемчужное ожерелье, снова посетил наше судно и привез с собой подарок. Несмотря на то что я мало интересовался его персоной, так как видел, что он человек пустой, я все же приветствовал его и ради его подарка угостил его кушаньем из винных ягод. Карел заявил при этом, что отец его видный человек и что он нам может быть гораздо полезнее Гавриила».

Далее Борро описывает бурю, во время которой он потерял юл, купленный в Вардехусе. Буря задержала на некоторое время судно

около мыса Сент-Джон (широта которого была определена в 66°50′). Затем Борро продолжает.

«В четверг (14/4 июля), когда солнце стояло на северо-западе, ветер подул с ONO. Мы подняли якорь и взяли направление на север. За две мили до мыса мы заметили дом, выстроенный в долине. Зрелище это было довольно редкое в этих местах. Вскоре затем мы увидели на вершине холма трех мужчин. Я предположил, что потом и оказалось верным, что это были охотники, приехавшие из других стран для ловли капканом горностая [208] ради его меха. Мы видели множество таких капканов на берегу, вдоль которого плыли».

С 14 по 19 июля нового стиля время провели у берегов близ Канина Носа. 19-го в полдень судно находилось под 68°40′ сев. шир.[209]

«В пятницу, 20/10 июля, снова угрожала буря. Пока я раздумывал, что предпринять, я увидел парусное судно, выходившее из бухты у Канина Носа. Это был мой друг Гавриил, покинувший свою гавань и свою компанию, чтобы быть вблизи нас. Он указал на восток; мы снялись с якоря и последовали за ним. В субботу мы шли на OSO, следуя за Гавриилом, и он привел нас в гавань, называющуюся Morgiovets (Моржовец) и находящуюся в 30 милях от Канина Носа. В это утро Гавриил увидел дым

и направился к нему на юле. Дым поднимался над местом в двух милях от нашей стоянки. Гавриил вернулся обратно с северо-западным ветром и привез с собой самоеда.[210] Это был молодой человек с очень странной для нас наружностью. Самоед подарил мне трех молодых диких гусей и одного стадного (barnacle).»

24/14 июля прошли мимо Долгого острова и на следующий день вошли в устье Печоры, широта которой была определена в 69°10′.[211] 30/20 июля пошли дальше по фарватеру с песчаными балками, покрытыми водой всего на полтора метра, и благодарили судьбу, что судно не сидело глубоко в воде. На следующий день в первый раз встретили льды. 4 августа (25 июля) под 70°20′ сев. шир. произошла ранее уже описанная встреча с огромным китом. В тот же день немного позднее «Searchthrift» бросил якорь в хорошей гавани среди нескольких островов, расположенных под 70°42′ сев. шир.[212] Они были названы Борро островами Ст. Джемс.

«Во вторник, 7 августа/28 июля, мы при северо-западном ветре пошли вдоль берега на запад. Когда я намеревался стать на якорь близ мыса, мы увидели, что к нему подошло парусное судно; я выслал к судну юл. Шкипер судна сказал, что он был с нами в Коле и пояснил, что мы прошли мимо пути, ведущего

в Обь. Эта земля называлась Nova Zemblaë (Новая Земля). Он также сообщил мне многое относительно пути в Обь. Я подарил ему стальное зеркало, две латунные ложки и два ножа с бархатными ножнами. Тогда шкипер стал общительнее и рассказал мне все, что могло быть полезно для нашей цели. Он также подарил мне 17 диких гусей. Звали этого человека Лошаком. В среду, когда мы шли на восток, мы увидели другое парусное судно, принадлежавшее компании Лошака. Мы разговорились со шкипером, и он дал нам также сведения об Оби. В пятницу 10 августа/31 июля ветер стал усиливаться и перешел на запад, в виду чего мы, когда солнце было на северо-западе, бросили якорь между островами Вайгач. Мы увидели две маленькие ладьи. Команда одной из них пришла к нам на судно и поднесла мне большой круглый хлеб. Они сообщили, что все они из Холмогор, за исключением одного, жившего на Печоре и славившегося искусством бить моржей.[213] Некоторые из этих людей были на берегу. Они загнали белого медведя через высокие скалы в море, а потом те, которые были на судне, убили его на наших глазах. В этот же день поднялся сильный ветер, и мы увидели много плывучего льда, почему и не решились выходить в море».

Первые дни августа судно большею частью стояло на якоре в соседстве ладьи Лошака, сообщившего Борро различные сведения о ненцах, жертвенные места которых попадались на берегу.

«В четверг, 14/4 августа, мы искали убежища в гавани, в которой стояла на якоре ладья Лошака,[214] между тем как до этого мы стояли на якоре под защитой островка. Тут Лошак пришел к нам на судно и сказал: «Если будет хорошая погода, я пойду с вами до Оби, так как у этих Вайгачских островов моржи попадаются редко». Но в случае, если бы он не мог дойти до Оби, он хотел направиться до реки Нармезай,[215] на которой население не такое дикое, как самоеды по Оби. Он сказал мне, что эти самоеды, ничего не разбирая, стреляют во всех, кто не говорит на их языке».

15/5 августа к гавани пригнало много плавучих льдов. Это заставило Борро перейти на прежнее место, географическая широта которого была определена в 70°25′. На следующий день, пока Борро брал высоту солнца, Лошак неожиданно покинул гавань, а 19/9 Борро также снялся с якоря и пошел на юг вдоль берега Вайгача. После того как Борро плавал взад и вперед в этих водах и испытал сильную бурю, он 3 сентября/23 августа решил повернуть назад. 21/11 сентября он пришел в Холмогоры, где перезимовал, намереваясь продол-

жать путешествие в Обь в следующем году. Но это плавание не состоялось, так как вместо этого он направился на запад в поисках двух кораблей, сопровождавших Чанслера и пропавших без вести на обратном пути из Архангельска.[216]

Из этого описания путешествия видно, что уже в середине XVI столетия между Белым морем, Печорой, Вайгачом и Новой Землей существовало довольно развитое русское или русско-финское мореходство, причем в то же время ходили на судах и до Оби. Сделанное Борро описание русских или русско-финских промышленников указывает, между прочим, на то, что они были смелыми и способными моряками и обладали для своего времени довольно хорошими судами, скорость которых при попутном ветре превосходила скорость английских судов. Описание это, с очень немногими изменениями, можно было бы применить к современному состоянию мореходства в этих странах, которое продолжает стоять на одном и том же уровне, прежде высоком, но низком для нашего времени. Вообще получается впечатление, что благосостояние этих стран за последние три столетия скорее ушло назад, чем вперед.

Если судить по письму русской торговой компании, основанной в Лондоне, Стефан

Борро направился в 1557 году из Холмогор не к Оби, а к берегам русской Лапландии, на поиски пропавших кораблей по собственному побуждению.[217] Следующие затем годы англичане были так заняты установлением торговых сношений с Россией и снаряжением трех экспедиций Фробишера на северо-запад, что прошло много времени, пока была сделана новая попытка проникнуть на северо-восток. Это новое путешествие было предпринято Артуром Питом в 1580 году.[218] Он первый проник из Западной Европы в Карское море и этим значительно способствовал разрешению вопроса о северо-восточном морском пути в Тихий океан. Вследствие этого здесь необходимо вкратце коснуться его путешествия.

Пит и Джекмэн, первый на «George», второй на «William», вышли из Гарвича 9 июня/30 мая 1580 года. 2 июля/22 июня они обогнули Нордкап на «Верове острове, или Вайгаче». 15/5 июля показалась земля, после того как накануне «Георг» находился под 71°38′ сев. шир. Следовательно, пришли к Гусиной Земле на западном побережье Новой Земли. Отсюда взяли курс на OSO и 16/6 июля встретили льды. 20/10 июля опять показалась земля, и судно стало на якорь перед островом, повидимому, принадлежащим к группе островов в Карских Воротах; тут приняли дрова и воду.

24/14 июля подошли к земле под 70°26′. Сначала Пит полагал, что земля эта — остров и попробовал обогнуть ее в северо-западном направлении, но когда это не удалось, он решил, что это Новая Земля. Отсюда он шел различными курсами между юго-западом и юго-востоком и 26/16 был на 69°40′ сев. шир. На следующий день была гроза и сильный ливень. Пит решил, что находится в Печорском заливе, и когда он 28/18 июля увидел на северо-востоке мыс, он, повидимому, вошел между этим мысом и Зеленецкими островами в большую бухту к востоку от Медынского Заворота.[219] Тут стали лотом измерять глубину в предположении, что пролив между островом Вайгач и материком оканчивается в этом месте, но фарватер оказался чересчур мелким, даже для обыкновенной лодки. Тогда Пит прошел мимо Югорского Шара вдоль берегов Вайгача по направлению к Новой Земле до бухты на западном берегу Вайгача, где он стал на якорь между двумя островками, принятыми за «Воронский остров». Вход в эту прекрасную гавань был обозначен стоявшими по обе стороны двумя крестами.[220] На островках было найдено много плавника, а на одном островке увидели крест на могиле. Пит написал на кресте свое имя, а также на камне у подножия креста, чтобы Джекмэн, если он придет сюда, узнал,

что тут был Пит. Вечером снялись с якоря, обогнули западную оконечность острова Вайгач и продолжали путь, все время следуя вдоль берега острова, сначала на север и северо-восток, потом на юг, между ледяным полем и землей, пока лед не подошел к берегу так близко, что проход для судна оказался закрытым. Тогда стали на якорь в хорошей гавани у острова, расположенного вблизи материка, к востоку от Вайгача. Возможно, что это был остров, называющийся на новейших картах Местным. Таким образом Пит находился теперь в самом Карском море.[221] Если показанная широта 69°14′ верна, то Пит зашел довольно далеко вглубь Карской губы. Тут Пит встретил своего спутника Джекмэна, с которым разлучился у берегов Кольского полуострова и относительно дальнейшего плавания которого не имел никаких сведений. К тому времени, когда корабли встретились, они оба были уже повреждены льдами. Так как, кроме того, дальнейший путь на север и на восток был закрыт сплоченными льдами, капитаны, посоветовавшись со штурманами, решили повернуть назад. Но и на обратном пути были встречены затруднения со стороны льдов, пока 25/15 августа под 69°49′ сев. шир., у юго-восточной оконечности Вайгача, не вышли в свободное от льдов море. Обратный

путь шел мимо восточного берега острова Вайгач через Карские Ворота, которые были пройдены 27/17 августа. Отсюда взяли курс на остров Колгуев, где оба судна сели на мель, с которой им вскоре удалось сняться. Географическая широта этих песчаных банок была определена верно: 68°48′ сев. шир.

1 сентября/22 августа «William» снова потеряли из виду.[222] 8 сентября/29 августа «George» бросил якорь в Танафиорде, на берегу которого стоял город Hungon.[223] Два дня спустя «Георг» миновал Нордкап, а 5 ноября/26 октября стал на якорь в Ратклифе.

Пит и Джекмэн были первыми путешественниками на северо-восток, дерзнувшими серьезно войти в дрейфующие льды. Они вели суда разумно и осторожно, и в истории мореплавания им принадлежит честь быть капитанами первых кораблей, проникших из Западной Европы в Карское море. Поэтому Барроу несправедливо называет их плохими моряками.[224] После путешествия Пита и Джекмэна наступил продолжительный перерыв в предпринимавшихся англичанами попытках открыть северо-восточный проход. Но зато вопросом этим очень энергично занялись в Голландии. Вследствие счастливого исхода освободительной войны с Испанией и пробуждения предприимчивости, неразрывной с гражданской свободой, Голландия,

уже и до этого крупная промышленная и торговая страна, к концу XVII века начала также приобретать значение первостепенной морской державы. Однако плавания в Индию, в Китай были недоступны как для голландцев, так и для англичан, вследствие перевеса морских сил Испании и Португалии и стремления этих стран сохранить за собой монопольные права на открытые ими торговые пути. Чтобы оказаться участниками огромных прибылей, которые давала торговля пряностями и шелковыми тканями, было необходимо найти новый морской путь в восточные моря вокруг севера Азии или Америки. Было ясно, что если бы такой путь был найден, положение Голландии стало бы особенно благоприятным для этих выгодных торговых сношений.

В этом обстоятельстве и нужно искать причину того воодушевления, с которым в Голландии приветствовали первое предложение проникнуть в Китай или Японию морским путем, мимо северного побережья Азии. Три года подряд снаряжали для этой цели с огромными затратами экспедиции, которые, конечно, не достигли своей цели — открытия северо-восточного морского пути в восточную Азию, но все же заслужили важное место в истории географических открытий и сторицей вознаградили произведенные затраты, частью непосред-

ственно, положив начало такому выгодному для Голландии промыслу, как китобойный, частью же подняв народный дух и национальную гордость. Подвиги голландцев среди льдов и снегов полярных стран сравнивались на родине с походом аргонавтов, с переходом Аннибала через Альпы и с походами македонян в Азиатскую и Ливийскую пустыни.[225] Так как эти морские путешествия голландцев являются в высшей степени важными попытками к разрешению той же задачи, которая стоит и перед экспедицией «Веги», то я сообщу о них несколько подробнее.

Первое путешествие голландцев в 1594 году. Экспедиция эта была снаряжена на частные средства, главным образом купцов Бальтасара Мушерона, Якова Фальке и Франциска Мельсона. Сначала предполагали отправить только два корабля, с заданием проникнуть на восток через пролив у Вайгача, но после представления знаменитого географа Планциуса, что путь вокруг северной оконечности Новой Земли является наиболее надежным, снарядили еще два судна; таким образом в 1594 году отправились на север с целями открытий четыре корабля. Из них два судна, а именно самое большое и, повидимому, особенно приспособленное для плавания в северных водах, называвшееся «Меркурий» и нахо-

дившееся под командой Виллема Баренца,[226] и обыкновенная рыболовная шлюпка должны были направиться вокруг Новой Земли. Остальные два — «Лебедь» из Зеландии под командой Корнелиса Най и «Меркурий» из Энкхейзена под командой Бранта Тетгалеса—должны были проникнуть через пролив у острова Вайгач.

Все четыре корабля покинули Тексель 15/5 июня и восемнадцать дней спустя пришли к острову Кильдин, в русской Лапландии; место это в те времена часто служило исходным пунктом для судов, направлявшихся в Белое море. Тут экспедиция разделилась на две части.

Баренц пошел к Новой Земле, которой достиг 14/4 июля под 73°25′ сев. шир.; широта была определена измерением полуночной высоты солнца у острова, который назвали в честь Баренца островом Виллема. Далее пошли вдоль берега на север и уже через два дня достигли 75°54′ сев. шир. 19/9 июля была очень удачная охота на белого медведя. Зверя увидели на берегу и прострелили пулей, но, несмотря на это, медведь бросился в воду и поплыл с такой силой, которая «превосходила все, что слышали про львов и других диких зверей». Его преследовали на лодке и в надежде привезти его живым в Голландию бросили ему на шею аркан. Но когда медведь почувствовал, что

пойман, «он зарычал и метался с такой силой, что трудно описать это словами». Чтобы обессилить его, линь отпустили подлиннее, продолжая потихоньку грести, а Баренц по временам бил медведя канатом. Разъяренный ударами медведь подплыл к лодке и ухватился за нее одной из передних лап, причем Баренц сказал: «он хочет немножко отдохнуть». Но у медведя было другое намерение, так как он с такой силой кинулся в лодку, что влез в нее сразу на полтуловища. Моряки испугались и бросились в носовую часть лодки; они думали, что настал их последний час. К счастью, медведь не мог влезть в лодку, так как петля, накинутая ему на шею, зацепилась за корму. Более смелый из моряков прошел тогда на корму и убил медведя ударом топора. Шкуру отправили в Амстердам. В память этого приключения место было названо «Медвежий мыс».

Затем Баренц поплыл дальше на север и северо-восток мимо местностей, которые он назвал Cruys Eylandt (Крестовый остров)[227] и мыс Нассау (названия, сохранившиеся на позднейших картах), и 23/13 июля достиг 77°55′ сев. шир. Отсюда с верхушек мачты увидели беспредельное ледяное поле, заставившее Баренца повернуть. Он все же оставался в этих северных широтах до 8 августа/29 июля в ожидании

благоприятной перемены в состоянии льдов. В этот день находились под 77°, к западу от мыса, названного Ледяным. Тут на берегу нашли несколько сверкавших, как золото, камней. Подобные находки играли не последнюю роль в истории полярных путешествий, и не раз привозился на родину груз из не имевшей никакой цены руды.

10 августа/31 июля, когда мореплаватели проходили среди Оранских островов, они увидели на берегу 200 моржей. Моряки напали на них, вооружившись топорами и копьями, но не могли убить ни одного. Вся добыча состояла из нескольких моржовых бивней, привезенных моряками на родину.

Убежденный в том, что этим северным путем он не дойдет до намеченной цели, Баренц после совещания с командой корабля решил повернуть на юг к острову Вайгач. Во время этого обратного пути, когда мореплаватели были на 71° сев. шир., Баренц пришел к заключению, что именно в этой местности когда-то побывал Оливер Брюнель,[228] назвавший ее Castinsark, очевидно, современный Костин Шар— русское название для пролива, отделяющего Междушарский остров от главного острова Новой Земли. Следует, однако, заметить, что на древних картах Маточкин Шар часто называется по ошибке Костин Шар.

К югу от залива Лаврентия[229], под 70°¾, Баренц нашел 21/11 августа поставленный на мысу крест, по соседству с ним три деревянных дома, корпус покинутого русского судна, несколько мешков муки и несколько могил. Все это указывало на посещение этих мест русскими для ловли гольца. 25/15 августа Баренц прибыл к Долгому острову, где встретился с двумя другими, незадолго до него подошедшими кораблями из Зеландии и Энкхейзена. Все четыре судна отправились отсюда назад в Голландию, куда прибыли в средине сентября. Сообщение об этом путешествии заканчивается рассказом о том, что Баренц привез с собой в Амстердам моржа, убитого среди пловучих льдов. Во время этого путешествия Баренц открыл и исследовал северную часть Новой Земли, никогда еще не посещавшуюся западноевропейскими мореплавателями.

Два других судна, одновременно с Баренцом покинувшие Тексель, также совершили замечательное путешествие, судя по описанию много путешествовавшего выдающегося мореплавателя Яна ван-Линшотена.[230]

На судах было по пятидесяти человек команды, среди них два толмача, славянин Христофель Шплиндлер и голландский торговец, долго живший в России Фр. де-ла-Даль. Съестных припасов было взято только на восемь ме-

сяцев. Сначала Баренца сопровождали до острова Кильдина Най и Тетгалес. Остров этот изображен и довольно подробно описан в труде Линшотена.

12/2 июля Най и Тетгалес направились далее к острову Вайгач. Три дня спустя они встретили много плавучих льдов. 20/10 пришли к Токсару; на карте Линшотена так называется островок у Тиманского берега, к западу от входа в Печору. Здесь они встретили русскую ладью, шкипер которой сообщил, что Вайгачский пролив [231] всегда покрыт льдом и что по ту сторону его находится море, расположенное южнее Ледовитого океана и более теплое, чем этот океан. Некоторые другие русские говорили на следующий день, что вполне можно было бы пройти через Вайгачский пролив, если бы не киты и моржи, уничтожающие все суда, пытающиеся проникнуть в эти воды, что множество скал и рифов затрудняют проход судна и, наконец, что по приказанию великого князя было отправлено три корабля, которые должны были пытаться пройти через пролив, но что все они были раздавлены льдами.

22/12 июля на Токсар прибыли с Белого моря зверобои, говорившие на другом языке, чем русские, и принадлежавшие к другому племени, — это были, вероятно, финны или карелы. В гавани попадалось множество китов, что

Линшотену дало повод вывести заключение, что китобойный промысел тут представлял большие выгоды. Когда льды рассеялись и на берегу был поставлен крест с объяснительной надписью, отправились дальше. 31/21 июля показался Вайгач. На берег высадились на мысу, выделявшемся двумя поставленными на нем крестами. Там встретили туземца, одетого, приблизительно, как лопарь из Кильдина; он тотчас же обратился в бегство. Далее посетили еще другие мысы, на которых стояли кресты, посетили и места, где сотнями находили идолов. Линшотен побывал и на том мысу с идолами, который и мы видели во время путешествия «Веги». Там было найдено от трехсот до четырехсот деревянных идолов, которые, судя по описанию Линшотена, были совершенно схожи с виденными нами. Эти идолы, по словам Линшотена, были так плохо сделаны, что едва можно было догадаться, что они должны изображать людей. Лицо было очень широкое, нос сильно выдавался, на месте глаз находились две дыры, третья дыра изображала рот. Пять, шесть и семь лиц были часто вырезаны на одной и той же палке, что, «вероятно, изображало одну семью». Там также было найдено много русских крестов. Несколько дней спустя голландцы нашли на южном берегу пролива маленькую лачугу, полную идолов, гораздо

лучше сделанных, чем предыдущие, с металлическими глазами и сосцами.

Пока голландцы были заняты рассматриванием этого собрания идолов, подъехала оленья нарта, в которой сидел вооружённый луком туземец. Увидев незнакомцев, ненец принялся громко кричать, и вскоре из долины выехало до 30 других туземцев, которые хотели окружить голландцев. Путешественники поспешно бежали к своей лодке, и когда они покинули берег, ненцы пускали им вслед стрелы. Этот бескровный бой был, насколько известно, единственным враждебным столкновением между туземцами и мореплавателями, направлявшимися на северо-восток. Таким образом, совесть этих последних свободна от кровавого преступления, тяготеющего на большинстве из путешественников, отправлявшихся в XV и XVI веках с целями открытий в южные страны.

Несколько дней спустя, 10 августа, произошла дружественная встреча с ненцами, сообщившими голландцам некоторые совершенно правильные сведения о суше и море, например: «через десять или двенадцать дней более уже не встретится льдов; лето еще продолжится шесть или семь недель». После того как голландцы извлекли все, что могли, из этих «варваров, имевших больше искусства в стрельбе из лука, чем в мореплавании, и ко-

торые гораздо лучше могли рассказать о своем зверобойном промысле, чем о фарватере», голландцы распростились с ними. Один из моряков затрубил при этом в рог, и дикари так испугались, что стали спасаться бегством, но, узнав, что звук рога был только выражением дружбы, они снова вернулись на берег и с обнаженной головой и скрещенными руками кланялись отъезжавшим до земли.

11/1 августа голландцы, полные надежд, вступили в Карское море или, как они его называли, в «Северный татарский океан». Но тут вскоре встретились льды, заставившие их 13/3 августа искать убежища у Местного острова (Staten Eiland). Здесь нашли горный хрусталь, во всем, кроме твердости, схожий с алмазом. Это неполное совпадение свойств приписали действию холода. На острове были также жертвенные холмы и идолы, но не встречалось ни жилых строений, ни леса.

Продолжая путь, Най и Тетгалес вышли в обширное открытое море, и 20/10 августа они решили, что находятся против устья Оби. Два главных рукава дельты этой реки были названы в честь кораблей экспедиции «Лебедь» и «Меркурий», но названия эти были скоро забыты. Ясно, что река, которую голландцы приняли за Обь, была Кара, а рукава

Ян Гюйген ван-Линшотен, родился в 1563 году в Гаарлеме, скончался в 1611 году в Энкгуйцене. (С портрета, помещенного в его сочинении: Navigatio in Orientalem sive Lusitanorum Indiam. Hagae Comitis, 1599.)

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н.

«Лебедь» и «Меркурий» — незначительные береговые речки, впадающие в Карское море.

21/11 августа решили возвращаться на родину, считая доказанным, что с достигнутого кораблями места легко можно обогнуть «Promontorium Tabin» и северо-восточным путем пройти в Китай. Появилось множество китов, которые на полтуловища поднимались над водой и пускали из ноздрей фонтаны. Это было принято за несомненное доказательство близости обширного океана.

24/14 августа Най и Тетгалес снова прошли через Югорский Шар (Fretum Nassovicum), и когда на следующий день у трех небольших островов, названных Маврикий, Ораний и Новый Вальхерен, встретили Баренца, они все вместе направились назад в Голландию в полном убеждении, что вопрос о возможности прохода в Китай северо-восточным путем теперь разрешен. Конечно, уже на следующий год было доказано, что это предположение строилось на слишком зыбкой почве, но путешествие Ная и Тетгалеса заслуживает, во всяком случае, почетного места в истории мореплавания. Оно значительно обогатило знания о северных странах открытием Югорского Шара или, по крайней мере, первым прохождением через этот пролив. Как и Баренц, Най и Тетгалес заслуживают похвалы за му-

жество и добросовестность, с которыми стремились к выполнению возложенной на них задачи.

Второе путешествие голландцев в 1595 году.[232] После возвращения из первого путешествия мореплавателями был представлен отчет о сделанных открытиях принцу Морицу Оранскому, «адвокату» Голландии Яну ван-Ольденбарневельту и другим влиятельным лицам страны. Все они так были убеждены этим отчетом, что морской путь в Китай действительно открыт, что было принято решение отправить через год флотилию из 7 кораблей— 2 из Амстердама, 2 из Зеландии, 2 из Энкхейзена и 1 из Роттердама — с поручением начать новые торговые сношения с Дальним Востоком.

Начальниками судов были назначены Корнелий Най (адмирал), Брандт Тетгалес (контр-адмирал), Баренц, Ламберт Герритсон Оом, Томас Виллемсон, Герман Янсен и Генрик Гартман. Комиссарами были Линшотен, Яков Гемскерк, Франсуа де-ла-Даль, Ян Корнелисон Рийп и Н. Бюйс. Шесть кораблей были нагружены товарами и деньгами; седьмой должен был вернуться на родину с извещением, когда флот пройдет через Вайгачский пролив. Но большие приготовления заняли столько времени, что в путь можно было отправиться

только 12 июля. 22/12 августа показался Кегор на Рыбачьем полуострове, и только 29/19 августа флот подошел к проливу между Вайгачом и материком. Пролив загромождали льды.

3 сентября/24 августа встретили несколько русских, сообщивших, что зима была очень сурова, но что лед в скором времени исчезнет и что лето продолжится еще семь недель. Они рассказывали также, что «земля к северу, называвшаяся «Вайгац», была островом, отделенным на севере от Новой Земли; что остров этот летом посещается туземцами, которые зимой уходят обратно на материк; что русские корабли, нагруженные товарами, ежегодно проходят через Вайгачский пролив мимо Оби к реке Gillissy (Енисей), где и зимуют», и т. д.

10 сентября/31 августа к югу от Вайгачского пролива встретили ненцев. Их «король» принял голландцев в высшей степени гостеприимно и дружественно и сообщил, что через три или четыре недели начнутся холода, что плавучие льды в некоторые годы вовсе не исчезают; что в зимнее время замерзает весь пролив вместе с заливами и бухтами, но что море по обе стороны пролива не замерзает; что за устьем реки Оби находятся устья еще двух других рек, из которых самая дальняя называется «Molconsay», 233 ближайшая же,

часто посещавшаяся русскими торговыми судами, — «Gillissy»; что материк за Обью выдается в море и оканчивается мысом, обращенным к Новой Земле; что люди их племени жили там круглый год и что за этим мысом находится огромное море, тянущееся вдоль берегов Татарии до теплых стран.[234]

Войдя в Карское море, встретили много льдов, почему и принуждены были стать на якорь у Местного острова, на котором во время первого путешествия был найден горный хрусталь. Тут, как я уже раньше описывал, были заедены медведем двое голландцев. Удрученные этим несчастным случаем и опасаясь в такое позднее время года подвергать корабли, нагруженные ценными товарами, опасности от большого количества плавающих в Карском море льдов, командиры решили возвратиться в Голландию, куда и прибыли без дальнейших приключений, пройдя через Вайгачский пролив 25/15 сентября.

Новых материалов для познания земного шара экспедиция эта не дала. Но при наших современных сведениях о ледовых условиях Карского моря с уверенностью можно утверждать, что как в первое, так и во второе путешествие голландцев перед ними был открытый путь до Оби и Енисея. Если бы они воспользовались этим путем и продолжили

плавание, пока не дошли бы до населенных местностей по течению одной из этих рек, то между Азией и Европой уже в начале XVII столетия установились бы значительные торговые сношения.

Третье путешествие голландцев в 1596—1597 году.[235] После неудачного исхода экспедиции 1595 года, снаряженной с такими большими расходами и не оправдавшей надежд, Генеральные штаты не решались больше на затраты для третьего морского путешествия, но все же назначили высокую премию отдельному штату или купцам, которые на свой счет снарядят корабль, чтобы проникнуть в Китай вдоль северного побережья Азии.[236] Поощряемые этим, купцы Амстердама снарядили два корабля; команда одного из них была поручена Виллему Баренцу и Якову ван-Гемскерку, другого — Яну Рийпу. Экипаж подбирался тщательно, причем предпочтение отдавалось холостым, чтобы мысли о жене и детях не связывали отваги участников экспедиции и не заставили бы их преждевременно вернуться домой.

20/10 мая оба судна покинули Амстердам. 14/4 июля, находясь в 71° сев. шир., увидели несколько прекрасных ложных солнц, изображения которых помещены в труде Де-Фера и в Blavii Atlas major.

15/5 июня один из находившихся на палубе моряков закричал, что видит белых лебедей, оказавшихся, однако, при ближайшем рассмотрении большими льдинами, плававшими у кромки льда.[237] 19/9 июня они открыли к северу от Нордкапа новый остров, расположенный под 74°30′ сев. шир. Там убили большого медведя, в память чего этот остров и получил название Медвежьего. 29/19 июня достигли под 80° сев. шир. неизвестной земли; думали, что она сообщается с Гренландией. На самом же деле это была большая группа островов, получившая впоследствии название Шпицбергена. На маленьком островке нашли яйца стадного гуся (Anser bernicla). Птицы эти ежегодно прилетают в Голландию большими стаями, но до тех пор еще не было известно, где они высиживают яйца. По этому поводу Де-Фер говорит, что наконец доказано, что эти гуси не размножаются в Шотландии, как это думали раньше. Размножение этих гусей представляли себе до плавания голландцев следующим образом: самка кладет яйца, сидя на ветвях деревьев, склоняющихся над водой, яйцо, падая, разбивается об воду, и вылупившийся птенец тотчас же начинает плавать.

После напрасных попыток обогнуть Шпицберген с севера суда повернули и направились вдоль западного побережья к югу[238] и

11/1 июля снова пришли к Медвежьему острову. Здесь корабли расстались; Баренц направился на восток к Новой Земле, Рийп же на север, к восточному побережью Шпицбергена. 27/17 июля Баренц достиг западного берега Новой Земли под 73°20′ сев. шир. 30/20 июля дальнейшему продвижению воспрепятствовали льды, подходившие к самому берегу. Здесь произошло множество приключений с медведями, которые все окончились, однако, благополучно. Ледовая обстановка затрудняла быстрое продвижение вперед, так что Оранских островов достигли только 25/15 августа. На следующий день несколько человек из команды поднялись на высокую гору, откуда по другую сторону острова увидели свободное от льдов море. При виде открытого моря матросы обрадовались не меньше, чем десять тысяч воинов Ксенофонта, и побежали обратно к судну сообщить Баренцу важную новость. Баренц принял все меры, чтобы обогнуть северную оконечность Новой Земли. Усилия его увенчались успехом, и 31/21 после больших затруднений экспедиция пришла в гавань, расположенную приблизительно под 76° сев. шир.; но все дальнейшие попытки пройти отсюда на восток были напрасны. Наконец, 4 сентября Баренц решил возвращаться в Голландию.

Но было уже поздно. Выход из гавани был заперт пловучими льдами, находившимися в непрерывном движении. Судно несколько раз выпирало льдом кверху и в конце концов совершенно сломало руль. Стало ясно, что придется перезимовать, и с этой целью на берег начали переносить оружие, домашнюю утварь и съестные припасы, а для ознакомления с окружающей местностью отправили несколько человек из команды. Напали на оленьи следы и, что было важнее, на берегу нашли большие стволы деревьев с корнями и другое топливо, занесенное морскими течениями в эту совершенно безлесную местность. Плавник сложили в большие кучи, чтобы его не погребло зимой под снегом. Выбрали место для дома и стали перетаскивать строительный материал. Отверстия между пловучими льдами затянулись 25/15 сентября ледяной коркой толщиной в 5 сантиметров, но 5 октября льды снова немного разошлись, что не принесло, однако, пользы затертому судну, под килем которого лед доходил до самого дна, так что оно уже не могло высвободиться. Почти ежедневно охотились на медведей, которые были очень смелы и часто подходили к самому борту судна. 15/5 октября весь пловучий лед унесло так далеко, как только можно было охватить глазом, но судно продолжало стоять непо-

движно, припаянное к неподвижному льду. Дрейфующий в море лед снова сомкнулся, но в дальнейшем опять расходился то в большем, то в меньшем расстоянии от берега. Еще 4 марта/22 февраля с берега видно было много открытой воды, то же наблюдалось и 16 марта, а 18/8 того же месяца море в одном направлении оказалось совершенно свободным от льдов.

31/21 октября команда начала переселяться в дом, где и провела зиму 1596/97 года, испытывая множество страданий, опасностей, затруднений и лишений, описанных в сочинении Де-Фера. Команда никогда не теряла присутствия духа, что, несомненно, и было главной причиной спасения большинства людей. Дом был построен на северо-восточном берегу Новой Земли, в бухте, названной Баренцом Ледяной гаванью. Зимовка Баренца находилась значительно севернее всяких других мест, служивших ранее для зимнего пребывания. Страна и фауна ее были неизвестны, а ледяной покров моря, плотно смерзшийся, твердый почти как камень, и в то же время находящийся в движении, представлял совершенно новое зрелище. Неизвестно было мореплавателям, заброшенным на далекий север, и действие, которое на все живые и неодушевленные предметы производят продолжительные

суровые морозы. До этого испытания не знали, может ли человек перенести жестокий холод Крайнего Севера и долгую полярную ночь, продолжающуюся от трех до четырех месяцев. Отвага, находчивость и мужество голландских полярных мореплавателей возбудили удивление всех культурных народов, и рассказ об их зимовке вызвал необыкновенный интерес и стал предметом бесчисленных описаний и переработок, написанных прозой и поэзией на языках всех образованных народов. Поэтому здесь необходимо привести хотя бы некоторые данные из дневника этой зимовки.

14/4 ноября солнце скрылось, но снова показалось 3 февраля. Над этими показаниями ломали себе голову ученые, так как под 76° сев. шир. верхний край солнца должен был исчезнуть, как только южное склонение солнца осенью превысило 13°, [239] иными словами, солнце должно было в последний раз показаться в Ледяной гавани 27/17 октября и снова появиться 14/4 февраля. Полагали, что это разногласие между показаниями мореплавателей и научными соображениями было вызвано ошибкой в счете дней, но это единогласно оспаривалось командой зимовки. [240] Медведи исчезли и вернулись с солнцем. Вместо них к хижине в зимние ночи подходили песцы, которых во множестве ловили для еды.

Их часто заставали даже на крыше хижины. Чтобы скоротать время и поддерживать в людях бодрость, иногда устраивали пирушки, на которых недостаток угощения восполнялся веселым настроением. После возвращения солнца медведи снова стали подходить к месту зимовки очень близко, так что у зимовщиков с ними было множество охотничьих приключений, которые, однако, все кончились благополучно. Несколько медведей устроились по-домашнему на покинутом экипажем судне, раскидали все вещи и разломали кухонный люк, засыпанный глубоким снегом. Поев медвежьей печени, многие тяжело заболели, и после выздоровления у них на всем теле лупилась кожа. Когда однажды во время сильного мороза попробовали топить хижину каменным углем, все угорели и едва не умерли. Временами, например 25/15 февраля, перед входом в хижину наваливало столько снега, что приходилось вылезать через дымовую трубу. Ради здоровья часто принимали паровую ванну в бочке.

7 мая/27 апреля увидели первую птичку. 25/15 мая Баренц заявил, что если корабль не освободится от льдов в течение этого месяца, придется возвращаться назад в лодках, которые в виду этого немедленно привели в порядок. Но работа эта была сопряжена с огром-

ными трудностями, так как в течение зимы большинство команды сильно ослабело, главным образом от цынги. Когда лодки были окончательно готовы и их в достаточном количестве нагрузили съестными припасами. 23/13 июня наконец отправились в обратный путь.

6 февраля/27 января умер один матрос. Уже в начале плавания Баренц был сильно болен, а на седьмой день пути, 30/20 июня 1597 года, он скончался на ледяном поле, на котором команде пришлось сделать привал из-за дрейфующих льдов, теснивших лодку. В тот же день умер еще один человек из команды, а 15/5 июля другой.

7 августа/28 июля возвращавшиеся на родину голландцы встретили около залива Лаврентия два судна с русскими зверопромышленниками; оказалось, что это были прошлогодние знакомые, встретившие теперь голландских моряков очень дружественно и соболезновавшие им. Голландцы, тем не менее, продолжали путь в своих открытых лодках и все добрались здоровыми и бодрыми до Колы, где местные жители устроили им праздничную встречу. Еще бо́льшую радость доставила здесь морякам встреча с Яном Рийпом, с которым расстались год назад у Медвежьего острова. Относительно путешествия Яна Рийпа известно только то, что он тщетно пытался

проникнуть на север вдоль восточного побережья Шпицбергена и что он в ту же осень вернулся на родину. Оставив в гостином дворе[241] в Коле в виде памятника обе лодки, на которых спутники Баренца с такими опасностями и трудностями прошли от места зимовки до Русской Лапландии (таким образом первый памятник полярному путешествию был воздвигнут в Коле!), мореплаватели вернулись на судне Рийпа в Голландию, куда прибыли 8 ноября/29 октября. Вместе с Баренцом Голландию покинули шестнадцать человек, вернулись же на родину целыми и невредимыми двенадцать, и среди них был Яков ван-Гемскерк, человек, игравший в течение всего путешествия выдающуюся роль и затем проживший достаточно долго, чтобы быть свидетелем того времени, когда голландцы уже могли соперничать на море с испанцами. Он был предводителем голландского флота, разбившего 25 апреля 1607 года наголову испанскую армаду под Гибралтаром.

Во время третьего путешествия Баренца были открыты острова Медвежий и Шпицберген, и путешествие это впервые дало возможность познакомиться с зимней природой дальнего севера. Неудачный исход отправлявшихся

из Голландии морских экспедиций прекратил дальнейшие попытки к открытию северо-восточного торгового пути в Китай и Японию; кроме того, путь этот стал менее нужен с тех пор, как Хутман вернулся с первым голландским морским отрядом из Ост-Индии в тот самый год, когда спутники Баренца возвратились из своей зимовки. Только в текущем столетии стали снова серьезно думать об открытии северо-восточного пути, хотя со времени третьей голландской экспедиции и до наших дней мысль эта и не была забыта.

Желание распространить торговлю в Белом море до Сибири и зависть к компаниям, сумевшим овладеть прибыльной торговлей с восточной Азией, время от времени побуждали в XVII столетии купцов снаряжать корабли и пытаться проникнуть по ту сторону Новой Земли. Я ограничусь здесь перечислением важнейших предприятий такого рода, а также необходимыми литературными указаниями.

1608 год. Генри Гудзон во время своего второго путешествия высаживался на Новой Земле (около Кармакульского залива и в других местах), но в своей попытке проникнуть на восток севернее этого острова потерпел неудачу. Экспедиция эта была снаряжена английскими купцами. Отчет о ней имеется у Purchas (III, стр. 574), а замечательное кри-

тическое сопоставление всех подлинных документов, относящихся к жизни Гудзона и его путешествиям, — у C. M. Asher, Henry Hudson the Navigator, London, 1860 (Works issued by the Hakluyt Society, No 26). На западе Атлантического океана Гудзон заслужил лавры и выдающееся место в истории мореплавания, а самый океан стал его могилой. На востоке же он проник не дальше своих предшественников. Поэтому я и не имею возможности задерживаться здесь на его путешествии к Новой Земле, а упомяну лишь, что двое людей из его команды утром 25/15 июля 1608 года под 75° сев. шир. увидели русалку. В дневнике об этом событии значится следующее.

«Сегодня утром один из матросов, наклонившись над бортом, увидел русалку. На зов его прибежал наверх еще один матрос. Русалка была у самого борта судна и серьезно смотрела на мужчин. Сейчас же вслед за тем ее опрокинуло волной. Спина и грудь у нее были, как у женщины. Тело ее было таких же размеров, как человеческое, кожа очень белая, и вдоль спины спускались длинные черные волосы. Когда она нырнула в воду, они увидели ее хвост, похожий на хвост дельфина и пятнистый, как у макрели. Имена видевших ее были: Томас Хиллер и Роберт Райнер». Поводом для повторения этой старинной морской

сказки, послужил, вероятно, всего только любопытный тюлень.

1611 год. Вильям Гурдон, носивший титул «Appointed chief pilot for discoverie to Ob», [242] привез в этом году груз товаров в Пустозерск и направился оттуда к Новой Земле. В устье Печоры он видел 24 ладьи с командой в 10—16 человек, плывшие в «Мангазею» к востоку от Оби. [243] При попытках получить более подробные сведения о плаваниях в Сибирь посланцы Московской компании узнали, что товары обычно отправляются морским путем только до Карской губы. Оттуда они перевозятся сухим путем, при частичном использовании двух рек и одного озера, и затем доставляются на Обь. [244] Но другие сообщения свидетельствуют, что на Обь ходили и морем, притом даже через Маточкин Шар. [245] Там же приводится и рассказанное ранее о русском, предложившем в 1584 году за 50 рублей быть проводником от Печоры до Оби сухим путем, а также рассказ о западноевропейском судне, потерпевшем кораблекрушение в Обской губе, причем команда его была перебита ненцами. Русский также говорил, что от Вайгача к устью Оби проехать легко.

1612 год. Китолов Ян ван-Горн пытался проникнуть на восток вокруг северной оконечности Новой Земли, но под 77° сев. шир.

встретил льды, принудившие его повернуть назад (Wisten, стр. 906).

1625 год. Корнелий Босман отправился по поручению голландской Северной компании на судне в 180 тонн, с командой из 24 человек и провиантом на 2½ года через Югорский Шар на восток, но встретил так много льда в Карском море, что ему пришлось стать в названном проливе на якорь. Босман хотел выждать здесь более благоприятных условий, но бури и льды заставили его в конце концев вернуться, не достигнув цели.[246]

1653 год.[247] В этом году на северо-восток была отправлена датская экспедиция. Путешествие описано Де-ла-Мартиньером, участвовавшим в экспедиции в качестве врача, в его труде, вышедшем в первый раз в Париже в 1671 году и озаглавленном: Voyage des Pais Septentrionaux. Dans lequel se void les moeurs, manière de vivre, et superstitions des Norweguiens, Lappons, Kiloppes, Borandiens, Syberiens, Samojedes, Zembliens et Islandois, enrichi de plusieurs figures». Труд этот имел большое распространение[248] благодаря легкому слогу Мартиньера, отличавшемуся от обычных сухих судовых журналов, и множеству описанных им необычайных историй, не имевших ничего общего ни с истиной, ни хотя бы с правдоподобием. Мартиньер — это настоящий Мюнхаузен

морских путешествий на северо-восток.[249] Он рассказывает, например, что все норвежские крестьяне — рабы дворян, самовластно распоряжающихся в своих владениях, тиранящих подчиненных и любящих путешествия. Лоси, по его словам, страдают падучей болезнью, и поэтому во время охоты на них с ними делаются припадки. Датское название этих животных Мартиньер приписывает слову «Eleend» — бедствие. Он рассказывает, что матросы на северо-западном побережье Норвегии за 10 крон и 400 граммов табаку купили у живущего там лопаря, — а все лопари — колдуны, — три узла ветра; когда развязывали первый узел, поднимался слабый ветер, при развязывании второго ветер крепчал, когда же развязали третий, началась такая сильная буря, что судно едва не погибло.[250] Мартиньер далее утверждает, что Новая Земля населена народом «Zembliens», несколько человек из которых поймали и привезли в Копенгаген. Де-ла-Мартиньер добыл также голову моржа, которого было очень трудно поразить гарпуном; зверь изображен у него в виде рыбы с длинным рогом во лбу. В качестве представителя птичьего царства Новой Земли, он изображает и описывает пингвина; в заключение труда дает по-своему исправленную карту полярных стран. Я привожу все эти нелепо-

сти, так как книга Де-ла-Мартиньера имела немалое влияние на позднейших авторов, описывавших полярные области.

1664 и 1668 годы. Китолов Виллем де-Фламинг обогнул северную оконечность Новой Земли, прошел до зимней стоянки Баренца и направился оттуда на восток, где одному матросу показалось, что он видит землю (Jelmert-landt, Witsen, стр. 902). Тот же Фламинг утверждает, что в 1668 году[251] ему удалось в двадцати пяти милях к северо-северо-востоку от Колгуева открыть новый остров в три или четыре мили в окружности. Этот остров, очень подробно описанный Фламингом и названный им в честь Витсена, позднее мореплавателям более не попадался. (Witsen, стр. 923).

В 1666 году несколько судов снова были отправлены из Голландии на северо-восток. Между судовладельцами были евреи, и поэтому мореплавателей снабдили письмами на еврейском языке, так как думали, что на пути может встретиться какое-либо из десяти исчезнувших колен Израиля. О самом путешествии ничего неизвестно, но нет сомнения, что оно было безрезультатно (Witsen, стр. 962).

1675 год. Голландский китобой Корнелий Сноббергер посетил Новую Землю, у берегов которой убил трех китов и шестьдесят мор-

жей. Он, конечно, добыл бы еще много «рыбы», если бы под 72°.5 не нашел руды, которая, как он думал, содержала серебро, золото и другие металлы. Вместо ворвани шкипер нагрузил корабль драгоценной, по его мнению, рудой, которая затем, при исследовании на родине, оказалась не имеющей никакой цены (Witsen, стр. 918).

1660-е годы (год не указан). Шкипер Корнелий Роуль сообщает, что он поднялся вдоль Новой Земли до 84½—85° сев. шир. и там открыл землю, изрезанную фиордами, вдоль которой он прошел еще десять миль. Дальше он увидел широкое открытое море. С высокой горы пролива, по которому он шел на веслах, Роуль убедился, что можно было бы плыть на север еще в течение одной или двух вахт.[252] Там он нашел множество птиц, которые были очень смелы (Witsen, стр. 920). Если отнять несколько градусов от показанной широты, то можно сделать предположение, что Роуль открыл Землю Франца-Иосифа и проник далеко на север вдоль ее побережья.

1676 год. Вуд и Флоус отправились по поручению Карла II из Англии для следования северо-восточным проходом до Тихого океана. Для этой цели английское адмиралтейство снарядило корабль «Speedwell» и кроме того, «в виду того что все путешествия с целями

открытий подвержены случайностям и несчастьям», второе, меньшее, судно «Prosperous» было куплено и передано экспедиции частными лицами.[253] Командование первым судном было поручено капитану Вуду, бывшему душой этого предприятия, командиром второго судна был назначен капитан Флоус. Путешествие оказалось совершенно безрезультатным, так как Вуду не удалось ни на севере, ни на востоке достичь тех мест, куда доходили его предшественники или китобои, в то время, повидимому, часто посещавшие Новую Землю. Вуд уже раньше сопровождал сэра Джона Норбороу во время плавания через опасный Магелланов пролив и приобрел славу искусного и отважного моряка, но у него не было опыта в плавании среди льдов, а также настойчивости и выдержки, необходимых для путешествий в далеких северных водах. Вследствие этого он оказался совершенно непригодным для возложенного на него поручения. Перед отъездом он был чересчур уверен в удаче, при первой же встрече со льдами совершенно пал духом, а когда судно его потерпело крушение у берегов Новой Земли, он не нашел другого средства для поддержания мужества команды и для избежания бунта, как пустить по кругу бутылки с водкой.[254] После возвращения на

родину Вуд обвинил Баренца и других выдающихся мореплавателей во всех россказнях, слышанных им из совершенно других источников и принятых им до отъезда за истину. Об этом путешествии здесь незачем было бы упоминать, если бы до и после него не было возбуждено оживленных прений относительно возможности плавания по полярным морям. Благодаря этому обмену мнений была спасена от забвения по крайней мере доля сведений, приобретенных голландскими и английскими китобоями о состоянии льдов между Гренландией и Новой Землей. Сведения эти, к сожалению, состояли почти исключительно из ничем не подтвержденных рассказов о достижении очень высоких широт.

Следующие три документа главным образом обусловили осуществление путешествия Вуда.

1. Помещенное в трудах Royal Society (Королевского общества) письмо [255] с описанием открытий на Новой Земле, сделанных по приказанию русского царя. К письму приложена карта, начерченная живописцем Панелапоетским, [256] приславшим ее автору письма в подарок из Москвы. Из карты видно, что Карское море представляет собой замерзающее зимой пресноводное озеро и что, по единодушному заявлению ненцев и татар, можно, обо-

гнув с севера Новую Землю, доплыть до Японии.

2. Другое письмо,[257] также помещенное в трудах Royal Society, в котором повторяются приведенные в предыдущем письме сведения о связи Новой Земли с материком. Препятствия, встреченные Баренцом, приписываются тому обстоятельству, что он держался слишком близко к берегу, вдоль которого море часто замерзает; в расстоянии же нескольких миль от берега море, напротив, никогда не замерзает, даже у полюса, а если и замерзает, то только случайно. Далее говорится о том, что нескольким амстердамским купцам удалось проплыть на сто миль дальше Новой Земли и что они в виду этого просили у Генеральных штатов привилегий.[258] Но вследствие происков голландской Ост-индской компании просьба их не была удовлетворена, после чего купцы обратились к датскому правительству. Тут представление их приняли благосклонно. Были снаряжены два судна, но вместо того чтобы плыть в Японию, купцы отправились на Шпицберген, где занялись китобойным промыслом. Дальше в письме говорится, что следовало бы на время отправить несколько человек к ненцам, чтобы выведать, что им известно о Северо-восточном морском пути. Познакомившись таким образом ближе

с этим путем, вероятно, можно будет все путешествие от Англии до Японии сделать в пять или шесть недель. В случае необходимости зимовка не представит никакой опасности, если только вместо жилища из тонких досок пользоваться землянками.

3. Отдельная печатная брошюра, содержание которой передается в длинном и своеобразном заглавии: «Краткое рассуждение о проходе через Северный полюс в Японию, Китай и т. д., подкрепленное тремя опытами, и ответы на все возражения против прохода этим путем. Именно: 1) плавание из Амстердама к северному полюсу и на два градуса дальше его; 2) плавание из Японии к северному полюсу; 3) опыт, сделанный московским царем, из которого видно, что к северу от Новой Земли свободное и открытое море простирается до Японии, Китая и т. д. С приложением карты всех открытых стран, ближайших к полюсу. Сочинение гидрографа Джозефа Моксона, Лондон, 1674 год». [259]

Следующее место является самым замечательным в этой маленькой, очень редкой книжке.

«Приблизительно 22 года назад, в бытность мою в Амстердаме, я пошел в трактир, чтобы утолить жажду кружкой пива. В то время как я сидел у очага, вошел моряк,

и с ним еще много другого народа. Моряк, увидав тут одного приятеля, служившего в гренландском китобойном флоте, выразил свое удивление (дело в том, что еще не настало время возвращения для гренландского флота) и спросил, что привело его так скоро домой. Приятель матроса (штурман гренландского китобойного судна) рассказал, что судно его этим летом не ходило на промысел, а только отвозило на ранний рынок добычу других судов; но, — сообщал он далее, — пока суда еще не наловили достаточно, чтобы нас нагрузить, мы плавали по поручению гренландской компании до Северного полюса и обратно. Так как рассказ его представлял для меня нечто новое, я вмешался в разговор и выразил сомнение относительно правдивости этого повествования. Но штурман уверял меня, что все это правда, что судно находится в Амстердаме и что много моряков могут подтвердить истинность рассказанного. Он также уверял, что прошел на два градуса по ту сторону полюса; там вовсе не было льда и погода была такая же прекрасная и теплая, как летом в Амстердаме». [260]

К этим сведениям следует добавить еще некоторый материал, собранный самим Вудом, как, например, рассказ про капитана Гуль-

дена, совершившего 30 путешествий на Шпицберген; про двух голландцев, прошедших к востоку от этой группы островов до 89° сев. шир.; о поимке в Корее китов, в коже которых застряли европейские гарпуны;[261] о бревнах с морским червем, которые прибивало к берегам полярных морей, и т. д.[262]

Когда Вуд потерпел неудачу, он отказался от своих взглядов, которые прежде так отстаивал, и заявил, что рассказы, на которых они основывались, были бессовестной ложью и обманом. Но вера в существование полярного моря, по которому в определенное время года можно было бы плавать, не пропадала. Она поддерживалась такими людьми, как Д. Баррингтон[263], Ф. Врангель, А. Петерман[264] и др. Вместе с большинством современных полярных мореплавателей я долго держался обратного мнения, т. е. думал, что Ледовитый океан постоянно покрыт непроходимыми ледяными массами, но изменил свои убеждения с тех пор, как во время двух зимовок увидел, что море не замерзает даже непосредственно близ земли. В первый раз это было под 79°53′, т. е. ближе к полюсу, чем удавалось перезимовать кому-либо другому в Старом Свете, а другой раз по соседству с азиатским полюсом холода. Отсюда я вывожу заключение,[265] что море вдали от берега едва ли когда-либо замерзает

на продолжительное время и на значительную глубину. В таком случае в старинных рассказах нет ничего нелепого, и что случилось однажды, может повторяться.

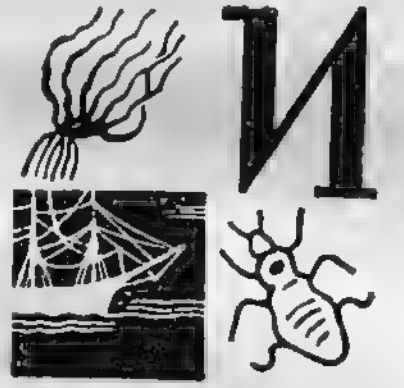
Постыдный исход путешествия Вуда так сильно отпугнул от всяких новых предприятий в том же направлении, что прошло около двух столетий, прежде чем снова была отправлена экспедиция для открытия северо-восточного прохода. Это была знаменитая австрийская экспедиция 1872—1874 годов, руководившаяся Пайером и Вейпрехтом. Она не проникла далеко на восток, но прославилась открытием Земли Франца-Иосифа и множеством ценных наблюдений над природой полярных стран. Если рассматривать эту экспедицию как путешествие на северо-восток, то она несомненно является непосредственной предшественницей «Веги». Австрийская экспедиция широко известна благодаря множеству напечатанных в последние годы описаний ее и прежде всего благодаря книге, написанной чрезвычайно живо самим Пайером, почему я считаю излишним останавливаться на ней.

Но если в течение долгого промежутка времени между плаваниями Вуда и Пайера почти совершенно не было путешествий с целью открытия Северо-восточного прохода, то вместо них в это время совершалось много научных

и промысловых экспедиций, благодаря которым мы получили первые, основанные на действительных наблюдениях, сведения о природе Новой Земли и Карского моря. Об этих путешествиях, предпринимавшихся главным образом русскими и скандинавами, я сообщу в следующей главе. Они, собственно, и подготовили успех, которого в конце концов достигла наша экспедиция.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Плавания русских и норвежцев на северо-восток. Родион Иванов, 1690 год.— Великая северная экспедиция 1734—1737 годов.— Мнимые ископаемые богатства Новой Земли.— Юшков, 1775 год.— Савва Ложкин, 1760 год.— Розмыслов, 1768 год.— Лазарев, 1819 год — Литке, 1821—1824 годы.— Иванов, 1822—1828 годы.— Пахтусов, 1832—1835 годы.— Бэр, 1837 год.— Циволка и Моисеев, 1838—1839 годы.— Крузенштерн, 1860 и 1861 годы.— История промыслов в Ледовитых морях.— Карлсен, 1868 год.— Эдуард Иоганнессен, 1869, 1870 годы.— Ульве, Мак и Квале, 1870 годы.— Мак, 1871 год.— Находка остатков зимовки Баренца.— Зимовка Тобисена в 1872/73 годах.— Шведские экспедиции 1875 и 1876 годов.— Виггинс, 1876 год.— Позднейшие путешествия на Енисей.



ИЗ ПРИВЕДЕННОГО мною выше описания следует, что еще задолго до англичан и голландцев население северного побережья России занималось полярным мореплаванием в широких размерах. Часто предпринимались торговые путешествия из Белого моря и Печоры в Обь и Енисей, иной раз исключительно морем вокруг Ямала, но чаще комбинированным путем, причем пользовались волоком через названный полуостров. В последнем слу-

чае поступали следующим образом: сначала шли на парусах через Югорский Шар и южную часть Карского моря до устья одной из рек на Ямале—Мутной; после этого шли на веслах или тянулись бечевой вверх по реке и через два озера до небольшого горного хребта шириной в 350 метров, образующего на Ямале водораздел между реками, текущими на запад и на восток; через эту возвышенность тащили суда и товары волоком до другого озера, Зеленого, откуда снова пользовались водным транспортом по реке Зеленой до Обской губы. [266]

Эти и другие подобные сведения были с большим трудом и не без опасности собраны агентами Московской компании, но среди сохранившихся таким образом сообщений ни разу не встречается описания какого-нибудь путешествия, на основании которого можно было бы наравне с Виллоуби, Борро, Питом и Баренцом включить и русское имя в старейший период истории морских путешествий на северо-восток. [267]

Даже русские источники, повидимому, не дают в этом отношении сведений, если судить по обстоятельному историческому вступлению к путешествию Литке. В XVI и XVII столетиях на берегах Белого моря жило много отважных мореплавателей, но среди русских не

Вид берегов в проливе Маточкин Шар. (По рис. Г. Тэля, 1875 г.)

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

было Гаклюйта,[268] и поэтому имена этих моряков и предания об их путешествиях давно уже забыты, за исключением относившихся к сравнительно позднему времени.

Во втором издании большого труда Витсена (стр. 913) встречается рассказ про неудачное путешествие русского зверопромышленника в Карское море, предпринятое в 1690 году, т. е. в такое время, когда морские путешествия между Белым морем и Обью—Енисеем уже начинали прекращаться. Рассказ записан Витсеном по устному сообщению одного из потерпевших кораблекрушение, Родиона Иванова, который много лет служил штурманом на русском судне, ходившем на промысел тюленей к Новой Земле и острову Вайгач.

11/1 сентября 1690 года два русских судна потерпели крушение у острова Serapoa Koska,[269] расположенного в южной части Карского моря; на одном из этих судов находился Родион Иванов. Около этого острова льдины громоздились зимой в огромные груды, разваливавшиеся затем с таким шумом, «что можно было подумать, что настало светопреставление», а при высокой воде и сильном ветре весь остров за исключением нескольких холмов заливался водой. На одном из этих холмов построили зимовье. Строительным материалом служила глина, связывавшаяся кровью и

шерстью тюленей и моржей. Из этой смеси, дававшей при затвердении плотную массу, и из досок, взятых с судна, сделали стены избы. Лачуга представляла надежную защиту как от холода и непогоды, так и от медведей. В хижине даже сложили печку, которую топили плавником. Для освещения служила ворвань пойманных животных. Из пятнадцати человек, зимовавших здесь, одиннадцать умерли от цынги. Развитию болезни способствовал прежде всего недостаток движения. В течение пяти недель длинной зимней ночи большинство зимовщиков почти не выходили из хижины. Здоровее всех были те, кто больше двигался, как, например, штурман, самый молодой из команды, на обязанности которого поэтому лежало собирание дров по острову. Причиной смертельного исхода болезни было также и полное отсутствие съестных припасов, привезенных с родины. Первые восемь дней питались извлеченными со дна моря водорослями, которые смешивались с небольшим количеством муки. Потом стали питаться мясом тюленей и моржей, а также белых медведей и песцов. Но медвежье и моржовое мясо считалось поганым,[270] почему его и употребляли в пищу только в крайнем случае, а мясо песца было очень неприятно на вкус. Временами ощущался такой недостаток пищи,

что вынуждены были есть кожу шуб и сапог. Число пойманных тюленей и моржей было так велико, что «сложенные вместе убитые звери образовали бы кучу в 160 метров длины, такой же ширины и около 2 метров высоты, [271] Кроме того, близ острова нашли застрявшего на мели кита.

Весной с материка пришли ненцы и силой отняли у русских часть их промысла. Из боязни ненцев зверобои не решались перебраться по льду на материк и оставались на пустынном острове, пока по счастливой случайности их не доставили обратно на сушу несколько выехавших на промысел и попавших на остров земляков. В связи с описанием этого путешествия Витсен упоминает, что за год до этого русское зверобойное судно село на мель к востоку от Оби.

К концу XVI столетия русские зверобойные плавания на Новую Землю стали, вероятно, значительно реже. Торговые же путешествия, повидимому, прекратились уже давно. После покорения Сибири ненадежному морскому сообщению по Карскому морю стали предпочитать, вероятно, сухопутную дорогу через Уральский хребет, к которому прежде относились с таким недоверием. Повидимому, само правительство, посылая на лето стражу на Матвеев остров и на Югорский Шар, способство-

вало прекращению мореходства.[272] Стража эта обязана была собирать с купцов и промышленников в пользу казны пошлины, но надо сказать правду, что лихоимство, сопровождавшее взимание налога, отталкивало предприимчивых людей, лишенных прежней свободы от промысла на Оби, и без того полного опасностей и невзгод.[273]

Последнее обстоятельство, повидимому, и было причиной того, что за период между путешествием Родиона Иванова и Великой северной экспедицией не имеется сведений ни об одном морском путешествии в ту часть Ледовитого океана. Во время этой последней экспедиции среди других частей громадного побережья русского государства была исследована и южная часть морского пути, о котором здесь идет речь, — в 1734—1735 годах Муравьевым и Павловым и в 1736—1737 годах Малыгиным, Скуратовым и Сухотиным. Но так как целью экспедиции было изучение Сибири, то мое сообщение о результатах плавания по Карскому морю будет дано в связи с отчетами об исследовании северных берегов Азии. Тут я только упомяну, что мореплавателям удалось после невероятных усилий проникнуть из Белого моря в Обь и что карты побережья между этой рекой и Печорой, которыми пользуются теперь, отчасти основаны

на работах Великой северной экспедиции. Плохая слава Карского моря усилилась вследствие рассказов о затруднениях, пережитых этой экспедицией. Но затруднения эти не в малой степени были вызваны плохим устройством судов, множеством ошибок, сделанных в их снаряжении, неудачным выбором времени года для плавания и т. д.

Как о всех отдаленных, неизвестных странах, так и о Новой Земле издавна сложилось предание о благородных металлах, скрытых в ее недрах. Слухи эти никогда не подтверждались и, вероятно, основывались только на следах руд и на красивой сверкающей поверхности серного колчедана. Но легенды эти вызвали множество путешествий на Новую Землю, из которых самое древнее, насколько известно, путешествие в 1757 году штурмана Юшкова. В бытность штурманом зверобойного судна Юшков заметил сверкавшие серебром и золотом камни, и ему удалось убедить одного торговца салом в Архангельске, что в недрах Новой Земли заключены большие сокровища. Чтобы завладеть ими, купец снарядил корабль, причем пообещал Юшкову наградить его за открытие 250 рублями. Предприятие это не привело, конечно, ни к каким результатам, а сам Юшков умер на пути к Новой Земле (Lütke, стр. 70).

В 1760 г.,[274] три года спустя, одному кормщику зверобойного судна Савве Лошкину, родом из Олонца, пришла несомненно правильная мысль, что восточное побережье Новой Земли, никогда не посещавшееся зверобоями, должно было быть богаче охотничьей добычей, чем другие части острова. Эта мысль, а возможно, что и честолюбивое стремление к необычайным подвигам, манили Лошкина, и он отправился на зверобойный промысел к восточному берегу Новой Земли. Про это путешествие известно только, что Лошкину действительно удалось обойти вокруг всего острова, употребив на это две зимы и три лета. Путешествие это доказало, что Новая Земля, несомненно, остров, в чем еще в середине XVIII столетия сомневались многие географы.[275]

Слухи о рудных богатствах Новой Земли не заглохли и после неудачного путешествия Юшкова. В 1768 году на поиски этих сокровищ снова были посланы лейтенант Розмыслов,[276] младший штурман Губин, ледовый лоцман Чиракин и 11 матросов, причем Розмыслову было также поручено нанести на карту неизвестные части острова. Судно, снаряженное для этой полярной экспедиции, было плохое. Вскоре после начала плавания в нем обнаружилась в различных местах течь, с ко-

торой всячески приходилось бороться. Про способность корабля ходить под парусами сам Розмыслов говорит, что «пока дул ветер с кормы, большой парус был нам очень полезен, но как только ветер менял направление и становился противным, нам приходилось ставить другой, меньший парус и нас отгоняло назад». Сам Розмыслов был, повидимому, вполне на своем месте. Не встречая затруднений от льдов, но испытывая таковые вследствие негодности судна, Розмыслов все же дошел до Маточкина Шара, который тщательно заснял и промерил. 10 сентября/30 августа с высокой горы у восточного входа в пролив Розмыслов увидел Карское море совершенно свободным от льдов. Путь к Енисею представлялся, таким образом, открытым, но судно было непригодно для такого дальнего плавания. Поэтому Розмыслов решил перезимовать в бухте Тюленьей, вблизи восточного входа в Маточкин Шар. Он перенес сюда избу, выстроенную каким-то зверопромышленником на берегу пролива. Другая изба была построена из леса, привезенного на судне с родины. Эта вторая изба была расположена к востоку от первой, на мысу, выступавшем в пролив.[277] Я посетил этот мыс в 1876 году. Стены избы стояли, но плоская крыша, на которую для тяжести были навалены камни и

земля, провалилась, как это часто бывает с заброшенными деревянными постройками в полярных странах. Маленький домик состоял первоначально из сеней и комнаты с необычайно большой печью и нарами, прикрепленными к стенам.

1 октября/20 сентября в проливе стал лед, а несколько дней спустя Карское море также покрылось льдом на таком расстоянии, какое мог охватить глаз. В течение зимы господствовали такие сильные северо-восточные, западные и северо-западные ветры с метелями, что от жилища едва можно было отойти на двадцать метров. Одного матроса такая снежная буря настигла во время оленьей охоты по соседству с хижиной. Когда он после двухдневного отсутствия не вернулся, было решено внести его в журнал «как погибшего без похорон».

28/17 апреля 1769 года поднялась буря, дувшая с юго-запада и сопровождавшаяся туманом, дождем и градом величиною в половину ружейной пули. 2 июня/22 мая бушевал страшный ветер с северо-запада, несший с собой с высоких гор «горький воздух наподобие дыма». Это был несомненно фен. [278] Мучительное, тягостно влияющее на расположение духа действие этого ветра известно жителям Швейцарии и северо-западной Гренландии.

В Гренландии ветер со страшной силой несется с ледниковой пустыни, расположенной внутри страны. Но вместо того чтобы нести с собой холод, феи неожиданно поднимает температуру выше 0°, снег, тая и испаряясь, исчезает как по волшебству, и люди и животные страдают от неожиданной перемены погоды. Подобные ветры, между прочим, возникают в полярных странах повсюду по соседству с высокими горами, и, повидимому, по этой причине в Гренландии считают пребывание зимой в котловине, окруженной горами, в высшей степени нездоровым, вызывающим среди жителей заболевание цынгой.

Вместо того чтобы регулярно делать какой-нибудь моцион на свежем воздухе, команда Розмыслова зимой проводила целые дни, даже недели подряд в маленькой, старательно закупоренной хижине. Поэтому легко объясняется, что люди не избегли цынги, поразившей большинство из них. Семеро моряков умерло, среди них и Чиракин. Можно только удивляться, что не все погибли при таком образе жизни, который вели в продолжение всей долгой полярной ночи. Спасали, вероятно, главным образом квас, ежедневно выпекавшийся хлеб и, быть может, даже курность изб.

29/18 июля в Маточкином Шаре тронулся лед, к 13/2 августа пролив был совершенно

свободен от льдов. Тогда было решено попытаться продолжать плавание по Карскому морю, и для этой цели начали приводить в порядок судно, уже с самого начала ветхое, теперь же еще и пострадавшее от морозов. Места, давшие течь, старались по возможности законопатить смесью из глины и перепревших водорослей. «Пловучие гробы» часто употреблялись в полярном мореплавании и иногда с бо́льшим успехом, чем самые гордые корабли, спущенные с военных верфей. На этот же раз Розмыслову для избежания верной гибели пришлось, пройдя несколько миль к востоку от Маточкина Шара, вернуться к своему прежнему зимовью. Тут он, к счастью, встретил русского промышленника, вместе с которым и вернулся в Архангельск. Никаких благородных металлов найдено не было, так же как и «жемчужных раковин», но зато Чиракин доверил Розмыслову, что он в известном месте на южном берегу нашел скалу такой необыкновенной красоты, что в ясные дни она сверкала самым прекрасным ярким огнем. После смерти Чиракина Розмыслов принялся за поиски скалы, но напрасно. Тогда Розмыслов стал горько упрекать своего умершего товарища. Но это обвинение я могу с Чиракина снять. Во время путешествия в 1875 году я нашел в кварцевых жилах, кое-где прорезаю-

щих здесь шиферные пласты, кристаллы горного хрусталя. Драгоценные камни Чиракина были, без сомнения, не что иное, как друза блестящих кристаллов этого минерала, не имеющего особой цены.

Лет пятьдесят спустя после путешествия Розмыслова (в 1807 году) для исследования мнимых минеральных богатств острова был отправлен инженер Лудлов. Он вернулся, не найдя никаких драгоценных руд, но первыми геологическими сведениями о стране мы обязаны ему, а спутнику его Поспелову — старательно исполненными картами западного побережья Новой Земли.

Следующая экспедиция на Новую Землю была отправлена в 1819 году под командой лейтенанта Лазарева. Снаряжали эту экспедицию на военной верфи в Архангельске, и по сравнению с предыдущими она была снабжена гораздо бо́льшими средствами. Но Лазарев, очевидно, не был в состоянии выполнить возложенное на него поручение — руководить полярным исследовательским путешествием. Среди лета несколько человек из его команды заболели цынгой. Вскоре после выхода из Архангельска в такое время года, когда почти на каждой большой плавучей льдине имеются скопления пресной воды и повсюду на берегу бурные снеговые ручьи изливаются в море,

Лазарев жалуется на трудность добывать пресную воду и т. д. Все путешествие оказалось поэтому совершенно безрезультатным.

Гораздо бо́льшее значение имели морские путешествия на Новую Землю капитан-лейтенанта Литке в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах. Литке руководил экспедицией с глубоким знанием и продуманностью. Описания этих путешествий являются еще и теперь богатейшим источником для ознакомления с этой частью Северного ледовитого океана. Но так как Литке не проник дальше его предшественников, то описание его плаваний не входит в план исторической части моего труда.

Из русских арктических путешествий я приведу еще следующие.

Путешествия штурмана Иванова с 1822 по 1828 год, во время которых, объезжая берег на ненецких санях, он нанес на карту побережье между рекой Карой и Печорой.

Путешествия Пахтусова с 1832 по 1835 год. [279] Купец В. Брандт и архангельский лесничий Клоков в 1832 году снарядили и отправили из этого города большую экспедицию. Целью ее было восстановление морского сообщения с Енисеем, нанесение на карту восточного побережья Новой Земли и зверобойный промысел. Снаряжено было три

судна: карбас[280] с командой в 10 человек, включая начальника экспедиции, лейтенанта корпуса штурманов Пахтусова, который, участвуя в путешествиях Иванова, хорошо познакомился с берегами Ледовитого океана и его населением; шхуна «Енисей» под командой лейтенанта Кротова с экипажем из 9 человек и зверобойная ладья, которую вел штурман-промышленник Гвоздарев. Пахтусов должен был нанести на карту восточное побережье Новой Земли, Кротов — пройти через Маточкин Шар и Карское море к устью Енисея, Гвоздарев — заняться зверобойным промыслом для покрытия части расходов экспедиции.

Пахтусову не удалось проникнуть в Карское море, и он перезимовал в первый раз на южном побережье Новой Земли под 70°36′ сев. шир. и 59°32′ вост. долг. от Гринича, в старой лачуге, построенной, судя по надписи на находившемся рядом с ней кресте, в 1759 году. Сгнившую лачугу отремонтировали с помощью плавника, которого в этих местах было очень много. Построили особую баню, соединенную с избой ходом, сооруженным из пустых бочек, покрытых парусиной. Одиннадцать дней было потрачено на то, чтобы привести старую избу в такой вид, чтобы в ней можно было поселиться. Изба оказалась такой теплой, что можно было сидеть в одних

рубашках и не мерзнуть. Предусмотрительный и, несомненно, подходивший для руководства таким предприятием командир не давал команде опускаться в бездеятельности, грязи и лени, но заставлял людей регулярно работать, мыться и менять белье два раза в неделю. Каждые два часа производились метеорологические наблюдения. Люди всю зиму были здоровы, но весной (в марте) началась, несмотря на принятые меры предосторожности, цынга, от которой в мае умерли два матроса. Лед вскрывался много раз в течение зимы, и Карское море освобождалось у берегов на большое расстояние. В конце сентября видели стадо оленей в 500 голов, множество песцов было поймано капканом и убили двух белых медведей. Гуси показались в первый раз весной 27/16 мая.

Следующим летом Пахтусов прошел на веслах вдоль восточного побережья острова до 71°38′ сев. шир. На левом берегу реки, названной рекой Саввиной, он нашел очень хорошую гавань. Развалины избы, рядом с которой стоял крест с надписью «Савва Ф-анов 9 июня 1742 года», Пахтусов счел за остатки зимовья Саввы Ложкина. После возвращения из этого плавания, сделанного на веслах, Пахтусов перебрался на судно и с 23/11 июля по 25/13 августа плыл, не встречая препятствий

от льдов, вдоль восточного побережья на север к Маточкину Шару. Во время этого плавания прошли мимо другой очень хорошей гавани под 72°26′ сев. шир. в заливе, названном в честь Литке. Затем Пахтусов вернулся через Маточкин пролив на Печору. Вдоль восточного побережья северного острова Новой Земли море также было свободно от льдов, но продовольственные запасы, взятые из Архангельска на 14 месяцев, теперь так истощились, что отважный полярный мореплаватель не мог воспользоваться случаем обойти вокруг всей Новой Земли.

Из двух остальных судов, вышедших из Архангельска одновременно с Пахтусовым, ладья вернулась с богатой добычей, «Енисей» же пропал без вести. Вполне понятное беспокойство за судьбу этого судна и желание продолжить исследования восточного побережья Новой Земли к северу вызвали снаряжение второй экспедиции Пахтусова.

Для этой экспедиции правительство снарядило два судна,[281] одну шхуну и один карбас, которые были названы в честь двух участников плавания на «Енисее» — Кротова и Казакова. Первое судно находилось под командой Пахтусова, второе — под командой штурманского офицера Циволка. На этот раз перезимовали (в 1834/35 году) на южном берегу

Маточкина Шара, у устья реки Чиракиной, в построенном для этой цели доме. Строительным материалом послужили, кроме привезенного строевого леса, остатки трех старых, найденных поблизости, изб и обломки судна Розмыслова, выкинутые на берег. Дом был дворцом по сравнению с избушкой, в которой Пахтусов зимовал в первый раз. В избе было два жилых помещения: одно 6 × 5 метров, предоставленное команде (14 человек), другое в 3,5 × 3 метра, предоставленное командному составу и фельдшеру; при избе была еще по обыкновению баня. Маточкин Шар замерз только 28/16 ноября. Термометр никогда не падал ниже точки замерзания ртути, и зимний холод переносился легко, так как экипаж был снабжен ненецкой одеждой. Но метели были так сильны, что иной раз по неделе нельзя было выйти из дому, который настолько заносило снегом, что несколько раз вместо двери приходилось выбираться через дымовой проход на крыше. Дом не был снабжен настоящей трубой, а был устроен, как курная изба. Медведей, во множестве подходивших к дому, в продолжении зимы было убито одиннадцать, из которых один на крыше дома и один в сенях. В течение зимы команду постоянно занимали то ловлей песцов, то другими работами. Состояние здоровья было также вполне удо-

влетворительно для сурового зимнего времени. Из команды умерли только двое. Весной, во время поездок на санях, нанесли на карту Маточкин Шар и часть восточного побережья северного острова, летом же тщетно пытались обогнуть на судне северный остров. 24/12 июня была гроза с ливнем. 15/3 сентября отправились в обратное плавание в Архангельск. К сожалению, Пахтусов заболел вскоре после возвращения нервной горячкой и умер 19/7 ноября 1835 года. Это была большая потеря, так как преданностью делу, которому он себя посвятил, рассудительностью, отвагой и неутомимостью Пахтусов выделялся среди полярных мореплавателей всех стран. Помимо этого, в то время мало арктических экспедиций привозили такие ценные астрономические и геодезические материалы, метеорологические наблюдения, данные о приливах и отливах, и т. д., как экспедиция Пахтусова.[282]

В 1837 г. знаменитый естествоиспытатель К. Е. фон-Бэр предпринял путешествие на Новую Землю. Его сопровождали поручик Циволка, геолог Леман, художник Редер и препаратор Филиппов.[283] Посетили Маточкин Шар, прошли на лодке до восточного входа в пролив и нашли Карское море свободным от льдов; высаживались в Безымянной губе, в губе Нехватовой и на острове в проливе

Костин Шар. Экспедиция эта не доходила далее предшествовавших ей, но она имеет значение, как первое произведенное настоящим ученым естественно-историческое исследование окружающей Новую Землю части Ледовитого океана. При всем том уважении, которое следует питать к большому имени Бэра как ученого, все же нельзя отрицать, что его статьями о природе острова, основанными на слишком беглых наблюдениях, внесено было в арктическую литературу много ложных представлений о восточной части Ледовитого океана.

Чтобы закончить составление карты Новой Земли, русское правительство отправило в 1838 году новую экспедицию под начальством поручиков Циволки и Моисеева. Зиму 1838—1839 года провели в Мелкой губе на западном побережье Новой Земли под 73°57′ сев. шир. Но на этот раз недоставало знаний и опытности Пахтусова, и зимовка в Мелкой губе оказалась несчастливой. Из двадцати участников экспедиции большинство заболело в течение зимы цынгой; девять умерло, в том числе сам Циволка. Весной пришлось прекратить поездки с целью нанесения на карту окрестных берегов, так как эскпедиция не имела с собой очков для защиты от ослепительного солнечного света, отражаемого сне-

гом. Пахтусов же такого упущения не сделал, причем он для защиты от слепящего сверкания снега обычно еще закрашивал сажей нижние ресницы и веки. Все же экспедицией были нанесены на карту берега западного побережья Новой Земли на значительном протяжении и были собраны ценные данные для изучения температурных условий острова. Климат оказался менее суровым, чем ожидали. Зимой температура никогда не опускалась ниже —33°, в июле месяце заморозки были только в течение трех ночей, тогда как днем раза два в тени наблюдалось +18°; в августе температура продержалась ниже 0° всего три часа. Все это зависит, конечно, от близости теплых морских течений и от того, что море в недалеком расстоянии от берега не замерзает круглый год.

На этой неудачной и, как кажется, менее подготовленной экспедиции русские экспедиции для исследования Новой Земли прекращаются на долгое время. До наступления периода норвежского зверобойного промысла в истории северо-восточных экспедиций можно упомянуть еще два русских полярных путешествия.

Первое из них было вызвано желанием русского капитана флота Павла Крузенштерна предпринять на принадлежавшей ему и нахо-

дившейся в то время в Печоре шхуне «Ермак» путешествие по Ледовитому океану для нанесения на карту берега материка к востоку от устья Печоры. Он намеревался сам взять на себя командование, а сына своего, лейтенанта русского флота Павла Крузенштерна младшего, выбрал помощником. Последнего он отправил на Печору для подготовки «Ермака» к плаванию, что тот и выполнил с удивительной рассудительностью и знанием дела, насколько это было возможно в местности, где в те времена отсутствовало почти все необходимое для снаряжения судна. Сам Крузенштерн старший не мог во-время прибыть к месту отправки экспедиции и командование судном поэтому предоставил сыну.

Крузенштерн младший покинул устье Печоры 10 сентября/29 августа 1860 года. Три дня спустя он достиг Карских Ворот; пролив этот оказался совершенно свободным от льдов, как и расположенное к востоку море. Однако позднее время года, плохое снаряжение «Ермака» и, повидимому, данная Крузенштерну инструкция заставили его вернуться, после того как он прошел только недалеко в Карское море. 19/7 сентября «Ермак» вернулся в Печору, не достигнув своей цели. Попытка проникнуть на восток от устья этой реки была повторена в 1862 году по инициативе Михаила

Сидорова, позднее широко известного неутомимого ревнителя установления морских сообщений между Сибирью и Европой. «Ермак» был снова приведен в готовность, а вместе с ним и норвежская лоцманская палубная лодка, получившая название «Эмбрио». Начальство над экспедицией опять было принято П. Крузенштерном младшим. 13 августа суда снялись с якоря в Куе на Печоре. 26/14 августа оба небольших судна вошли в Югорский Шар после того, как их в пути сильно задержали штормы и противные ветры. На правом берегу пролива мореплаватели увидели хижины, построенные промышленниками, а по обоим берегам — ненецкие чумы и оленей. Жители влезали на крышу и знаками выражали свое удивление. Оба судна стали на якорь у острова Вайгач. Но часа два спустя переменившийся ветер пригнал в гавань огромные массы льда, причем «Ермак» был сорван с якоря и вынесен в Карское море. Освободиться ему удалось только с большим трудом. После этого он стал на якорь у восточного входа в Югорский Шар.

27/15 августа Крузенштерн снова поднял якорь, предполагая плыть далее на восток или же найти более надежную якорную стоянку, чем та, которой заставил его воспользоваться случай. Однако ветер был так слаб, что не-

возможно было держаться курса, сила течения преобладала. Тогда судно пришвартовали к ледяному полю, вместе с которым «Ермак» в продолжение нескольких дней дрейфовал по Карскому морю. Корабль вскоре был окружен льдами и парализован в своих действиях. Погода часто бывала прекрасная, термометр показывал +4°, сильная рефракция приподнимала на горизонте льдины, придавая им самые причудливые и роскошные очертания. Повсюду на льду находились лужи пресной воды, некоторые из них были больших размеров и довольно глубокие. На ближайшем к кораблю ледяном поле находилось четыре таких «озера», одно из которых служило для питья, из другого пополнили запасы воды, из третьего брали для экипажа воду для мытья и, наконец, четвертым пользовались для стирки.

3 сентября/22 августа при слабом ветре с WSW льдины стали сходиться. В уверенности, что корабль будет скоро раздавлен льдами, команда начала вытаскивать на лед провиант и лодки, но сжатие скоро прекратилось. Пошел сильный дождь, а после того как 7 сентября/26 августа ветер перешел на северо-запад, открылись берега Ямала. Ледяная глыба толщиною в 2 метра попала под судно и накренила его на правый борт. На следующий день поднялась буря с SSW со снего-

падом. Судно несколько раз так сильно сотрясалось от теснившего его льда, что команда бросилась спасать на льдину провиант и пр. В это время экспедиция находилась приблизительно под 70° сев. шир. и 65° вост. долг. от Гринича, примерно против входа в Карскую губу. Команда работала целый день, скалывая топорами и баграми остро выступающие края льдин, напиравших на судно.

11 сентября/30 августа стояла теплая погода с дождем. Лед находился в таком сильном движении, что на него нельзя было выходить. В тот же день к вечеру «Ермак» испытал несколько сильных толчков, и корпус его приподняло на 30 сантиметров вверх. 13/1 сентября разразился сильный шторм, погнавший судно на северо-восток. Каждое мгновение ждали катастрофы и поэтому на льду раскинули палатку, чтобы снести туда часть съестных припасов из трюма. Перенесли также дрова. Это был день тысячелетия России, и команда отпраздновала его танцами и веселыми песнями, хотя каждое мгновение могли ждать, что судно будет раздавлено сжимавшимися под влиянием ужасной бури льдами. 14/2 сентября форштевень поднялся на полтора метра над уровнем воды и всю ночь не переставая слышался треск корпуса. Вода стала быстро проникать в трюм и залила его на

высоту 60 сантиметров. Весь экипаж покинул судно и переселился на льдину; вскоре после этого громадное ледяное поле, на котором была раскинута палатка, треснуло. Но течь в судне, к счастью, прекратилась, так что команда снова могла вернуться на судно. 15/3 сентября льды стали так сильно теснить корабль, что палуба изгибалась подобно своду. 19/7 сентября Крузенштерн созвал команду, чтобы она из своей среды выбрала трех человек для совместного обсуждения мер к спасению. Два дня спустя после обеда, за которым команду угощали буквально всем, что имелось в запасе, «Ермак» был покинут экипажем.

После гибели судна направились к берегу, но переход был очень труден из-за неровной поверхности льда. Скоро пришлось бросить лодку, которую вначале пытались было тащить по льду, а самые необходимые съестные припасы пришлось перетаскивать на спине. При выступлении один из матросов тайком унес с собой столько водки, что в первый же день имел возможность напиться до бесчувствия. Нести его на себе было невозможно, ждать его вытрезвления — неблагоразумно. Поэтому его оставили просыпать свой хмель, а чтобы это произошло возможно скорей, его раздели и оставили на льду в одной рубашке. На сле-

дующий день он, однако, догнал своих товарищей после того, как шел по их следам целую ночь в темноте. Часто встречались открытые места, которые приходилось переплывать на ледяных глыбах, причем гребли баграми. Однажды, когда несчастные плыли таким способом на перегруженном ледяном пароме, вблизи показалось шесть моржей. Они выказывали желание очутиться в обществе мореплавателей на льдине, которая, конечно, в таком случае перевернулась бы. Только когда вожаку загнали в голову пулю, звери бросили свой план, доказывавший как их большую общительность, так и совершенное незнание людей. Крузенштерна и его спутников несколько дней подряд носило на пловучих льдах недалеко от берега, причем они перепрыгивали со льдины на льдину, пока наконец 28/16 сентября достигли берега.

Вблизи как раз находилось стойбище, обитатели которого (ненцы) дружески встретили потерпевших кораблекрушение и угощали их лакомыми блюдами оленеводов: сырой и вареной олениной, оленьим языком, оленьим мозгом, сырой рыбой и гусиным жиром. По окончании трапезы усталые путешественники легли в ненецких чумах спать на мягких оленьих шкурах: «Все заботы и страдания были забыты; мы испытывали бесконечное

блаженство, точно очутились в раю». Затем путешественники отправились на оленях в Обдорск, причем по дороге их всюду приветливо и гостеприимно встречали дикие племена, хотя это гостеприимство и было иной раз в тягость. Один остяк, например, заставлял Крузенштерна пить чай шесть раз в день, каждый раз по шести чашек, и в виде особого лакомства угощал его настойкой табака на водке.[284]

Полный приключений переход Крузенштерна через Карское море является одним из многих доказательств, что полярный мореплаватель прежде всего не должен впадать в отчаяние. То обстоятельство, что ледяное поле, на котором находился экипаж «Ермака», было перенесено от Югорского Шара к восточному берегу Карского моря, доказывает, что море это в то время года было большею частью свободно от льдов. Пароход или хорошее парусное судно могли бы в тот год, как, вероятно, и в предшествовавший, дойти до Оби или устья Енисея. Отчет о путешествии Крузенштерна является, между прочим, первым полным описанием плавания с запада на восток через Карское море.

В то время трудно было себе представить, что десятилетие спустя тем же самым путем множество судов будет проходить свободно и беспрепятственно.

Вскоре после описанных мною выше двух последних русских путешествий, и притом прежде, чем они стали известны в западноевропейской географической литературе, наступил новый период для мореходства по Карскому морю, начавшийся с плаваний норвежских зверобоев, которые искали новых мест промысла у берегов Новой Земли.

История шпицбергенского зверобойного промысла до сих пор еще не была изложена достаточно полно и во многих отношениях освещена еще недостаточно. Принято считать, что после открытия Баренцом в 1596 году Шпицбергена зверобойному промыслу положил начало Беннет боем моржей на Медвежьем острове во время своего первого путешествия в 1603 году и что первым китобоем здесь явился Иона Пуль в 1610 году. Но уже в следующем году Пуль, судно которого потерпело крушение у западного побережья Шпицбергена, застал в Горнзунде зверобоя из Гулля, которому поручил спасение груза своего судна. Два года спустя англичане, с целью отстранить чужестранцев от шпицбергенского зверобойного промысла, который они намеревались монополизировать, отправили семь военных кораблей, встретивших у этих островов восемь испанских и множество голландских и французских зверобойных судов.[285] Даже

в наши дни сведения о новых источниках заработка распространяются не так быстро, как это, вероятно, было в данном случае. Но возможно, что сведения о начале зверобойного промысла в этих водах, почерпнутые из Гаклюйта, Перчаса, Де-Фера и др., неверны. В таком случае остается только обратиться к архивам таких портовых городов, как С.-Себастьян, Дюнкирхен, Гулль и др.

Как бы то ни было, но можно сказать с уверенностью, что попытки англичан и голландцев открыть Северо-восточный проход привели к китобойному промыслу у Шпицбергена, на много миллионов увеличившему национальные средства этих богатых торговых стран. Промысел происходил вначале непосредственно у берегов, но отсюда китов скоро отпугнули, так что китобои принуждены были искать других мест сперва дальше в море между Шпицбергеном и Гренландией, затем в Девисовом проливе и, наконец, в Южном ледовитом океане и в морях по обе стороны Берингова пролива.

С тех пор, как у берегов Шпицбергена китобойный промысел прекратился, этот архипелаг был совершенно заброшен, пока русские зверопромышленники не избрали его берега местом охоты на песцов и оленей. Об этих промысловых поездках известно очень

мало; но что охота на острове производилась русскими в широких размерах, видно из встречающихся почти во всех фиордах Шпицбергена остатков зимних стоянок или охотничьих избушек. Зверобои, повидимому, здесь часто зимовали, потому что суда их были так плохи, что на них можно было успеть пройти к Шпицбергену и обратно только один раз в течение лета. Между тем осенняя охота на оленей, когда олени попадаются чаще и очень тучны, возможна была только при зимовке на острове; нельзя было добыть без зимовки пушистые и ценные песцовые шкуры.[286] Но и поездки русских промышленников на Шпицберген давно уже прекратились. Последняя поездка была совершена в 1851—1852 годах, и исход ее был очень трагичен для большинства участников, так как из 20 человек 12 умерли. Напротив, поездки на Шпицберген норвежских промышленников, главным образом для боя тюленей и моржей, начавшись в конце прошлого столетия, продолжаются и в настоящее время. Но история этих плаваний была мало известна даже на севере, по крайней мере до 1858 года, когда шведские научные экспедиции стали регулярно посещать эти места и в своих отчетах давать более или менее полные сведения о норвежском зверобойном промысле. Примеру этому стали затем

следовать, хотя недостаточно полно и систематично, редакторы норвежских и иностранных газет и журналов, и в первую очередь Petermanns Mitteilungen. [287]

Около 1860 года животные (моржи, тюлени, медведи и олени) на Шпицбергене стали так быстро уменьшаться в количестве, что зверобои принуждены были искать новых мест для охоты. Они обратились тогда к северным и восточным, менее доступным, частям Шпицбергена, потом еще дальше на восток, к Новой Земле и в Карское море, по которому прошли дальше всех своих предшественников. В истории открытия северо-восточного прохода необходимо поэтому посвятить несколько страниц описанию отважных плаваний на Новую Землю небольших зверобойных судов, снабженных провиантом только на лето.

Первым норвежским зверопромышленником, посетившим Новую Землю, был Эллинг Карлсен, позднее известный как участник австрийской полярной экспедиции. В 1868 году он отправился из Гаммерфеста с целью промысла морского зверя на восток. Он проник в Карское море через Карские Ворота, но вскоре вернулся через Югорский Шар и затем прошел к северу до мыса Нассау. Привлекаемый богатым ловом, Карлсен и в следующем году направился в те же края, причем на этот раз

ему удалось пройти в Карское море почти до Белого острова, откуда он вернулся в Норвегию через Маточкин Шар. Пример Карлсена вызвал путешествия многих других норвежских зверобоев, один из которых, Эдвард Иоганнесен, совершил в высшей степени замечательное плавание. О нем я здесь упомяну в нескольких словах.

31 мая 1869 года Иоганнесен стал на якорь у острова Междушарского,[288] не встретив во время всего пути ни одной льдины. Затем он прошел под парусами по почти свободному от льдов морю вдоль западного побережья Новой Земли, мимо Маточкина Шара до мыса Нассау, к которому подошел 19 июня. Оттуда он повернул назад, следуя вдоль побережья на юг, и 29 июня вошел через Карские Ворота в Карское море. Тут он прошел по совершенно свободному от льдов морю до восточного берега Карского моря и поднялся вдоль Ямала к северу от Белого острова. К этому острову он подошел 7 августа и оттуда взял курс на Новую Землю, вдоль восточного берега которой спустился до Карских Ворот, через которые и направился обратно в Норвегию.[289]

В тот же год Карское море посетил английский спортсмен Джон Пэллизер,[290] который прошел через маточкин Шар и достиг Белого острова. Он вернулся через Югорский

Шар с богатой добычей [291] из мест, где моржи до тех пор безмятежно плавали среди льдин, а белые медведи еще не знали победителей. [292]

Эти плавания относятся к самым замечательным в истории арктического судоходства. Они опровергли все теории о ледовых условиях в водах к востоку от Новой Земли, часто основывавшиеся на слишком поверхностном изучении предыдущих неудачных плаваний, и поэтому являются началом новой эры в истории путешествий на северо-восток.

После возвращения в Норвегию Иоганнесен представил в Академию Наук в Стокгольме отчет о своем плавании в 1869 году и о выполненных им гидрологических наблюдениях в Карском море, за что и был награжден серебряной медалью. Доставить ему медаль было поручено мне, причем я во время обмена письмами по этому поводу шутливо заметил, что если бы ему удалось обогнуть Новую Землю, он несомненно получил бы золотую медаль от того же научного учреждения, которое дало ему серебряную. Летом 1870 года я отправился в Гренландию и вернулся оттуда поздно осенью. Тут я имел удовольствие узнать, что Иоганнесен прислал в Академию Наук новую записку, напечатанную затем в «Öfversigt af Kgl. Vet.-akad. förhandlingar för ar 1871» стр. 157: «Гидрографические на-

Норвежское зверобойное судно „Pröven", которым воспользовалась в 1875 году шведская экспедиция в Енисей

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

блюдения во время зверобойного плавания в 1870 году вокруг Новой Земли». На этот раз Иоганнесен, как и прежде, сначала крейсировал вдоль западных берегов Новой Земли, а затем 12 июля прошел через Карские Ворота. Отсюда он следовал мимо восточного побережья Вайгача до Местного острова, где встретился с ненцами, в результате чего сделал неожиданный для филологов вывод, что в ненецком языке «можно узнать отдельные норвежские слова». Наружность ненцев не была привлекательна. У них были плоские носы, очень косые глаза и у многих даже кривые рты. Ненцы встретили чужеземцев, выстроившись в два ряда; в первом стояли мужчины, во втором — женщины. Все были очень приветливы. 11 августа Иоганнесен достиг берегов Ямала под 71°48′ сев. шир., откуда направился к Новой Земле, чтобы взять воды и топлива. Он бросил якорь близ бухты Удде под 73°48′ сев. шир. и видел там штук двадцать диких оленей. После этого он снова пересек Карское море до Ямала.

В этом крейсировании по Карскому морю прошло лето. Иоганнесен напромышлял уже полный груз, но, несмотря на это, он решил теперь, в такое время года, когда зверобои обычно возвращаются в Норвегию, попробовать, нельзя ли вдобавок еще и выиграть

предложенный ему приз. Он сначала взял курс на северо-восток, потом на запад по направлению к северному побережью Новой Земли, которого достиг 3 сентября. Все море было здесь свободно от льда; Иоганнесен приписал это действию Гольфстрима, так как нашел среди плавника поплавки, употребляемые норвежскими рыбаками. Отсюда он вернулся в Норвегию, совершив плавание, которое современные ему географические авторитеты считали невозможным. Академия сдержала слово, данное без ее полномочия одним из ее членов, и удостоила отважного моряка золотой медалью. Иоганнесену было тогда 26 лет. Он был сыном опытного зверобоя и с детских лет принимал участие в плаваниях по Ледовитому океану, подготовляясь к деятельности, которой он себя посвятил.

В том же году еще несколько зверобоев совершили замечательные плавания по Карскому морю. Капитан Э. А. Ульве поднялся вдоль западного берега Новой Земли до 76°47′ сев. шир., затем прошел обратно до Маточкина Шара и через этот пролив 7 и 8 августа — в Карское море, оказавшееся совершенно свободным от льда, если не считать нескольких редких льдин вблизи берега. После того как Ульве прошел взад и вперед по Карскому морю, он через Карские Ворота вер-

нулся 24 августа на родину. Подобное же плавание совершил капитан Ф. Э. Мак. В течение времени с 28 июня по 8 июля он следовал на север вдоль западных берегов Новой Земли. Море было свободно от льдов между Печорой и полуостровом Адмиралтейства, за которым находился сплошной ледяной покров. Здесь собралось 14 парусников и 2 парохода. 8 и 9 июня были грозы. От полуострова Адмиралтейства Мак направился сначала на юг, а затем 18 июля вышел через Маточкин Шар в Карское море, которое было почти свободно от льда. Капитан П. Квале и навигатор А. О. Недреваг также проникли в Карское море через Югорский Шар и прошли здесь до 75°22′ сев. шир. и 74°35′ вост. дол. от Гринича.[293]

В 1871 году норвежские зверобои также совершили замечательные плавания по Карскому морю. Но из них только один, Мак, на шхуне «Полярная звезда» проник на восток дальше, чем все его предшественники. 14 июня Мак вошел в Карское море через Карские Ворота, но море было еще покрыто сплоченными льдами, толщина которых составляла 1,8—2 метра. Поэтому он повернул и пошел вдоль западного побережья Новой Земли на север до группы островов Гольфстрима (76°10′ сев. шир.),[294] у которых и простоял до 3 ав-

густа. Температура воздуха поднималась здесь до +10.5°. Название этим островам было дано норвежскими зверобоями потому, что на их берегах было найдено множество предметов, занесенных сюда Гольфстримом из более южных морей, как, например, пробковые рыболовные поплавки с берегов Норвегии, на которых зверобои часто находили знакомые им пометки владельцев, бобы Entada Gigalobium из Вест-Индии, пемзу с Исландии, обломки разбитых судов и т. д. 3 августа Мак обогнул самую северную оконечность Новой Земли. Отсюда он прошел в Карское море, где вначале встречал плавучие льды. Однако дальше лед исчез совершенно, и 12 сентября Мак достиг 75°25′ сев. шир. и 82°30′ вост. дол. от Гринича (согласно Петерману; 81°11′ долг. по «Tromsö Stiftstidende»). Обратный путь лежал через Югорский Шар, который Мак прошел 26 сентября.[295] В том же году Э. Иоганнесен тщетно пытался войти через южные проливы в Карское море, направился затем к северу вдоль западного побережья Новой Земли и покинул мыс Нассау только 15 октября.

Петерман приводит также замечательные судовые журналы норвежских капитанов зверобойных судов С. Тобисена, Г. К. Иоганнесена, И. Н. Исаксена, Сёрена Иоганнесена, Дёрма, Симонсена и Е. Карлсена, плававших

в 1871 году. Но так как ни один из этих отважных моряков не проник в этом году на север или на восток дальше тех мест, до которых доходили их предшественники, то в отношении этих путешествий я укажу только на литературный источник «Mitteilungen» за 1872 год (стр. 386—391 и 395), также как и на карты, включенные в тот же том этого журнала (табл. 19 и 20) и составленные Г. Молом из Христиании на основании обработки наблюдений его соотечественников. Но о плавании Е. Карлсена следует все же упомянуть, потому что тогда была открыта некоторым образом арктическая Помпея, удивительно хорошо сохранившаяся от разрушительного действия времени, только не под лавой и вулканическим пеплом, а под льдом и снегом. Когда Карлсен 9 сентября высадился на северо-восточном берегу Новой Земли под 76°7′ сев. шир., он нашел там развалины дома в 10 метров длины и в 6 метров ширины, давно покинутого и полного мусора и льда. В этом смерзшемся мусоре раскопали множество предметов домашнего обихода, книги, ящики и т. д., указывавшие на то, что это были остатки зимовки Баренца, которые теперь, триста лет спустя после того, как место это было покинуто, снова появились на свет и в такой хорошей сохранности, что давали живую кар-

тину обстановки, в которой европейцы впервые провели зиму в настоящей полярной стране. Карлсен поставил на этом месте знак, в который он вложил находившуюся в жестянке записку о своем открытии, а затем, взяв самые интересные из вещей, вернулся в Норвегию. Тут находка была сначала куплена за 10 800 крон англичанином мистером Эллисом Листер Кэй, который затем за ту же сумму передал реликвии голландскому правительству. Остатки зимовья Баренца выставлены теперь в комнате морского департамента в Гааге. Комната эта представляет точную копию внутренности дома Баренца на Новой Земле.[296]

После Карлсена зимовье Баренца посетил в 1875 году норвежский зверобой М. Гундерсен, который среди других вещей нашел разломанный ящик, содержавший две карты и голландский перевод описания путешествия Пита и Джекмэна, а в 1876 году — мистер Чарльз Гардинер, которому благодаря более систематическим раскопкам удалось извлечь множество интереснейших вещей. Среди них были чернильницы и перья, которыми полярные путешественники пользовались почти 300 лет назад, и пороховница, содержавшая подписанное Гемскерком и Баренцом донесение о судьбе экспедиции. Находка Гундерсена,

насколько мне известно, хранится в Гаммерфесте; находка же Гардинера передана голландскому правительству для сохранения в Гааге вместе с другими реликвиями Баренца.

В 1872 году состояние льдов как к северу от Шпицбергена, так и около Новой Земли было в высшей степени неблагоприятно.[297] Несколько научных экспедиций и зверобойных судов испытали в этом году в Ледовитом океане беды и неудачи. Пять отличных зверобойных шхун из Тромзе погибли во льдах; шведская экспедиция, вышедшая в этом году на север, не могла, как намеревалась, перезимовать на Семи островах, и ей пришлось остановиться гораздо южнее, в расположенной под 80° Моссельбэй; австрийская же экспедиция под начальством Пайера и Вейпрехта оказалась затертой льдами уже несколько часов спустя после того, как началось ее ледовое плавание. Две зимы подряд носило по Ледовитому океану эту тщательно снаряженную экспедицию, пока, наконец, она не очутилась у расположенной к северу от Новой Земли, до тех пор еще неизвестной, земли, которой дали название в честь австрийского императора Франца-Иосифа. Так как обе эти экспедиции не посетили районов, где впоследствии побывала «Вега», то я здесь не буду дольше задерживаться на них.[298] Но в том же

1872 году на западном побережье Новой Земли имела место зимовка, о которой я считаю нужным упомянуть подробнее отчасти потому, что тут нашел свою смерть один из отважнейших полярных мореплавателей Норвегии, отчасти потому, что она знакомит нас с различными новыми сторонами зимней жизни на далеком севере, которых до сих пор еще не касались.

Сиверт Тобисен был один из самых старых и отважных норвежских зверобоев; он всем существом отдался своему призванию и подвергался множеству опасностей, которые умел, однако, побеждать мужеством и находчивостью. В 1864 году Тобисен на парусном судне обогнул с северо-востока Северо-восточную Землю, взяв обильную добычу. Но на обратном пути вблизи южного входа в пролив Гинлопен судно его было затерто льдами; та же судьба постигла там и два других зверобойных судна, одно из которых вел старый зверобой-шкипер Маттилас, умерший зимой 1872/73 года в палатке вблизи Грейгука, а другое — шкипер И. Острем. Приходилось спасаться в лодках, в которых прошли через пролив Гинлопен и далее до выхода в Айсфиорд, где потерпевшие кораблекрушение встретили шведскую экспедицию 1864 года и были спасены ею.[299] Зиму 1865/66 года Тоби-

сен благополучно провел в избе на Медвежьем острове и дал шведской Академии Наук ряд ценных метеорологических наблюдений, производившихся во время зимовки.[300] После 1868 года Тобисен совершил несколько удачных зверобойных рейсов к Новой Земле; некоторые из них были замечательны в географическом отношении. В 1872 году он снова отправился на зверобойный промысел в те же места.

Потерпев неудачу при попытке войти в Карское море, Тобисен пошел вдоль западного побережья Новой Земли на север и в середине сентября застрял во льдах вблизи Крестовых островов. Отсюда семь матросов отправились на лодке на юг в надежде встретить какое-нибудь судно, а сам Тобисен с сыном и два матроса остались на судне. Из провианта у них была всего небольшая бочка хлеба, мешок корабельных сухарей, незначительное количество кофе, чаю, сахару, патоки, овсяной крупы, солонины, соленой рыбы, несколько фунтов жиру, две жестянки с консервированной зеленью, немного прогорклого масла и т. д. Топлива было достаточно как на судне, так и на берегу. Несмотря на недостаток предметов первой необходимости, оставшиеся на судне моряки приняли все меры для зимовки: собрали на берегу плавник, сложили

его в кучи, раскинули над судном парусину, защитили борта судна снегом, а палубу — шкурами тюленей и моржей, убитых летом, сделали все возможное, чтобы устроить на судне хорошую вентиляцию, и т. д. В начале зимовки приходило множество медведей, благодаря чему получались большие запасы свежего мяса. Пока этого мяса хватало, здоровье путешественников было хорошее, но когда под новый год мясу пришел конец, зимовщики в течение трех недель принуждены были питаться соленой вонючей медвежатиной. Тут заболели Тобисен и один из матросов. Мороз дошел до —39°.5 С. [301] 29 апреля 1873 года Тобисен умер от цынги. В мае заболел и его сын, который скончался 5 июля. В это время пришлось переселиться на берег, [302] так как в судне появилась течь. Двое оставшихся матросов также болели цынгой, но выздоровели. Они отправились в августе на лодке к югу, и их подобрало русское зверобойное судно.

Судьба семи остальных моряков из команды: гарпунеров Генриха Нильсена, Оле Андреаса Ольсена, Акселя Генриксена, Амандуса Ганзена, Нильса Андреаса Фоксена, Иогана Андерсена и Ларса Ларсена, отправившихся осенью на лодках на поиски какого-нибудь судна, была в высшей степени замечательна. Покинув судно, они могли взять с собой только 14 ко-

рабельных сухарей, 6 коробок спичек, два ружья с патронами, подзорную трубу, кофейник и котелок, но никакой зимней одеждой для защиты от стужи они не запаслись. Чтобы добраться до открытого моря, им сперва пришлось волочить лодку приблизительно 7 километров по льду. Затем они направились вдоль берегов к югу. Плавание было в высшей степени затруднительное. Мрак и холод усиливались, так же как и ненастье, но хуже всего было то, что очень быстро были уничтожены взятые с собой съестные припасы. Однако уже на следующий день матросам посчастливилось убить медведя; вскоре им удалось убить и двух тюленей. Наконец, пройдя частью на веслах, частью на парусах около 400 километров, на что ушло около трех недель (календаря у них с собой не было), они дошли до двух маленьких промысловых хижин, выстроенных русскими в северной части Гусиной Земли. Чтобы иметь хоть какой-нибудь кров над головой, измученные люди устроили здесь привал. В хижине не оказалось ни съестных припасов, ни одежды, ни орудий промысла. Все моряки были изнурены голодом, жаждой, холодом и продолжительным путешествием на лодке, ноги их распухли и у некоторых были даже отморожены.

Они прожили в лачуге около трех недель и за это время убили одного тюленя, двух песцов и четырех оленей, которыми и поддерживали свою жизнь. Но когда в дальнейшем исчезла надежда на появление оленей и не представлялось случаев убить тюленей или медведей, путники решили покинуть хижину и попытаться пробраться на Вайгач. Пускаясь в путь, Оле Андреас Ольсен и Генрих Нильсен взяли по ружью с патронами, остальные же пятеро тащили несколько маленьких санок, найденных в хижине и нагруженных всем их имуществом. Лодку же бросили. Вскоре после того, как моряки покинули хижину, поднялась метель, и Оле Андреас Ольсен и Генрих Нильсен потеряли из виду остальных товарищей. Пятеро матросов, тащивших санки, решили тогда бросить жребий — вернуться ли им в хижину или продолжать путь, и когда жребий выпал за то, чтобы продолжать путешествие, они и поплелись дальше на юг.[303]

Положение их было теперь совершенно отчаянное. При выходе из лачуги на каждого из них приходилось приблизительно ¼ килограмма оленьего мяса и немного сала. Погода была ужасная, одеты они были плохо, и кроме того ощущался недостаток в воде. Вследствие этого они в течение дня могли делать только очень небольшие переходы. Ночью они зары-

вались в снег, и пока остальные спали, один человек все время стоял на страже и следил, чтобы его товарищей не засыпало снегом и чтобы медведи не подходили слишком близко. Несмотря на все страдания, путники благополучно прожили до шестой ночи. Тут умер Амандус Ганзен. Остальные должны были покинуть умершего товарища в снегу и продолжали путь. Но мало-по-малу они так изнемогли, что, пройдя километров 100, большею частью вдоль берега, принуждены были бросить даже санки и часть захваченных с собой вещей. На седьмой или восьмой день они увидели сложенную кучу топлива и следы саней на снегу. Моряки прошли по этим следам приблизительно километров 10 и увидели лачугу, обитателями которой оказались ненцы, гостеприимно встретившие путешественников. Особенную заботливость выказали ненцы Нильсу Андреасу Фоксену, отморозившему себе пальцы ног и ослабевшему больше других.

Эти ненцы — трое мужчин, три женщины и один мальчик — говорили по-русски. Они поселились на зиму в южной части Гусиной Земли ради охоты на тюленей и моржей. У них был большой баркас, кроме того несколько маленьких ненецких лодок и сравнительно хорошие запасы оленины, муки, чаю, сахару и т. д. Ружья их были старые кремне-

вые, но стреляли они метко. У этих людей четверо потерпевших кораблекрушение мореплавателей прожили всю зиму, и туземцы относились к ним очень дружелюбно. Когда позволяла погода, матросы помогали ненцам бить тюленей, а в ненастье проводили время, как пришлось, причем ненцы охотно играли с ними в карты и в шашки. Чтобы избежать цынги, ненцы часто находились в движении на воздухе, ели оленье мясо наполовину сырым и пили кровь. Они жили в хижине до марта, когда из-за недостатка топлива жилище пришлось превратить в дрова. Теперь ненцы поселились в чуме — палатке из оленьих шкур.

Ненцы эти были христианами, но представление о новом боге у них было очень странное. Если они, например, видели тюленя и не попадали в него из ружья, то стреляли в солнце, так как думали умерить этим гнев бога. Сожительство мужчин с женщинами представляло нечто вроде брака, но когда муж был недоволен женой или она ему надоедала, он мог брать себе другую. Часов у них не было, но ненцы довольно хорошо определяли время по звездам и по солнцу; календарем служила деревянная палка, на которой они каждый день делали зарубки. Несмотря на то, что ненцы иногда бранились и

ссорились друг с другом, они в общем были миролюбивы и уступчивы и выказали много доброты по отношению к потерпевшим кораблекрушение норвежцам: они снабдили их теплой меховой одеждой и все время давали им обильную пищу, так что те ни в чем не нуждались.

У Оле Андреаса Ольсена и Генриха Нильсена, когда метель разлучила их с товарищами, у каждого было по ¼ килограмма мяса и по ружью. Застрелить какого-нибудь зверя им не удалось, и хотя они и недалеко отошли от хижины, все же понадобилось 3½ суток, пока им удалось туда вернуться. Но во время поисков хижины эти два товарища по несчастью были разлучены. Генрих Нильсен первый нашел желанную хижину, развел огонь и зажарил несколько кусков оставшегося там песцового мяса. Оле Андреас Ольсен, в отчаянии пытавшийся утолить жажду морской водой, заболел и так обессилел, что, добравшись ночью до лодки у самого берега, уже не мог дойти до дому. Он поддерживал свою жизнь тем, что сосал снег и куски своей шубы, сделанной им же самим из сырых шкур оленей. Пролежав некоторое время в лодке, он дополз до дома, где нашел Генриха спящим у еще несовсем погасшего огня. На следующий день оба принялись за

приготовления к продолжительному пребыванию в доме. В хижине не было ничего — ни съестных припасов, ни предметов обихода. В первое время им не удавалось раздобыть себе пропитание охотой, и они более четырнадцати дней поддерживали жизнь тем, что разваривали и глодали мясо на оленьих, тюленьих и медвежьих костях, оставшихся под снегом после охоты в прошлом году русских зверопромышленников. Наконец, во второй половине декабря им посчастливилось застрелить оленя. Когда запас фосфорных спичек кончился, товарищи добывали огонь, зажигая при помощи ружейного выстрела щипаный канат, посыпанный порохом. Одну лачугу они разобрали и превратили в топливо. У них не было ни топора, ни пилы и дрова они разрубали с помощью куска железа, оторванного от киля лодки и отточенного камнем. Несколько гвоздей, также вытащенных из лодки, они отточили и превратили в шила; оленьи жилы служили вместо ниток, и моряки могли шить себе одежду из шкур.

Так прожили они до апреля. За это время они убили одиннадцать оленей и одного медведя, так что, собственно, не страдали от голода, но в середине апреля у них осталось пороху только на три заряда. Видя невозможность просуществовать дольше в этом месте,

Яхта „Утренняя Заря"

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

они решили отправиться далее на юг, чтобы как-нибудь добраться до Вайгача. Они бросили у хижины лодку и пустились в путь пешком вдоль берега моря. Несколько дней спустя они пришли к тем же самым ненцам, у которых жили четверо их товарищей. У ненцев они оставались до середины июня, и туземцы относились к ним с таким же гостеприимством, как и к их товарищам по несчастью. К этому времени решено было достать лодку, покинутую у лачуги русских, для того чтобы попытаться проплыть на юг, но Иоган Андерсен, швед по рождению, заявил, что он хочет остаться здесь у ненцев и не желает сопутствовать пяти товарищам в их странствовании домой.

Матросы два дня волокли лодку по льду, но так как она оказалась слишком тяжелой, они разрубили ее пополам и бросили одну часть на дороге. Из большой тюленьей шкуры, полученной ими в подарок от ненцев, они сделали корму к другой половине лодки, которую и продолжали тащить по льду, пока не дошли до открытой воды. Затем они проплыли на этой полулодке 10 дней, пока не добрались до кромки неподвижного льда у одного из островков около Вайгача, где снова встретили ненцев. И у этих туземцев, не говоривших ни по-русски, ни по-квенски и с которыми они

с трудом объяснялись знаками, их ожидала дружеская встреча. Норвежцы, ни в чем не нуждаясь, пробыли тут восемь дней. У ненцев были домашние олени, на которых они повезли потерпевших крушение мореплавателей на юг, пока не встретили корабль, на котором четверо матросов вернулись в Норвегию. Теперь и Ларс Ларсен не пожелал возвращаться домой и захотел остаться у ненцев. Но жизнь ненцев, повидимому, не была уж так привлекательна, потому что год или два спустя оба оставшиеся у ненцев моряка вернулись в Норвегию.

В награду за гостеприимство, оказанное зверобоям, потерпевшим кораблекрушение у Гусиной Земли, ненцы получили от норвежского правительства множество подарков, состоявших из одежды, бус, ружей, заряжающихся с казенной части, и т. д., которые были переданы им с торжественными речами и тостами 17 июля 1881 года. Во время праздника, данного по этому случаю на Новой Земле, пили шампанское, и рассказывают, что напиток этот пришелся очень по вкусу ненцам. [304]

Как и Тобисен, другие зверобои также не могли ни в 1872, ни в 1873 году проникнуть в Карское море, вход в которое в оба эти лета был заперт полосой сплоченных льдов, простиравшихся вдоль восточных берегов Но-

вой Земли и Вайгача до материка. По мнению многих опытных зверобоев, этот ледяной пояс должен был быть всего в несколько морских миль шириной, и можно предполагать, что и в эти годы осенью не было препятствий для прохождения дальше на восток.

В 1874 году ледовая обстановка была, напротив, вполне благоприятна, и многие зверобои попрежнему исходили вдоль и поперек Карское море, которое в этом году, между прочим, посетил англичанин, капитан И. Виггинс. Но ни один из них все же не проник дальше на восток или на север, чем Иоганнесен, Карлсен, Мак и др. в 1869—1870 годах.

Зато в последующем году, когда мне удалось на зверобойном парусном судне «Pröven» под командой капитана Исаксена пройти 2 августа Югорский Шар и далее через почти свободное от льдов Карское море до устья Енисея, плавания на северо-восток сделали важный шаг вперед как в географическом, так и в практическом отношении. «Pröven» бросил якорь 15 августа 1875 года в той прекрасной гавани или, вернее, у входа в нее, где «Вега» стояла на якоре 6—10 августа 1878 года. Отсюда я с некоторыми трудностями прошел в беспалубной лодке вместе с д-ром Стуксбергом, д-ром Лундстремом и тремя матросами вверх по реке до Заостровского, где мы за-

стали пароход, на котором и добрались до Енисейска. При выходе из гавани Диксона я передал командование «Pröven» д-ру Чельману, который вместе с д-ром Телем вернулся в Европу под парусами через Карское море и Маточкин Шар, пройденный ими 4—11 сентября.

Благодаря плаванию 1875 года я оказался первым, которому на морском судне удалось проникнуть из Атлантического океана к устью одной из больших сибирских рек. Так была разрешена одна из задач, которые ставили себе путешественники на северо-восток. Решение этой задачи обещало очень большие практические результаты для всей Сибири. Влиятельные в России лица придавали этому путешествию такое большое значение, что наша обратная поездка из Енисейска через Красноярск, Томск, Омск, Екатеринбург, Нижний-Новгород, Москву и Петербург была сплошным торжеством. Но одновременно стали раздаваться голоса, что успех «Pröven» основан на случайном совпадении счастливых обстоятельств, которые не так скоро могут повториться. Желая доказать неправильность этих взглядов, а вместе с тем быть первым, доставившим в Сибирь товары морским путем, я предпринял второе плавание в Енисей в 1876 году, во время которого я на пароходе «Ymer»

проник не только в устье реки, но и вверх по течению до селения Яковлева под 71° сев. шир. Отсюда я в том же году вернулся морем в Европу.[305] В Енисейской губе я открыл значительный остров, который я назвал в честь Александра Михайловича Сибирякова, взявшего на себя большую часть расходов экспедиции.[306] До начала этого путешествия я посетил всемирную выставку в Филадельфии. Я покинул Ньюйоркскую гавань на обыкновенном пассажирском пароходе и в Норвегии перешел на свое собственное судно, на котором 15 августа, т. е. через сорок шесть дней, достиг устья Енисея.

В том же году плавание в Енисей предпринял капитан Виггинс, причем он поднялся на пароходе вверх по реке до лабиринта островов, расположенного между 70 и 71° сев. шир. Судно здесь перезимовало, но следующей весной погибло во время ледохода.[307]

Плавания «Pröven» и «Ymer» положили начало торговому судоходству в Енисей и Обь. Из этих рейсов я здесь вкратце упомяну только о следующих.

Шведский пароход «Фразер» под командой немецкого капитана Дальмана, снаряженный в Гетеборге на счет Сибирякова, ходил в 1877 году с грузом из Бремена в Енисей и обратно. Судно покинуло Гаммерфест 9 ав-

густа, пришло в Гольчиху 21 августа, вышло в обратный путь 14 сентября и 24-го того же месяца вернулось в Гаммерфест.

Пароход «Луиза» под командой капитана Даля, с грузом железа, оливкового масла и сахара, совершил в тот же год первое плавание из Англии в Тобольск. Даль вышел из Гулля 18 июля и пришел в Тобольск 20 сентября.[308]

Капитан Шваненберг плавал на построенном в Енисейске полупалубном судне «Утренняя заря» из Енисея в Европу. К тому, что я уже ранее говорил про это плавание, можно добавить еще несколько слов.

Во время весеннего половодья в 1877 году, заставившего штурмана Нуммелина в течение недели спасаться на крыше хрупкого жилища, в котором он провел зиму, погибло построенное в Енисейске судно «Северное сияние». Шваненбергу, вскоре затем прибывшему в эти места, удалось купить у англичанина, мистера Сибома, другое маленькое судно, также построенное в Енисейске Бойлингом для доставки товаров, которые я в 1876 году привез и оставил в Кореповском зимовье на берегу Енисея под 71°19′ сев. шир. Между тем, товары успели нагрузить на другое судно и отправить на место их назначения. Не нуждаясь более в судне, Бойлинг продал его мистеру

Сибому, который совершил на нем экскурсию для орнитологических исследований по нижнему течению. Он назвал судно «Ибис». Когда «Ибис» больше уже не был нужен мистеру Сибому, сначала был поднят вопрос о передаче его капитану Виггинсу, который, как упомянуто выше, за год до этого пришел на Енисей на маленьком паровом судне, зимовавшем возле островов на реке и погибшем во время весеннего ледохода. Виггинс намеревался перевезти на «Ибисе» команду своего погибшего судна либо в Англию, либо на Обь, но английские матросы заявили, что они ни за какие блага мира не станут плавать на таком ненадежном судне. Вследствие этого Шваненбергу и представился случай купить судно, название которого он теперь переменил на «Утреннюю зарю». К удивлению всех опытных моряков, Шваненберг благополучно довел его из Сибири в Норвегию. Далее судно пошло на буксире вдоль норвежских берегов до Гётеборга, затем через Готский канал в Стокгольм и, наконец, через Балтийское море в Петербург.

13 августа Шваненберг поднял на своем маленьком судне русский флаг. В устье Енисея он встретил пароход Сибирякова «Фразер» под начальством капитана Дальмана, напрасно убеждавшего Шваненберга отказаться от ри-

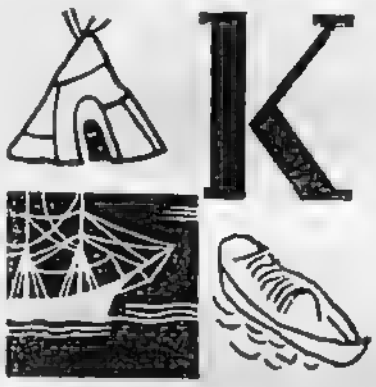
скованного плавания. 24 августа «Утренняя заря» стала на якорь у Белого острова, 30-го прошла Карские Ворота и 11-го прибыла в Вардё. В Христианию «Утренняя заря» пришла 31 октября, в Гётеборг 15 ноября, Моталу миновала 20 ноября, к Стокгольму подошла 23 ноября и к Петербургу 3 декабря. В Скандинавии повсюду сердечно приветствовали отважных мореплавателей. «Утренняя заря» была первым судном, прошедшим от города Енисейска в Европу, и еще сейчас, когда пишутся эти строки, оно остается единственным.

«Утренняя заря» имела в длину 17 метров, в ширину 4 метра и осадку в 2 метра. В кормовой части была устроена маленькая каюта, едва вмещавшая трех человек. На носу был расположен камбуз. Груз состоял из небольшого количества графита, рыбы, мехов и различных образцов продуктов Сибири.

Экипаж состоял из капитана Шваненберга, штурманов Нуммелина и Мейенвальда и двух ссыльных, возвращавшихся этим неожиданным способом на родину.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Отплытие из гавани Диксона. Высадка на скалистый островок к востоку от Енисея. — Находка кристаллов на поверхности льдин — Космическая пыль. — Стоянка в заливе Актиния. — Открытие Иоганнесеном острова Уединения. — Прибытие на мыс Челюскина.— Природа этой местности — Попытка пройти прямо на восток к Новосибирским островам.— Действие тумана. — Богатый улов драгой. — Остров Преображения — Прощание с «Леной» против устья реки Лены.



КОГДА «Фразер» и «Экспресс» утром 9 августа двинулись вверх по реке к месту склада предназначенного для них груза, «Вега» и «Лена» были также готовы к плаванию. Я, однако, приказал этим судам задержаться еще сутки в гавани Диксона, чтобы дать лейтенанту Бове возможность закончить съемку берегов и определить астрономический пункт в этой важной местности. Однако вследствие того, что небо непрерывно было покрыто тучами, у нас, как

и во время путешествия 1875 года, не было возможности произвести необходимые наблюдения. Отсюда можно судить о погоде летом в местности, где теплые воды Енисея изливаются в Ледовитый океан. Таким образом, «Вега» и «Лена» снялись с якоря только 10 августа утром. Курс был взят на самый западный из островов, показанных на старинных картах против входа в Пясинский залив и названных Каменными. Название это как бы указывает на то, что острова по своему строению схожи с утесистыми островами около гавани Диксона. Небо было покрыто тузами, температура воздуха доходила до +10°.4 С, а температура воды утром до +10° С, а вечером — до +8°, содержание соли на поверхности моря было незначительно. В течение всего дня льдов не было видно. Благодаря свежему юго-восточному ветру «Вега» могла итти на всех парусах. Небольшие скалистые островки, не нанесенные на морскую карту, скоро напомнили нам о ненадежности карт. Это обстоятельство и плохая видимость заставили капитана Паландера итти с большой осторожностью, зорко высматривая вперед и беспрерывно бросая лот. Теплая погода и свободное от льдов море благоприятствовали нам и следующий день. Но затем туман стал так сгущаться, что уже утром «Веге» пришлось

остановиться у одного из островков, которые постоянно встречались на нашем пути.

Д-р Чельман, д-р Альмквист, поручик Нордквист и я сошли здесь на берег. Совершенно пустынный и обнаженный остров состоял из гнейса, который то тут, то там выступал наружу в виде скал, расколотых морозом и довольно обильно заросших лишайником. В некоторых низменных местах камни были покрыты мелким наносным материалом, который вследствие высыхания и сморщивания образовал шестиугольные пластинки, имевшие в поперечнике большею частью 0,3—0,5 метра. Сами пластинки были совершенно лишены растительности, только в трещинах, которыми они отделялись друг от друга, были видны жалкие мхи, лишайники и цветковые растения. Последних удалось найти пятнадцать видов, 309 которые могли выдержать борьбу за существование на этих маленьких пустынных скалах, не защищенных никакими возвышенностями от бурь Ледовитого океана. Среди этих видов было, однако, очень много таких, которые не давали плодов. Даже большая часть мхов была здесь бесплодна, за исключением росших на твердом глинистом, покрытом торфом краю лужи, наполненной солоноватой водой и расположенной у самого берега моря. Множество раскиданных вокруг лужи кусков плав-

ника указывало на то, что это место по временам заливалось морской водой, что, повидимому, благоприятно влияло на развитие растительности. Из лишаев д-р Альмквист нашел несколько видов, хорошо развитых и попадавшихся в сравнительно большом количестве. В море же, несмотря на то, что находившиеся кругом рифы представляли прекрасный грунт для водорослей, высшие формы водорослей отсутствовали, и д-р Чельман нашел только один микроскопический вид.

Никаких млекопитающих не было видно, даже белого медведя, обычного обитателя пустынных скал Ледовитого океана, который в местностях, где он еще не познакомился с пулей или рогатиной промышленника, в беспечном сознании своей еще неукрощенной силы редко упускает случай рассматривать новопришедших гостей с высоких ледяных глыб или скал.

Из птиц мы нашли здесь всего шесть видов. Прежде всего наше внимание привлек жаворонковый подорожник, покинувший плодородные южные горы, чтобы избрать для высиживания яиц этот одинокий голый островок Ледовитого океана. Птица вилась над грудой камней, где находилось ее гнездо, с непрестанным щебетом, точно желая этим показать, что она довольна сделанным выбором.

Далее мы наблюдали еще два вида голенастых — Tringa maritima и Phalaropus fulicarius, сновавших без устали по берегу, на котором они отыскивали пищу, состоявшую из насекомых. Зобы убитых птиц часто были полны насекомых, несмотря на то что птицы эти жили в местности, где естествоиспытателю стоит больших трудов отыскать дюжину комаров или равных с ними по величине насекомых. Обстоятельство это свидетельствует о высоко развитом зрении, о подвижности и сообразительности пловунчика, когда дело касается ловли насекомых. Трудно понять, что привлекает этих насекомоядных птиц в одну из самых бедных насекомыми местностей земного шара. Также встречался поморник, гроза чаек, и смелая крачка; попадалась и чернозобая казарка (Anser bernicla). Гаг же, напротив, здесь не было видно. Все названные виды птиц попадались только в незначительном количестве. Здесь не было ничего похожего на оживление, которое видишь на птичьих островах у Шпицбергена.

В заключение следует упомянуть, что поручик Нордквист нашел под камнями и кусками плавника несколько насекомых и среди них одного жука. Экземпляр того же вида нашел позднее д-р Стуксберг на мысе Челюскина.

На Шпицбергене жесткокрылые не встречаются, хотя бо́льшая часть островов этой группы в отношении климата, почвы и растительности находится в гораздо более благоприятных условиях, чем местность, о которой здесь идет речь. Это указывает на то, что в высшей степени малочисленная фауна насекомых на Шпицбергене занесена сюда в позднейшие времена и что распространение жесткокрылых затрудняется их неспособностью переправляться через широкие водные пространства.

К вечеру погода снова немного прояснилась, и мы могли продолжать путь. По временам показывались отдельные пловучие льды, а ночью льды появились в таком количестве, что это стало вызывать беспокойство. Но все же их было не так много, чтобы в ясную погоду или в знакомом фарватере они могли стать помехой для плавания.

12 августа мы все время шли среди рассеянных ледяных полей значительных размеров, частью состоявших из крупно-зернистого старого льда, частью из сильно изъеденного годовалого. Лед этот не представлял серьезного препятствия для продвижения вперед, а ближе к берегам море, вероятно, было совершенно свободно от льдов, но, конечно, было неблагоразумно в туман и в незнакомом

Antedon Eschrichtii J. Müller
с Таймырского побережья

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н.

фарватере приближаться к земле больше, чем этого требовала необходимость. Около большой стамухи, у которой мы несколько часов стояли, плавало множество рыбы (Gadus polaris). На следующий день мы увидели через прозрачную воду у одного из островков дно моря, усеянное бесчисленными мертвыми рыбами этого вида. Рыба, повидимому, погибла от той же самой причины, которая часто убивает рыб в Оби в таком огромном количестве, что даже воздух делается зловонным.[310] Причина эта заключается в том, что большая стая рыб оказывается запертой льдами в узком пространстве, где вода, когда поверхность ее замерзает, не может восстановить использованного кислорода поглощением его из воздуха, и рыба в полном смысле слова задыхается. Я упоминаю об этой находке умерших не насильственной смертью рыб, так как умершие такой смертью позвоночные, даже рыбы, встречаются редко. Подобная находка заслуживает гораздо бо́льшего внимания, чем, например, появление хорошо известных видов животных вблизи мест, где их прежде видели тысячи раз.

Во время моих девяти экспедиций в арктические области, летом чрезвычайно богатые животной жизнью, мне очень редко приходилось находить остатки умерших подобным об-

разом позвоночных. Вблизи мест охоты, конечно, часто встречаются остатки околевших от стреляной раны оленей, тюленей, песцов или птиц, но умершего естественной смертью оленя мне на Шпицбергене никогда не приходилось видеть, как я никогда не видел умершего естественной смертью белого медведя, тюленя, моржа, белуху, лисицу, гуся, кайру и т. д.[311] Между тем, белых медведей и оленей там живут сотни, тюленей, моржей и белух — тысячи, птиц — миллионы. Бесчисленное множество этих животных должны умирать «естественной» смертью. Куда деваются их трупы? В настоящее время мы об этом не имеем никакого понятия, выяснение же этого вопроса имеет громадное значение при решении множества важных проблем, касающихся образования отложений, содержащих окаменелости. Удивительно то, что на Шпицбергене легче найти позвонки исполинских ящеров третичного периода, чем кости околевших тюленя, моржа или птицы, и то же относится к более южным населенным местностям.

13 августа мы снова прошли мимо множества небольших скал и островков. Море вначале было довольно свободно от льдов, но дальше стали появляться ровные, тонкие льдины без торосов, что указывало на то, что этот лед зимой не подвергался давлению. Лед

этот не препятствовал плаванию, но скоро все погрузилось в чрезвычайно густой туман, заставивший нас отдать якорь в маленькой бухте близ берега. Я напрасно пытался выяснить положение места. На берегу почти повсюду виднелся довольно высокий рубан из снега и льда, казавшийся издали сквозь туман огромным ледником. Вообще же земля была свободна от снега. Местность эта по ее геологическому строению, фауне и флоре совершенно походила на островок, только что описанный мною. Вода в море была здесь прозрачная и соленая, и д-р Чельман извлек со дна множество довольно крупных водорослей, а д-р Стуксберг — морских беспозвоночных.

Когда туман рассеялся, мы снова пустились в путь, но не успели мы выйти в море, как нас опять окутал такой густой туман, что мы принуждены были на ночь пристать к большой пловучей льдине. Здесь мы добыли много прекрасных животных форм, морских звезд, Astrophyton, Antedon и т. д. Кроме того, здесь была сделана в высшей степени замечательная, а для меня еще и сейчас загадочная находка.

Несколько лет тому назад я обратил внимание на важность исследования космической пыли, падающей на поверхность земли вместе с атмосферными осадками, и доказал, что часть этой пыли несомненно исходит из миро-

вого пространства. Вследствие этого ничтожный пылеобразный осадок этот имеет огромное значение для истории развития нашей земли и вызывает напряженный интерес, который мы невольно проявляем ко всему, что дает нам положительные сведения о находящемся вне нашей земли материальном мире. Населенные части земли менее пригодны для таких исследований, так как падающие тут в незначительном количестве частицы космического вещества только с трудом можно отличить от культурной пыли, исходящей из человеческих жилищ, от отходов производства, из труб паровых машин и заводов. Совершенно иначе обстоит дело на снеговых и ледяных полях полярных стран, находящихся на большом расстоянии от человеческих жилищ и путей пароходов. Тут легко различается и может быть сохранена каждая пылинка чуждого происхождения, и очень вероятно, что культурные отходы здесь почти совершенно отсутствуют. Поэтому понятно, что я не желал упустить случая для возобновления исследований в удобной обстановке, которую представляла нам наша вынужденная стоянка у ледяного поля.

Тотчас же после того, как «Вега» пришвартовалась, я сошел на лед для поисков на его поверхности той космической, содержащей ме-

талл, пыли, которую я раньше встречал к северу от Шпицбергена. Но ничего похожего я, к сожалению, здесь не увидел. Зато Нордквист заметил на снегу небольшие желтые пятна, которые я просил его собрать вместе с снегом и передать для исследования д-ру Чельману. Я предполагал, что пятна эти были образованы диатомовой слизью, но Чельман после исследований заявил, что найденные тельца не органического происхождения, а представляют кристаллические зерна песку. После этого и я также ближе исследовал их, но, к сожалению, только утром, когда мы покинули ледяное поле, нашел, что они представляют бледножелтые кристаллы (а не осколки кристаллов) без примеси инородных веществ. Вес кристаллов, полученных приблизительно из трех литров снега, снятых с площади около 10 квадратных метров, достигал 0,2 грамма. Кристаллы попадались только на поверхности снегового покрова, но не в более глубоких слоях. Они имели всего 1 мм в поперечнике, повидимому, принадлежали к ромбической системе и состояли из притупленных с обоих концов призм с ясной спайностью. К сожалению, я не мог сделать настоящих кристаллографических измерений, так как после пребывания некоторое время на воздухе кристаллы выветривались и превращались

в белый аморфный порошок. Целую ночь кристаллы пролежали в воде, образовавшейся от таявшего снега, но растворения заметно не было. При нагревании они распадались в белый безвкусный порошок. Этот порошок, образовавшийся от выветривания кристаллов, был по возвращении (21 месяц спустя после нахождения кристаллов) подвергнут анализу и оказался состоящим исключительно из углекислого кальция!

Состав и происхождение этого вещества кажутся мне в высшей степени загадочными. Это не был обыкновенный углекислый кальций; кристаллы не были ромбоэдрические и не обладали свойствами известкового шпата. Об арагоните здесь также не может быть речи, хотя последний, конечно, мог «сам собой» распасться, но в таком случае новообразованный порошок был бы кристаллическим. Не представляют ли эти кристаллы новый, содержащий воду, карбонат кальция, выкристаллизовавшийся из морской воды при большом холоде и затем потерявший содержавшуюся в нем воду при температуре в 10—20° выше точки замерзания? Но в таком случае кристаллы встречались бы не на поверхности снега, но глубже, на поверхности льда. Или не упали ли эти кристаллы на поверхность земли из мирового пространства и до распадения предста-

вляли, быть может, вещество, состав которого также отличался от состава веществ земного происхождения, как и различные химические соединения, найденные в последнее время в метеоритах? За это говорит нахождение кристаллов в верхнем слое снега и их распадение на воздухе. При современном состоянии науки ответить на эти вопросы, к сожалению, нет возможности, но, во всяком случае, находка эта является еще одним напоминанием полярным мореплавателям о необходимости тщательно собирать с поверхности снеговых полей, лежащих в стороне от проторенных морских путей, незнакомые вещества, как бы ни было ничтожно их количество. Так как на вопрос этот вернее и легче всего можно ответить исследованиями именно в полярных странах, то я здесь, к сведению будущих путешественников, перечислю некоторые подобные же находки, сделанные мною или по моему указанию. [312]

1. В начале декабря 1871 года в Стокгольме был необычайно сильный снегопад, какого не помнили даже старожилы. Много людей погибло, засыпанные снегом под самым Стокгольмом. В последние дни этого снегопада я приказал собрать около 1 кубического метра снега и дать ему растаять на простыне. Остался осадок черного порошка, содержав-

шего частички металлического железа, извлекавшиеся магнитом.

2. В середине марта 1872 года подобный же опыт был сделан моим братом Карлом Норденшельдом в отдаленной лесистой местности близ Эвойс в Финляндии. Тут при оттаивании снега также получился небольшой осадок, состоявший из черного порошка, содержавшего металлическое железо.

3. 8 августа и 2 сентября того же года я исследовал скопления снега на льду к северу от Шпицбергена под 80° сев. шир. и 13—15° вост. долг. Верхний слой состоял здесь из свежевыпавшего снега, за ним шел слой в 8 миллиметров толщины из затвердевшего старого снега, затем слой кристаллического зернистого снега толщиной в 30 миллиметров и, наконец, обычный зернистый затвердевший снег. Третий слой был полон мелких черных зерен, среди которых находились многочисленные металлические частицы, извлекавшиеся магнитом и содержавшие железо, кобальт и, повидимому, никель.

4. При оттаивании 500 граммов града, выпавшего в Стокгольме осенью 1873 года, получился подобный же осадок в виде металлических блесток, содержавших кобальт (никель). Металлические частицы в этом случае могли попасть с окружающих крыш, потому что град

собирали на дворе, который был окружен домами, крытыми железными листами, выкрашенными в красный цвет. Но черный цвет заключавшегося в граде металлического осадка, положение его внутри градинок и, наконец, содержание кобальта — свидетельствуют, что и здесь происхождение осадков совсем другое.

5. В пыли (криоконите), собранной на гренландском материковом льду в июле 1870 года, также были найдены примеси металлических железных зерен, содержавшие кобальт. Главная масса состояла из кристаллического силиката с двойным преломлением, пропитанного дурно пахнущим органическим веществом. Вещество это попадалось в большом количестве на дне многочисленных маленьких луж на поверхности материкового льда. Вряд ли оно было вулканического происхождения, так как своим кристаллическим строением коренным образом отличалось от стеклообразной массы, обычно выкидываемой вулканами и заносимой ветром в далекие страны. Вещество это также отличалось и от пепла, выброшенного вулканами Исландии и падавшего 30 марта 1875 года в значительном количестве во многих местах средней Скандинавии. В то время как криоконит состоит из маленьких осколков кристаллов с двойным преломлением без стекловидных примесей, вулканический пепел, най-

денный около дворца Гага,[313] состоит из микроскопических стеклянных пузырьков.

Подобные же исследования производились позднее, Тиссандье в Париже и во время английской полярной экспедиции Нэрса.

Многие, быть может, считали, что заниматься таким незначительным явлением, как падение на землю небольшого количества вещества неизвестного происхождения, недостойно науки. Но такой взгляд неправилен. Я определяю количество вещества, найденного на льду к северу от Шпицбергена, в 0,1—1 миллиграмм на квадратный метр, но, вероятно, количество ежегодно выпадающей космической пыли гораздо значительнее, чем вышеназванная цифра. Миллиграмм на квадратный метр поверхности земли дает для всей земли около пятисот миллионов килограммов. Такая масса, накапливающаяся в течение геологических периодов из года в год, представляет слишком важный фактор, чтобы можно было проходить мимо него при установлении основ геологической истории нашей планеты. Продолжение этих исследований, быть может, укажет, что наш земной шар постепенно вырос от незначительной величины до больших размеров настоящего времени и что значительная доля составных частей наших осадочных образований, в особенности отложившихся в открытом море

далеко от берега, — космического происхождения. Подобные исследования дадут также неожиданное объяснение происхождения вулканических очагов и простое объяснение удивительного сходства, существующего между плутоническими горными породами и метеоритами.

14 августа, когда туман немного рассеялся, мы пошли дальше, но скоро снова принуждены были стать на якорь в бухте, врезавшейся с северной стороны Таймырского пролива в остров Таймыр, которую я назвал бухтой Актиния по множеству извлеченных здесь со дна актиний. Но это, впрочем, не единственное место в Карском море, которое могло бы получить название по кишащей там неожиданно богатой фауне беспозвоночных.

Неблагоприятная погода задержала нас в бухте Актиния, представляющей хорошую и прекрасно защищенную гавань, до 18 августа, и в течение этого времени мы совершали небольшие экскурсии в различные места, между прочим также в глубь Таймырского пролива, где господствуют сильные переменные течения. Пролив этот слишком мелководен для прохождения через него больших судов. Горные породы по берегам Таймырского пролива состоят из гнейса. Поверхность земли представляется здесь в виде низких гряд, выветрив-

шихся от действия морозов и превратившихся в огромные каменные россыпи. Среди возвышенностей тянутся обширные долины и равнины, бывшие в то время свободными от снега, если не считать оставшихся в расщелинах то тут, то там снежных сугробов. Равнины были покрыты зеленеющей растительностью, которая однако, при ближайшем рассмотрении оказалась не настоящим ковром из травы, а смесью травы, полутравы и множества мхов и лишайников. Настоящих цветов здесь встречается мало. [314]

В этом отношении прибрежная тундра к востоку от Енисея совершенно несхожа с побережьями Вайгача и Новой Земли. Обилие же густых лишайников и мхов было, наоборот, поразительное. Мхи на морском берегу и у краев снежных сугробов приносили обильные плоды. Животная жизнь на берегу была скудная; мы видели несколько оленей, убили песца и поймали лемминга.

Из птиц в довольно большом количестве встречались совы (Strix nyctea), из которых одну удалось убить; соколиный вид, за которым напрасно охотились; пуночки, во множестве высиживавшие яйца среди обвалов камней; выводок белых куропаток, из которого застрелили нескольких птенцов; шесть видов голенастых — самые распространенные в этой

местности птицы, из которых убили множество; два вида чаек (Larus glaucus и trydactilus); поморники (Lestris parasitica) и Buffonii, причем последний вид очень распространенный; чернозобая казарка (Anser bernicla), довольно распространенная, и, наконец, ледяные утки (Harelda glacialis), большими стадами плававшие в проливе. Вообще птичье царство здесь очень бедно по сравнению с тем, что мы привыкли видеть в северных странах к западу от Новой Земли.

В море высшие виды животных встречались в бóльшем разнообразии. Во время пути от Енисея мы видели моржа, а на плавающих в проливе льдинах было множество тюленей, как Phoca barbata, так и Phoca hispida. Это давало повод предполагать, что на дне моря существует богатая жизнь, что и оправдалось на деле. При нашем прибытии нигде не видно было следов человеческого пребывания, но теперь каменный столб обозначает место, где стояли «Вега» и «Лена».

В этом море, прежде никогда не посещавшемся судами, мы, впрочем, все же едва не столкнулись с земляками. В то время, когда мы стояли на якоре в Таймырском проливе, недалеко от нашей стоянки находилось парусное судно «Нордланд» из Тромзе, которым командовал капитан Эдвард Иоганнесен. Он

покинул Норвегию 22 мая 1878 года, пришел 6 июня к Гусиной Земле (на Новой Земле) и достиг 22 июля северной оконечности этого острова. Тут 26 июля была сильная гроза. 10 августа Иоганнесен взял курс от Новой Земли на восток и прошел через Карское море между 76 и 77° сев. шир. в свободных от льда водах; 16-го показался Таймырский берег. Отсюда Иоганнесен повернул назад и взял курс сначала на запад, потом на север. Под 77°31′ сев. шир. и 86° от Гринича Иоганнесен открыл и обошел кругом новый остров, названный им островом Уединения.[315] Остров был свободен от снега, но трава на нем не росла. Из животных Иоганнесен видел несколько медведей и морских зайцев, буревестников, белых чаек, стаи чистиков и птицу «с закругленным хвостом и длинным клювом», вероятно, одну из болотных птиц. У северо-восточной части острова наблюдалось сильное северное течение. Отдаленность острова и его пустынный вид были причиной данного ему Иоганнесеном названия. Отсюда Иоганнесен, описав на севере большую дугу, так что он подошел к 78° сев. шир., снова направился к северной оконечности Новой Земли и затем 12 сентября взял курс на Норвегию. На обратном пути через Карское море льды почти совсем не встречались.[316]

Во время нашего пребывания в этом месте стоял упорный туман, но 18-го он наконец немного рассеялся. Мы тотчас же подняли якорь и пошли под парами вдоль западного берега острова Таймыр. Остров этот окружен множеством других островов,[317] не нанесенных на карту, и возможно, что сам остров Таймыр разделен на несколько частей проливами. Постоянный густой туман во время пути мешал нам нанести на карту острова и островки, мимо которых проходила «Вега», иначе, как только приблизительно. Но мы, во всяком случае, могли убедиться, что северная оконечность острова Таймыр не выступает так далеко на север, как это обычно показывается на картах.

Льды встречались нам только в незначительном количестве, и те, которые мы видели, состояли из чрезвычайно изъеденного бухтового или речного льда. Мне кажется, что в течение дня мы не встретили ни одной льдины достаточно большого размера, чтобы на ней было удобно пластать тюленя. Настоящего пловучего льда, какой встречается у северного побережья Шпицбергена, мы еще не видели. Что касается свойств льда, то льды Карского моря и моря к северу и к востоку от Шпицбергена совершенно различны. Другое характерное отличие этой местности, в которой до

сих пор охота еще не производилась, заключается в отсутствии теплокровных животных. В продолжение дня мы не видели ни одной птицы, чего еще ни разу не бывало во время моих летних путешествий в арктических областях; тюленей здесь также почти не встречалось.

19 августа мы продолжали путь под парусами и парами вдоль побережья, почти все время среди совершенно непроницаемого тумана, который лишь временами редел настолько, что можно было разглядеть контуры берегов. Чтобы не потерять друг друга, обоим судам постоянно приходилось обмениваться свистками. Поверхность моря была зеркальной. Лишь изредка встречались в незначительном количестве изъеденные льдины, но в течение дня мы прошли мимо большого поля ледяного припая, покрывавшего бухту на западной стороне полуострова Челюскина. Лед этот казался в тумане необычайно крепким и массивным, хотя на самом деле был почти таким же рыхлым, как и лед, образовавший поясины, которые нам попадались в море.

Туман мешал видеть вдаль, и я уже начал опасаться, что северная оконечность Азии окажется настолько окруженной льдами, что нам не придется высадиться на ней. Но вскоре на северо-востоке из тумана выступил темный

Draba Alpina L. с мыса Челюскина

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Доб-олюбова

мыс, не блокировавшийся льдами. В материк здесь врезается открытая к северу бухта, и в ней оба судна стали на якорь 19 августа в 6 часов вечера.

Теперь мы достигли великой цели, к которой в течение столетий напрасно стремились люди. Впервые у самой северной оконечности Старого Света стояло на якоре судно. Неудивительно, что событие это мы отпраздновали поднятием флага и пушечными салютами, а когда мы вернулись из нашей поездки на берег, — пиршеством с вином и тостами.

Как и при нашем приходе на Енисей, нас и тут встретил большой белый медведь. Еще издали увидев приближение судов, он принялся ходить взад и вперед по берегу, по временам беспокойно поглядывая и нюхая приносившийся с моря воздух, чтобы узнать, что за странные гости впервые посетили его владения. С судна спустили шлюпку, чтобы его убить. Роль охотника взял на себя Брузевиц, но на этот раз медведь остерегся ближайшего знакомства с нашим оружием. Пушечные салюты так перепугали его, что он поспешил скрыться и даже, против медвежьего обыкновения, не вернулся и на следующий день.

Северная оконечность Азии представляет низменный, разделенный надвое заливом мыс, восточная часть которого выступает значи-

тельно дальше на север, чем западная. Горный кряж с пологими склонами тянется по восточной части мыса в южном направлении вглубь материка и уже в поле зрения достигает высоты 300 метров. Как и раскинувшаяся внизу равнина, вершина хребта была свободна от снега. Только на его склонах, также как в глубоких ложбинах, прорытых снеговыми ручьями, и в небольших долинах, белели большие снежные поля. Невысокий рубан держался еще почти на всем протяжении побережья. Но не видно было сползающих с гор синевато-белых ледяных масс глетчеров, или озер, скалистых выступов горных вершин, придающих ландшафту своеобразную красоту. Вообще местность эта была самой однообразной и пустынной из виденных мною на Крайнем Севере.

Почва повсюду, как и на островке, возле которого мы стояли на якоре 11 августа, растрескалась на более или менее правильные шестиугольники, поверхность которых была лишена всякой растительности, в то время как из трещин тянулись низкорослые цветковые растения, лишайники и мхи. В некоторых местах земля все же была покрыта растительным ковром из мхов, лишайников, травы и полутравы, похожим на виденный мною раньше в бухте Актиния. Но цветковые растения были

здесь малочисленнее, мхи более искривлены и менее плодоносны. Лишайниковая флора также была, согласно исследованиям д-ра Альмквиста, однообразна, хотя часто и прекрасно развита. Богаче растительностью был крайний выступ мыса. Казалось, многие растения с Таймырского полуострова пытались переселиться оттуда дальше к северу, но, встретив море, остановились, будучи не в состоянии пройти дальше и не желая возвращаться. Д-р Чельман нашел тут на незначительном пространстве почти все растения, которыми могли похвалиться окрестности. Самые характерные виды были следующие: Saxifraga oppositifolia L., Papaver nudicaule L., Draba alpina L., Cerastium alpinum L., Stellaria Edwardsii R. Br., Alsine macrocarpa Fenzl., Aira caespitosa L., Catabrosa algida (Sol.) Fr. и Alopecurus alpinus Sm. В меньшем количестве попадались: Eritrichium villosum Bunge, Saxifraga nivalis L., S. cernua L., S. rivularis L., S. stellaris L., S. caespitosa L., S. flagellaris Willd., S. serpyllifolia Pursh., Cardamine bellidifolia L., Cochlearia fenestrata R. Br., Oxyria digyna (L.) Hill., Salix polaris Wg., Poa flexuosa Wg. и Luzula hyperborea R. Br.

Таким образом здесь было найдено всего 23 вида невзрачных цветковых растений, среди них 8 видов относились к роду Saxifraga, затем серо-желтый вид маковых, который раз-

водят повсюду в наших садах, и хорошенький, похожий на незабудку Eritrichium. Что растительности на этой северной оконечности Азии приходится бороться с суровым климатом, видно, по мнению д-ра Чельмана, из того, что большинство растений там имеют особенное свойство как бы скучиваться, образуя полушаровидные кочки.

Единственные насекомые, попадающиеся здесь в более значительном количестве, — это подуриды, но находили также мух и даже нашли один вид жесткокрылых, уже упомянутые стафилиниды. Из птиц мы видели множество плавунчиков, очень многочисленную стаю казарок (Anser bernicla), перелетавших, повидимому, на юг с какой-нибудь полярной земли, расположенной севернее мыса Челюскина,[318] одну гагару и несколько белых и трехпалых чаек. Найдены были также следы сов. Представителями млекопитающих были медведь, олень и лемминг, следы и испражнения которых встречались в низменных местах. В море видели моржа, тюленей (Phoca hispida) и несколько стай белуг.

Все ручейки иссякли, но обширные неглубокие русла их указывали, что во время таяния снегов тут имеет место обильный сток вод. Журчание снеговых ручьев и крики птиц, несомненно, вносят тогда разнообразие в эту

тишину пустыни, царившую теперь над голой, почти лишенной всякой растительности, глинистой равниной. Но, вероятно, немного дальше от берега, в какой-нибудь долине, защищенной от северных ветров, можно встретить совершенно другую природу. Животная жизнь должна быть там богаче, а растительный мир — такой же цветущий, как в долинах у Айсфиорда и Безымянной губы. Никаких следов пребывания человека мы здесь не видели. Предания XVI столетия о северной оконечности Азии, дают, однако, право предполагать, что кочевники Сибири иногда пригоняли свои оленьи стада и в эти дальние края. Возможно, что русские зверобои с Хатанги охотились на северной оконечности Таймыра, а о том, что Челюскин действительно побывал здесь, свидетельствует совершенно правильное очертание, которое на русских картах имеет мыс, теперь справедливо носящий его имя.[319]

Горная порода, преобладающая в этой местности, — глинистый сланец с вкрапленными в нем хиастолитоподобными кристаллами и кристаллами серного колчедана. На самом мысу сланец прорезается мощной жилой чистого белого кварца. По старинному обычаю полярных мореплавателей, мы поставили здесь в память нашего посещения основательный гурий [320].

Я задержался здесь до полудня 20 августа, чтобы иметь возможность определить астрономический пункт. «Лена» же получила приказание итти вперед для исследования животной жизни моря и его дна.

В восьми минутах к северу от бухты, в которой мы стояли на якоре, «Лена» встретила довольно сплоченный лед. Глубина моря здесь быстро увеличивалась. Животный мир на дне моря был богат, и, между прочим, здесь было найдено много больших морских звезд и офиур.

Согласно плану экспедиции я намеревался отсюда итти прямо на восток, к Новосибирским островам, чтобы убедиться, нет ли на этом пути земли. 20-го и 21-го мы довольно беспрепятственно подвигались в этом направлении среди разреженного льда, который был крепче и менее изъеден, чем встречавшийся нам по западную сторону Таймыра. Попадались даже крупные ледяные поля, но айсбергов не встречалось. Впрочем, нас снова стал преследовать такой сильный туман, что мы могли видеть ледяные поля и льдины только в непосредственной близости от судна. Кроме поморника и трехпалой чайки, теперь показались и кайры, птицы, весьма редкие

в Карском море. Иоганнесен полагал, что присутствие этих птиц доказывает, что море зимой окончательно не замерзает, так как казалось невероятным, что птицы осенью и весной перелетают через замерзшее Карское море.

Ночь на 22-е мы шли на парах среди довольно сплоченных льдов. Весь день не прекращался такой сильный туман, что нельзя было определить размеры ледяных полей по соседству с судном. Вследствие этого мы к полудню были вынуждены взять более южный курс. Так как и в этом направлении продвигаться было невозможно, мы, в ожидании ясной погоды, пристали к большой льдине. После полудня туман немного рассеялся, и мы могли продолжать путь. Но вскоре туман снова так сгустился, что, по поговорке моряков, «его можно было резать ножом». Теперь действительно возникло опасение, что «Вега», продолжая плавание в ледяном лабиринте, в котором мы плутали, не избегнет роковой участи, постигшей «Тегеттгофа». Необходимо было отказаться от попыток пройти от мыса Челюскина прямо к Новосибирским островам и следовало возможно скорее постараться достичь чистой воды под берегом.

Так как 23-го утром прояснило, мы снова пошли на парах среди ледяных полей, но на

этот раз не для того, чтобы продвигаться в определенном направлении, а в поисках чистой воды. Ледяные поля, встречавшиеся нам теперь, были очень изъедены, что доказывало, что мы не могли быть далеко от кромки плавучих льдов. Но, несмотря на это, напрасны были все попытки найти «проходимые» льды в восточном, западном или южном направлениях. Поэтому, чтобы выбраться, нам пришлось отыскивать тот самый проход на севере, через который мы вошли. Это было тем более затруднительно, что ветер сменился теперь довольно свежим норд-вестом, вследствие чего мы при слабой машине «Веги» подвигались вперед очень медленно. Только в 6½ часов вечера мы наконец вышли из бухты во льдах, в которую мы накануне вошли около полудня.

Не испытавший сам едва ли может составить себе представление об оптических обманах, порождаемых туманом в таких местностях, где размеры предметов, мелькающих в тумане, заранее неизвестны и потому не могут дать наблюдателю представления о расстоянии. Наше представление о расстоянии и о размерах основывается в таком случае исключительно на случайности. К тому же неясные очертания окутанных туманом предметов часто несознательно превращаются на-

блюдателями в прихотливые фантастические картины.

Я однажды плыл на лодке по проливу Гинлопен, пробираясь среди пловучих льдин к островку в расстоянии нескольких километров. Когда лодка выходила, небо было ясное, но пока мы усердно охотились на птиц для нашего обеда, все окуталось густым туманом, и притом так неожиданно, что мы не могли ориентироваться по компасу. Тогда мы стали грести наудачу в различных направлениях среди быстро несомых течением льдин. Мы напрягали все силы, чтобы разглядеть островок, берег которого мог служить нам верным пристанищем. В это время мы увидели на горизонте темную полоску. Мы приняли ее за остров, к которому направляли путь, и то, что темный край быстро повышался, вначале не показалось нам странным, так как решили, что туман рассеивается и что яснее выступает берег. Скоро по обе стороны острова показались два белых снеговых поля, которых мы прежде не видели, и сейчас же вслед за этим все превратилось в морское чудовище, похожее на голову моржа величиной с гору. Голова эта ожила и пришла в движение и в конце концов уменьшилась до головы обыкновенного моржа, лежавшего на льдине вблизи лодки; белые клыки образовали

снеговые поля, черно-коричневая выпуклая голова — гору. Едва только это видение исчезло, как один из матросов закричал: «Земля у носа, высокая земля!» Все мы теперь увидели перед собой высокий альпийский берег с горными вершинами и глетчерами, но и он мгновение спустя сократился до края обычной низкой льдины, покрытой слоем земли.

Весной 1873 года Паландер и я с девятью матросами совершили санное путешествие вокруг Северо-восточной земли. Во время этого путешествия мы встретили и убили много медведей. Когда показывался медведь, весь поезд останавливался и, чтобы не испугать зверя, все прятались за сани, кроме охотника, который, присев на корточки в каком-нибудь удобном месте, ждал, пока добыча подойдет достаточно близко, чтобы стрелять наверняка. Однажды на льду Валенбергского залива медведь, которого поджидали и которого отчетливо видели, вместо того чтобы приблизиться своей обычной мягкой походкой зигзагами и, нюхая воздух, соображать — годятся ли чужестранцы ему в пищу, как раз в момент прицела распустил исполинские крылья и улетел в виде маленькой белой чайки. В другой раз, во время этой же санной поездки, мы услышали из палатки, в которой отдыхали,

крик возившегося около нее повара: «Медведь, большой медведь; нет, олень, совсем маленький олень». В то же мгновение раздался выстрел, и медведь-олень оказался маленьким песцом, который жизнью заплатил за честь несколько мгновений изображать крупного зверя.

Из этих рассказов видно, как затруднено плавание в неизвестных водах в тумане и среди пловучих льдов.

Оба раза, когда судно стояло пришвартованным к ледяному полю, мы выпускали трал и работали дночерпателем. Судно медленно передвигалось вместе с льдинами, гонимыми юго-восточным ветром на северо-запад. Улов был очень обилен, и состоял из больших морских звезд, морских лилий, губок, морских кубышек, гигантского морского паука (Pyknogonid), множества червей, ракушек и т. д. За все время нашего плавания вдоль берегов Азии это был самый обильный улов, полученный за один раз, и это в море возле северной оконечности Азии! Между найденными здесь животными формами следует особо отметить большого морского паука, так же как и три экземпляра маленьких стебельчатых морских лилий. Глубина моря колебалась между 60 и 100 метрами. Температура воды была близ поверхности от +0° до —0°.6, на дне от —1°.4,

до —1°.6; содержание соли в воде было значительно как близ дна, где оно приближалось к таковому в океане, так и на поверхности, где оно хотя и было на одну пятую меньше, чем у дна, но все же гораздо больше, чем в поверхностном слое Карского моря. Странно, что температура ниже точки замерзания чистой воды благоприятна для развития такой разнообразной животной жизни, как встречающаяся здесь, и что жизни этой не вредит полнейший мрак, царящий в течение большей части года на дне покрытого льдом моря.

Выбравшись из пловучих льдов, мы пошли под парами к берегу, который увидели 23-го в 8 часов 45 минут вечера. Земля была низкая и не покрытая снегом; на расстоянии 10 километров от берега глубина моря колебалась между 13 и 15 метрами. Берег тянулся здесь с севера на юг. Мы плыли вдоль берега, держась от него в расстоянии 7—10 километров. Северо-западный ветер без помощи пара быстро гнал здесь судно по совершенно спокойному морю.

24 августа мы продолжали путь к югу вдоль берегов. Глубина моря в расстоянии 10 километров от берега доходила теперь до 33 метров. Берег постепенно повышался, и в небольшом расстоянии от моря показались красивые горные цепи высотою по глазомер-

ной оценке до 600—900 метров. Они, как и прибрежные равнины, были совершенно бесснежны. Только в расщелинах гор лежали еще скопления снега или льда, которые в нескольких местах образовали, повидимому, настоящие ледники, оканчивавшиеся на значительной высоте над уровнем моря. Свободная от снега покатость между подошвой гор и береговым уступом высотой от 30 до 60 метров представляла равнину, покрытую буро-зеленым растительным ковром, вероятно, такого же происхождения, как виденный нами на острове Таймыр.

Утром была прекрасная, ясная погода, часто с судна не было видно и следов льда. Появилось множество моржей, и если судить по огню, который зажигался в глазах наших зверобоев при виде этих зверей, можно ожидать, что норвежские промышленники в скором времени начнут ходить в море к северу и к востоку от северной оконечности Азии. Дальше стали встречаться во множестве чистики и кайры, причем этих последних сопровождали птенцы величиной с люрика. Ближе к полудню показалась земля. Это, очевидно, был остров Преображения.[321] Я решил на нем высадиться на несколько часов для естественно-исторических наблюдений и определения астрономического пункта, если это позволит погода

Но расстояние до высокого острова было больше, чем мы ожидали, и только в 6 часов вечера удалось бросить якорь у юго-западного берега, возле отвесно обрывавшейся к морю густо населенной птичьей скалы.

В течение двух последних дней мы проходили на судне места, обозначенные на новейших картах как суша. Это показывает, что в карту северной Сибири необходимо внести значительные исправления; и я приведу поэтому наблюдения, на основании которых была определена линия нашего курса.

	широта	долгота
Мыс Челюскина [322]	77°36′8″	103°17′2″
«Веги» [323] в полдень		
21 августа . .	77°25′	109°12′
» » 22 » . .	76°53′	116° 9′
» » 23 » . .	76°48′	115° 0′
» » 24 » . .	75° 0′	113°33′

В последнем указанном месте земля находилась на расстоянии 4′ по правый борт судна. Остров Преображения отстоял отсюда на 17′.5 в направлении SW 21°. На основании этих данных и приведенных в судовом журнале курсов путь «Веги» и был нанесен на карту, и не может быть сомнения в том, что данное

нами положение восточного побережья Таймырского полуострова в основном правильно.

Остров Преображения представляет довольно ровную поверхность высотой в 30—60 метров, поросшую травой и на северо-западе обрывающуюся отвесной стеной, тогда как на юго-востоке она медленно понижается и сливается с двумя далеко выступающими в море песчаными косами. Во время нашего посещения остров был свободен от снега и покрыт ковром мхов с примесью трав, очень густым, в особенности на юго-западных склонах, защищенных от северных ветров. Тут снова встретился все тот же арктический животный мир. На крутом высоком берегу находились гнездовья бесчисленных кайр и моевок, к которым присоединялись иной раз и чистики. У уреза берега, отыскивая себе пищу, деловито сновали болотные птицы. На вершинах скал гнездилась стая чаек, а на склонах видны были затихшие, неподвижные полярные совы, по несколько часов выжидавшие свою добычу. Эти сторожкие птицы в то же время были очень пугливы, так что охотнику с трудом удавалось подойти к ним на расстояние выстрела. В некоторых местах, между подошвой кайрового базара и морем, тянулся усеянный камнями пляж. В полную воду он затоплялся, а в малую покрывался

лужами соленой воды. Тут обосновались два белых медведя, которых убили лейтенант Брузевиц и капитан Иоганнесен. Медведи, повидимому, охотились на кайр, которые вместе со своими уже умеющими плавать птенцами, величиной с люрика, плавали в лужах у подножия скал, но усерднее всего медведи, вероятно, высматривали, не вывалится ли из-за какого-нибудь несчастного случая из своего гнезда птица. В море было видно немало тюленей, и всего за несколько часов до прихода к острову мы прошли мимо стад моржей.

Растительность здесь была гораздо богаче и разнообразнее, чем на мысе Челюскина и носила, конечно, более южный отпечаток, не только вследствие более южного положения места, но и потому, что берега омывались летом прогретой водой из реки Хатанги.[324]

К сожалению, позднее время года позволило «Веге» задержаться у этого интересного острова всего на несколько часов. В 10½ часов вечера мы снова подняли якорь, чтобы продолжать плавание вдоль побережья.

25, 26 и 27 августа погода была большею частью тихая и ясная, а море совершенно свободно от льдов. Температура воды поднялась до +5°.8, и содержание соли в ней значительно уменьшилось. Но глубина стала теперь так сильно убывать, что, например, в ночь на

26-е нам с трудом удалось миновать несколько мелей, расположенных к западу от дельты Лены, против устья Оленека.

Моим намерением было первоначально, чтобы «Вега» рассталась с «Леной» на якорной стоянке в одном из рукавов устья реки Лены. Но в виду мелкого фарватера, благоприятного ветра и свободного от льдов моря, открывавшегося перед нами на востоке, я решил расстаться с «Леной» в открытом море против острова Тумат. Это произошло в ночь с 27 на 28 августа, после того как капитан Иоганнессен был вызван условным сигналом на борт «Веги» для получения инструкции, паспорта [325] и писем на родину. При прощании с маленьким верным спутником нашего плавания вокруг северной оконечности Азии с «Веги» было пущено несколько ракет, после чего мы пошли под парами или парусами, каждый к своему месту назначения.

На пути от Норвегии до Лены много затруднений нам причинял туман, льды же стали причинять затруднения только, когда мы покинули прибрежные воды, к востоку от мыса Челюскина. Если бы мы все время следовали вдоль берега, если бы погода была ясная и фарватер настолько обследован, чтобы можно было выдержать курс недалеко от земли, то плавание «Веги» к устью Лены совершенно не

было бы затруднено льдами, и я уверен, что такая обстановка будет в конце августа наблюдаться из года в год, по крайней мере между Енисеем и Леной.[326] По моему мнению, местом наибольшего скопления льдов между Атлантическим океаном и Леной является не северная оконечность Азии, но район к востоку от западного входа в Карское море.[327]

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. М. Сибиряков (1849—1933) был крупным сибирским капиталистом-золотопромышленником, финансировавшим многие предприятия, имевшие целью экономическое развитие Крайнего Севера, в особенности его путей сообщения. Именем Сибирякова назван знаменитый советский ледокольный пароход, совершивший в 1932 году первое в истории сквозное плавание Северным морским путем в одну навигацию. *(Прим. ред.)*

[2] До Норденшельда господствовало представление о крайне тяжелых ледовых условиях в Карском море, вследствие чего оно сравнивалось с «ледяным погребом». Это неверное представление в особенности поддерживал известный русский мореплаватель Ф. Литке. *(Прим. ред.)*

[3] Экспедиция А. Норденшельда 1872/73 года имела целью достижение высоких широт. Она провела зиму на севере Шпицбергена и внесла ценный вклад в изучение этого архипелага. *(Прим. ред.)*

[4] Rapport présenté à Sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège par le professeur A. E. Nordenskjöld sur la possibilité de la navigation commerciale dans la Mer Glaciale de Sibérie. St.-Pétersbourg, 1880. *(Прим. ред.)*

[5] Путешествие на Шпицберген в 1868 году, в Гренландию в 1870 году, на Шпицберген в 1872/73 году, на Енисей в 1875 году и на Енисей в 1876 году *(Прим. автора.)*

[6] Экспедиция 1868 года, осуществленная на пароходе «София», имела главной целью достижение возможно большей широты к северу от Шпицбергена. «Софии» удалось дойти до 81°42′ N, на меридиане 17°30′ E. *(Прим. ред.)*

[7] Первый груз товаров из Европы к Енисею был доставлен мною на судне «Ymer» в 1876 году. Первым судном, пришедшим с Енисея в Атлантический океан, было судно «Утренняя заря», построенное в Енисейске для М. К. Сидорова. Привел его в Петербург капитан Шваненберг (1877 года) *(Прим. автора.)*

[8] С целью освободить помещение для угля и провианта большая часть этих цистерн была вынута в Карлскроне. *(Прим. автора)*

[9] Расход угля, по вычислению капитана Паландера, равнялся при ходе в 7 узлов 0,3 куб. метра в час. *(Прим. автора)*

[10] Картофель нам предстояло принять в Гетеборге 1 июля. Чтобы сохраниться, он должен был быть только что выкопанным и зрелым. Его закупали поэтому на юге через Карла В.

Бомана в Стокгольме. Это первейшее из противоцынготных средств имелось у нас еще в запасе во время нашего прихода в Японию. *(Прим. автора.)*

[11] Норденшельд имеет в виду возглавлявшиеся им экспедиции на «Pröven» в 1875 году и на «Ymer» в 1876 году. *(Прим. ред.)*

[12] Мурманским морем раньше иногда называлась южная, прилегающая к Кольскому полуострову часть Баренцова моря. В виду того что выделение этой части Баренцова моря в самостоятельную единицу не имеет физического обоснования, постановлением ЦИК СССР от 1935 года употребление названия «Мурманское море» отменено. *(Прим. ред.)*

[13] Главной задачей экспедиции Литке являлась опись всего западного побережья Новой Земли до ее северной оконечности — мыса Желания. Однако вследствие неблагоприятных ледовых условий Литке дальше мыса Нассау не удалось пройти. *(Прим. ред.)*

[14] Состояние льдов в полярных морях подвержено большим колебаниям из года в год. Даже в настоящее время не имеется достатсчно наблюдений, на основании которых можно было бы фиксировать нормальное время освобождения от льда моря у северной оконечности Новой Земли. Поэтому на даваемое Норденшельдом время — начало сентября — следует смотреть лишь как на некоторое приближение. *(Прим. ред.)*

[15] Многочисленные последующие плавания, а также наблюдения полярных станций не подтвердили мнения Норденшельда, что Маточкин Шар находится в более благоприятных ледовых условиях, нежели Югорский Шар и Кар-

ские Ворота. Однако в отдельные годы состояние льдов в Маточкином Шаре может быть благоприятнее, чем в южных проливах *(Прим. ред.)*

[16] Th. v. Middendorff, Reise in dem äussersten Norden und Osten Sibiriens. B. IV, I, стр. 21 и 508, 1867. *(Прим. автора.)*

[17] Th. v. Middendorff, Reise im Norden und Osten Sibiriens (1848). B. I, S. 59; статья v. Baer, Ueber das Klima des Tajmurlandes. *(Прим. автора.)*

[18] В оригинале ошибочно сказано «северо-восток». *(Прим. ред.)*

[19] Одна шведская миля равна 10,69 километра. *(Прим. ред.)*

[20] Карта называется «Nouvelle carte des découvertes faites par des vaisseaux russiens etc., dressée sur des mémoires authentiques de ceux qui ont assisté à ces découvertes et sur d'autres connaissances dont on rend raison dans un mémoire séparé. St.-Pétersbourg, à l'Académie Impériale des Sciences, 1758». *(Прим. автора.)*

[21] Норденшельд, как и большинство других авторов, касавшихся плавания в 1648 году через Берингов пролив, считает Дежнева начальником экспедиции. На самом деле начальником был Федот Алексеев, к экспедиции которого, по просьбе Алексеева, Дежнев был прикомандирован как представитель власти для сбора ясака. *(Прим. ред.)*

[22] Ошибка, часто встречающаяся в описаниях плавания этой экспедиции. На самом деле в состав экспедиции входило шесть кочей. *(Прим. ред.)*

[23] Довольно широкое, в 3,5 метра длины плоскодонное судно без киля. Обычно приводилось в движение веслами. Только при по-

путном ветре ставились паруса (Wrangels Reise, S. 4). *(Прим. автора.)*

[24] Фамилия его была не Холмогорцев, а Алексеев. Это был начальник экспедиции Федот Алексеев, родом из Холмогор. *(Прим. ред.)*

[25] Под Чукотским Носом здесь следует понимать мыс Шелагский. *(Прим. ред.)*

[26] Экспедиция Анжу работала на Новосибирских островах в течение трех лет (1821—1823). *(Прим. ред.)*

[27] Путешествие самого Врангеля, совершенное зимой на санях по льду, как бы ни было интересно в других отношениях, не оставило никаких сведений о состоянии льдов летом и осенью. *(Прим. автора.)*

[28] Это предположение (высказанное не Санниковым, а Геденштромом) едва ли выдерживает критику, тем более что гораздо естественнее принять, что обнаруженные Санниковым остатки зимовья принадлежали сибирским мореходам XVII века, многие из которых были выходцами из Архангельской губернии. М. М. Ермолаев (Труды Совета по изучению производительных сил. Серия якутская, вып. 7, 1932) высказал предположение, что старинное зимовье на Котельном острове принадлежало без вести пропавшей экспедиции Роброва, предпринятой в 1652 году для разведывания земель к северу от Яны. *(Прим. ред.)*

[29] Под этим общим названием понимается совокупность многих русских экспедиций, которые в течение 1734—1743 годов посылались из Двины, Оби, Енисея, Лены и Камчатки в Северный ледовитый океан. *(Прим. автора.)*

[30] Экспедиция Ласиниуса зимовала в устье реки Хараулах. *(Прим. ред.)*

[31] В оригинале ошибочно сказано «из Лены». *(Прим. ред.)*

[32] Petermanns Mitteilungen, 1868, стр. 1 и 1869, стр. 32. *(Прим. автора.)*

[33] Норденшельд имеет в виду экспедицию на клипере «Всадник» под начальством Новосильского, плававшую в Чукотском море в 1876 году. *(Прим. ред.)*

[34] Экспедиция Чекановского исследовала район по течению Оленека и водораздел между Оленеком и нижней Леной *(Прим. ред.)*

[35] Такое представление, впоследствии не подтвердившееся, держалось начиная с XVII века очень долго. Между прочим, и Геденштром был убежден, что «существует почти непрерывная цепь островов с самого Котельного острова до матерого берега Северной Америки». *(Прим. ред.)*

[36] Экспедиция Коцебу на корабле «Рюрик» в 1815—1818 годах имела целью отыскание Северо-западного прохода со стороны Берингова пролива. Работы этой экспедиции в полярных водах ограничились, однако, открытием и исследованием залива Коцебу в Аляске. *(Прим. ред.)*

[37] Английская экспедиция Ф. Бичи на корабле «Блоссом» исследозала в 1826 году северный берег Аляски от Берингова пролива до мыса Барроу. *(Прим. ред.)*

[38] Шпангберг был участником «Великой северной экспедиции» и совершил плавание в Японию в 1739 году. *(Прим. ред.)*

[39] В настоящее время метеорологические исследования объединяются «Международной метеорологической комиссией». Работа отдельных стран, входящих в эту комиссию, в усло-

виях капитализма, однако, далека от идеального единодушия, которое хочет видеть Норденшельд. *(Прим. ред.)*

[40] Во многих полярных экспедициях употребляли для одежды вместо оленьего меха тюленьи шкуры. Но оленьи меха легче и теплее и являются поэтому хорошей защитой при сильном морозе. Во время оттепели оленьи меховые одежды пропитываются водой и становятся уже неприменимыми. Но в такую неустойчивую погоду и не следует пользоваться меховой одеждой. Береговые чукчи, которые сами в большом количестве бьют тюленей, а олений мех должны покупать, все же носят зимой этот мех, считая его необходимым. В это время года они надевают верхнюю одежду того же покроя, что «пэск» лопарей, и отлично удовлетворяющую требованиям. Основываясь на этом, я предпочитаю полярную одежду Старого Света полярной американской, более тесной одежде. Обувь лопарей из оленьего меха, напротив, совершенно непригодна для арктических путешествий, если не имеешь возможности часто менять ее и заботиться о ней. *(Прим. автора.)*

С этим заключением Норденшельда нельзя согласиться. В. Ю. Визе, на основании собственного опыта на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, считает лопарские канги наиболее подходящей обувью при пеших переходах в Арктике. Такого же мнения придерживается и Нансен, утверждающий, что «лопарские канги являются, несомненно, самой лучшей обувью из испытанной мною». *(Прим. ред.)*

[41] Гауган до этого много лет ходил на собственном судно на Шпицберген и Новую

Землю и был известен как один из удачливейших зверобоев норвежского полярного флота.

[42] Тут имеется в виду пахучая береза (Betula odorata Bechst.) а не береза «ера» (Betula nana L.), доходящая на Шпицбергене до Айсфиорда (78°7′ сев. шир.), хотя она здесь и поднимается всего на несколько дюймов от земли. *(Прим. автора.)*

[43] Согласно Латкину — «Лена и ее область» (Petermanns Mitteilungen, 1879, стр. 91). По карте, приложенной к путешествию Врангеля издания Энгельгардта (Берлин, 1839 г.), граница лесов по Лене отнесена к 71° сев. шир. *(Прим. автора.)*

[44] На Кольском полуострове, в районе Белого моря и далее до Урала граница леса состоит из соснового вида (Picea obovata Ledeb.), дальше же к востоку, на Камчатке — из березы. Th. v. Middendorff, Reise in dem äussersten Norden und Osten Sibiriens. Bd. IV, S. 582. *(Прим. автора.)*

[45] Понятие об умеряющем влиянии непосредственного соседства теплого морского течения дает прилагаемая таблица средних температур в различные месяцы года в: 1) Тромзе (69°39′ сев. шир.); 2) Фругольме близ Нордкапа (71°6′ сев. шир.); 3) Варде (70°22′ сев. шир.); 4) Энонтекисе и Каресуандо на р. Муонио внутри Лапландии (68°26′ сев. шир.).

Числовые данные взяты из Г. Моона, Климат Норвегии [отдельный оттиск из работы К. Ф. Шюбелера, Растительная жизнь в Норвегии (Христиания, 1879)] и А. И. Онгстрема, О температурах воздуха в Энонтекисе (Труды Академии Наук, 1860). (H. Mohn,

	Тромзе	Фругольм	Варде	Энонтекис
Январь	— 4,2	—2,7	—6,0	—13.7
Февраль	— 4,0	—4,7	—6,4	—17,1
Март	— 3,8	—3,2	—5,1	—11,4
Апрель	— 0,1	—0,9	—1,7	— 6,0
Май	+ 3,2	+2,7	+1,8	+ 0,9
Июнь	+ 8,7	+7,5	+5,9	+ 8,0
Июль	+11,5	+9,3	+8,8	+11,6
Август	+10,4	+9,9	+9,8	+12,0
Сентябрь	+ 7,0	+5,8	+6,4	+ 4,5
Октябрь	+ 2,0	+2,5	+1,3	— 4,0
Ноябрь	— 1,7	—1,1	—2,1	— 9,9
Декабрь	— 3,2	—1,9	—4,0	—11,3

Norges Klima. A. J. Ångström, Om lufttemperaturen i Enontekis). *(Прим. автора.)*

[46] Во времена Норденшельда витамины еще не были известны науке. В настоящее время мы знаем, что причиной цынги является отсутствие или недостаточность в пище витамина С. Целебное действие морошки, а также некоторых других ягод, как, например, черной смородины, объясняется богатым содержанием витамина С. В настоящее время получен способ выделения этого витамина в чистом виде. После того как наукой дан верный метод предотвращения и лечения цынги, эта болезнь уже не может считаться «бичом полярных стран», как во времена Норденшельда. *(Прим. ред.)*

[47] Береговая полоса Норвегии, расположенная между 65 и 66° сев. шир. *(Прим. автора.)*

[48] Орозий родился в Испании в IV веке нашей эры и умер в начале V века. Он писал свой труд, чтобы доказать, вопреки

уверениям многих языческих писателей, что мир при язычестве страдал от таких же больших несчастий, как и во времена христианства. Это, повидимому, является причиной, почему его однообразное описание всех несчастий и страданий, преследовавших языческий мир, долго пользовалось большим успехом, распространялось во множестве копий и печаталось в бесчисленных изданиях с различных рукописей. Старейшее из них выпущено в Вене в 1471 году. В англо-саксонском тексте, о котором здесь говорится, описание путешествия Отера включено в первую главу и, в сущности, составляет географическое введение в труд короля Альфреда. Англо-саксонский подлинник хранится в Англии и состоит из двух отлично сохранившихся рукописей IX и X веков. История самого Орозия теперь забыта, но введение короля Альфреда и в особенности описание путешествий Отера и Вульфстана привлекали внимание многих исследователей. Это видно из находящегося у Joseph Bosworth (King Alfred's anglo-saxon version of the compendious history of the world by Orosius, London, 1859) списка переводов этой части сочинений короля Альфреда. *(Прим. автора.)*

[49] Vitterhets, Historie och Antiquites-Acad. Handl. Del. 6, s. 37, Stockholm, 1800. *(Прим. автора.)*

[50] Под финнами здесь разумеются лопари; под терфиннами — обитатели Терского берега русской Лапландии. *(Прим. автора.)*

[51] Моржей еще ловят ежегодно на льдах в воронке Белого моря, не особенно далеко от берегов (см. А. Е. Норденшельд, Отчет экспедиции к устью Енисея и в Сибирь

в 1875 году, стр. 23; A. E. Nordenskjöld, Redogörelse för en expedition till mynningen af Jenisej och Sibirien). Теперь они, конечно, редко встречаются там и, как кажется, не вблизи берегов, но едва ли можно сомневаться, что они в старину водились по всему северному побережью Норвегии. Они несомненно изгнаны оттуда так же, как теперь от Шпицбергена. С какой быстротой количество их у Шпицбергена уменьшается с каждым годом, можно судить по тому, что я в своих многочисленных арктических плаваниях, начавшихся в 1858 году, никогда не видел моржей у Медвежьего острова или у западных берегов Шпицбергена, но, по словам промышленников, еще десяток лет назад эти животные попадались здесь стадами в сотни и тысячи голов. Я сам видел такое стадо в Гинлопенском проливе в июле 1861 года, но в этом же проливе во время путешествий 1868 года и 1872—1873 годов я не встретил здесь уже ни одного моржа. *(Прим. автора.)*

В настоящее время морж в Белом море больше уже не встречается. *(Прим. ред.)*

[52] Так как для шести людей казалось невозможным убить за два дня шестьдесят больших китов, то это место рассказа Отера весьма затруднило его комментаторов, что неудивительно, если здесь шла речь о больших китах, т. е. Balaena mysticetus. Но если рассказ имеет в виду меньшие роды китов, то у берегов полярных стран и в наши дни возможен такой лов. Различные виды малых китов держатся вместе большими стадами, и так как они иногда заходят в мелкие воды, то при отливе застревают на мели, и тогда их легко убивать.

Иногда их даже удается и загнать на мель. Что киты весной посещают берега Норвегии огромными, опасными для парусников, стадами, подтверждает также Иаков Циглер в своем труде: Quae intus continentur Syria, Palestina, Arabia, Aegyptus, Schondia etc., Argentorati, 1532, p. 97. *(Прим. автора.)*

[53] В этом случае под «китом» разумеется морж, ремни из шкуры которого северные промышленники, эскимосы и чукчи еще и сегодня употребляют как веревки. Кожей настоящих китов, вероятно, также можно было бы пользоваться для этой цели, но это представлялось бы мало рациональным без применения особых инструментов для разрезания толстой китовой шкуры. *(Прим. автора.)*

[54] Скорость судов Отера почти равна скорости нынешних парусных судов. Это как будто странное обстоятельство, однако, вполне понятно, так как Отер пользовался исключительно попутным ветром. Обычно он, повидимому, продвигался в сутки или, вернее, в день на 70—80′. *(Прим. автора.)*

[55] Карты взяты из: Ptolemaei, Cosmographia latine reddita a Jac. Angelo, curam mapparum gerente Nicolao Donis Germano, Ulmae 1482, и из вышеупомянутого труда Иакова Циглера, вышедшего в свет в 1532 году. Часть этого сочинения, касающаяся Скандинавии, перепечатана в Geografiska Sektionens tidskrift, B. I, Stockholm, 1878. *(Прим. автора.)*

[56] Это были датчанин Эрик Валькендорф и норвежец Олаф Энгельбректсон. Швед Иоган Магнус, архиепископ Упсальский, и Петер Монсон, епископ Вестеросский, также дали

Циглеру важные сведения, касающиеся северных стран. *(Прим. автора.)*

[57] Эти часто встречающиеся в рассказах индийцы, — вернее, уроженцы северной Скандинавии, России или Северной Америки, но, конечно, не японцы, китайцы или индусы, — которых пригнало бурей к берегам Германии, впервые упоминаются еще до нашей эры. В 62 году до н. э. Квинт Метелл Быстрый (Quintus Metellus Celer) «управляя в качестве проконсула Галлией, получил в дар от короля бойев (Плиний называет их свевами) несколько индийцев, и когда он спросил их, как они попали в эту страну, он узнал, что их пригнало бурей из Индийского океана к берегам Германии» (Pomponius Mela, lib. III, cap. 5; утраченное сочинение Корнелия Непота; Plinius, Hist. nat., lib. II, cap. 67).

О подобном же происшествии в средине века рассказывает ученый Aeneas Sylvius (Эней Сильвий), позднее папа Пий II в своей «Космографии»: «Я сам читал у Оттона (Оттон Фрейзингский), что во времена германских императоров к германским берегам прибило бурей индийский корабль с купцами. Считалось достоверным, что их пригнало противными ветрами с востока, что вряд ли было бы возможно, если бы Северное море, как думают многие, было непроходимо и покрыто льдом» (Pius II, Cosmographia in Asia et Europae, eleganti descriptione etc., Parisiis, 1509, лист 2). Возможно, что это тот же самый случай, приводимый испанским историком Гомара (Historia general de las Indias, Saragoça, 1552—1553), указывающим, что индийцы потерпели крушение у Любека в царствование короля

Фридриха Барбароссы (1152—1190). Дальше Гомара сообщает, что он встретил бежавшего с родины шведского епископа Олая Магнуса, уверявшего его, что можно из Норвегии плыть вдоль северных берегов до Китая (французский перевод вышеупомянутого труда, Париж, 1587, лист 12). Особенно поучительные данные об этом находятся в Aarböger for nordisk Oldkyndighed og Historie, Kjöbenhavn 1880. Автором является F. Schiern, заглавие статьи «Om en etnologisk Gaade fra Oldtiden» *(Прим. автора.)*

[58] Olaus Magnus, Auslegung und Verklerung der neuen Mappen von alten Goettenreich. Venedig, 1539. В настоящее время, как сообщает старший библиотекарь Г. Е. Клемминг, вряд ли найдется карта этого издания, но она без изменения напечатана в 1567 году в базельском издании труда Олауса Магнуса «De gentium septentrionalium variis conditionibus» etc. К римскому изданию этого же самого труда в 1555 году приложена карта, несколько отличающаяся от оригинала карты 1539 года. *(Прим. автора.)*

[59] Мне кажется неудачным предположение Ф. Крарупа и некоторых других исследователей, что в своих многократных путешествиях Николо и Антонио Дзени (Зено) в конце XIV века посетили берега Ледовитого и Белого морей. Предположение это оспаривается множеством подробностей в повествовании самих Дзени и замечательной во многих отношениях картой, относящейся к путешествию и впервые опубликованной в Венеции в 1558 году, к сожалению, в несколько «улучшенном» виде одним из потомков Дзени. На самой

карте имеется год MCCCLXXX. Смотри: Zeniernes Reise til Norden et Tolknings Forsög af Fr. Krarup, Kjöbenhavn, 1878; R. H. M a j o r, The Voyages of the Venetian brothers Nicolo and Antonio Zeno, London, 1873, и др. труды, касающиеся этих известных путешествий. *(Прим. автора.)*

[60] Первое издание под заглавием: Rerum Moscoviticarum commentarii etc. (Вена, 1549 г.) выпущено с тремя рисунками и картой, очень важной для древней русской географии. Карта эта, если судить по экземпляру Королевской библиотеки в Стокгольме, сделана от руки и гораздо хуже карты, приложенной к позднейшему итальянскому изданию того же сочинения (Comentari della Moscovia et parimente della Russia etc., per il Signor Sigismondo libero Barone in Herberstain Neiperg & Guetnbag, tradotti nuoamente di latino in lingua nostra volgare italiana, Venetia, 1550, с двумя рисунками и картой с надписью «per Giacomo Gastaldo cosmographo in Venetia MDL»). Герберштейн посетил Россию два раза в качестве посла римского императора. Первый раз — в 1517 году и другой раз — в 1525 году. В результате этих путешествий появилось описание страны, впервые познакомившее Западную Европу с неведомым до того времени государством. Эта книга имеет большое значение и для самих русских как материал для изучения культуры минувших веков в их государстве. Фон-Аделунг в своем сочинении: v. A d e l u n g, Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, St. Petersburg & Leipzig, 1846, насчитывает одиннадцать латинских, два итальянских, девять немецких и один чешский пере-

вод этого сочинения. Позднее в трудах Hakluyt Society появился и английский перевод. *(Прим. автора.)*

Существует также несколько изданий книги Герберштейна на русском языке. Лучшим из них является: «Записки о московских делах, с приложением книги о московском посольстве Павла Иовия Новокомского», перевод А. И. Малеина, СПб., 1908. *(Прим. ред.)*

[61] Очевидно, здесь произошла путаница с виденными позже норвежскими горами, так как северо-восточные берега Белого моря низкие. *(Прим. автора.)*

[62] Печорским морем раньше называлось море, омывающее северные берега Европы к востоку от Белого моря. В настоящее время под Печорским морем понимают юго-восточную часть Баренцова моря, лежащую к востоку от линии мыс Черный (Новая Земля) — остров Колгуев — мыс Святой Нос Тиманский. *(Прим. ред.)*

[63] Этот мыс нельзя смешивать с мысом Святой Нос (на восточном Мурмане) современных карт. *(Прим. ред.)*

[64] Это несомненно отголосок легендарных рассказов о Малстреме, чрезвычайно распространенных в средние века. Еще Олай Магнус (1555) повествует о находящейся около Лофутенских островов «огромной пучине или, скорее, Харибде, которая в один миг поглощает мореплавателей, неосторожно приблизившихся к ней». *(Прим. ред.)*

[65] Huberti Langueti, Epistolae Secretae, Halae, 1699, I, 171. Смотри также статью А. Г. Альквиста в Ny Illustrerad Tidning за 1875, стр. 270. *(Прим. автора.)*

[66] Первый, призывавший к открытиям в полярных странах, был, однако, англичанин Роберт Торн. Так как новые земли уже были открыты испанцами и португальцами, Торн в 1572 году стал уговаривать французского короля Генриха VIII заняться открытиями новых стран на севере. Он полагал, что, дойдя на севере возможно ближе к полюсу, можно повернуть на восток. Тут сначала пришлось бы пройти мимо Татарской земли, затем до Китая и далее до Малакки, Ост-Индии и мыса Доброй Надежды и, таким образом, проплыть кругом «всего света». Можно было бы также повернуть на запад, обогнуть Ньюфаундленд и вернуться через Магелланов пролив (Richard Hakluyt, The principael Navigations etc., London, 1589, стр. 250). За два года до этого Павел Иовий (Paulus Jovius) на основании донесений русского посла папе Клименту VII сообщал, что Россия на севере окружена огромным океаном, по которому, придерживаясь правого берега, если не встретится на пути другой земли, можно доплыть до Китая (Pauli Jovii opera omnia, Basel, 1578, 3-я часть, стр. 88; заимствованное оттуда описание России в первый раз напечатано в Риме в 1525 году под заголовком «Libellus de legatione Basilii ad Clementem VII»). *(Прим. автора.)*

[67] В 1540 году Лондон имел, не считая королевского флота, не более четырех кораблей, водоизмещение которых превышало 120 тонн (Anderson, Origin of Commerce, London, 1787, т. II, стр. 67) Бóльшая часть приморских городов Скандинавии обладает теперь бóльшим торговым флотом, чем Лондон в XVI веке. *(Прим. автора.)*

[68] Например, пункт 30: «Если вы увидите их (т. е. незнакомцев, которые встретятся в пути) в львиных или медвежьих шкурах, с длинными луками и стрелами, не пугайтесь: все это часто носят больше для того, чтобы пугать чузеземцев (Hakluyt, 1-е изд., стр. 262). *(Прим. автора.)*

[69] Согласно рассказу о путешествии Клеменса Адамса. (Hakluyt, стр. 271.) *(Прим. автора.)*

[70] Cum ob corporis formam (erat enim procerae staturae) tum ob singula rem in re bellica industriam. (Повествование C. Adams, Hakliyt, стр. 271.) *(Прим. автора.)*

[71] Десять дней раньше или позже имеют очень важное значение в отношении ледовых условий летом в морях Крайнего Севера. Поэтому, касаясь путешествий моих предшественников, я всегда обращал старый стиль в новый. *(Прим. автора.)*

[72] Vibrantur bombardarum fulmina, Tartariae volvuntur nubes, Martem sonant crepitacula, reboant summa montium juga, reboant valles, reboant urdae, claraque Nautarum percellit sydera clamor. (Повествование Clemens Adams, Hakluyt, стр. 272.) *(Прим. автора.)*

[73] Во времена, когда начался китовый промысел у Шпицбергена, Томас Эдж, один из командиров судов Московской компании, пытался доказать, что Виллоуби во время своего странствования после разлуки с Чанслером открыл Шпицберген (Purchas, III, стр. 462). Утверждение это, вызванное желанием Англии монополизировать промысел у Шпицбергена, явно неправильно. Его давно уже считают ни на чем не обоснованным. Вместо этого позд-

нейшие исследователи полагают, что местность, которую Виллоуби видел, была Гусиная Земля на Новой Земле. Я имею основание считать это предположение неверным по ряду соображений, которые здесь не привожу. Мне кажется весьма правдоподобным, что земля Виллоуби с ее песчаными мелями был остров Колгуев. В таком случае, конечно, широта показана на 2° севернее, но подобные ошибки в определениях места очень возможны у мореплавателей того времени. *(Прим. автора.)*

[74] Завещание составлено Габриэлем Виллоуби, находившимся на адмиральском корабле в качестве торгового агента. *(Прим. автора.)*

[75] Hakluyt, стр. 500; Purchas, III, 249 и примечания на стр. 463. *(Прим. автора.)*

[76] О нем говорится в письме, написанном из Москвы Генри Леном, что царь на пиру пригласил их к своему столу, чтобы каждому дать из своих рук кубок, и, взяв в свою руку доходившую до стола бороду мистера Джорджа Киллингворта, шутя передал ее митрополиту, который, делая вид, что благословляет ее, сказал по-русски, что это дар божий (Hakluyt, стр. 500). *(Прим. автора.)*

[77] Так как Двина находится южнее Вардехуса, то рассуждения эти должны относиться к более раннему периоду путешествия, чем тот, для которого они приводятся. *(Прим. автора.)*

[78] Существует много описаний этих путешествий. Первое появилось в трудах общества Hakluyt (The principael Navigations, Voyages and Discoveries of the English nation etc., London, 1589);

в это описание включены инструкция, грамота и т. д., стр. 259; копия дневника сэра Хьюга Виллоуби с переименованием всех участников, стр. 265; описание путешествия Чанслера Клементием Адамсом, стр. 270, и т. д. Позднее эти сочинения были напечатаны в Purchas, Pilgrimage, III, стр. 211. Желающим полнее познакомиться с относящейся сюда литературой я могу указать на Фр. фон-Аделунга (Fr. v. Adelung, Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland, St. Petersburg & Leipzig, 1846, стр. 200) и на И. Гамеля (J. Hamel, Tradescant der Aeltere 1618 in Russland, St. Petersburg & Leipzig, 1847). *(Прим. автора.)*

[79] Город Архангельск был основан в 1584 году. *(Прим. ред.)*

[80] Эти надежды Норденшельда оправдались не так скоро. Единственной железной дорогой, соединяющей Европу непосредственно с Ледовитым океаном, является в настоящее время Кировская дорога, построенная в 1916 году и доходящая до Мурманска. *(Прим. ред.)*

[81] На западном берегу южного острова Новой Земли. *(Прим. ред.)*

[82] Ср. «Redogörelse för en expedition till myninngen af Jenisej och Sibirien år 1875», p. 17 (Bihang till K. Vet. Akad. Handl., Bd. 4, Nr. 1). *(Прим. автора.)*

[83] Вместо названия «ненцы» в оригинале Норденшельд всюду употребляет «самоеды». *(Прим. ред.)*

[84] Норденшельд имеет в виду голландские экспедиции 1594—1596 годов. *(Прим. ред.)*

[85] «Letter of Richard Finch to Sir Thomas Smith Governor; and to the rest of the Worshipful

Companie of English Merchants, trading into Russia». Purchas, III, стр. 534.

[86] Вероятно, Серебренников имел в виду не китобойный промысел, а промысел белуги. *(Прим. ред.)*

[87] Это название, обозначающее, собственно, грубое изображение, даже перешло в шведский язык: слово «bulvan» — одно из немногих слов, воспринятых нашим языком у русского. *(Прим. автора.)*

[88] В Лапландии употребляются два вида кереж: для клади — ahkio и для людей — pulkka. Вторая отличается от первой лишь тем, что имеет сзади довольно высокую спинку. Езда по лесистой местности с глубоким, рыхлым снегом на лодкообразных кережах несомненно удобнее, чем на ненецких санях, приспособленных больше для тундры, где снег, уплотненный ветром, значительно крепче. *(Прим. ред.)*

[89] Несколько удивляет, что очень наблюдательный и объективный Норденшельд не заметил того, что сношения эскимосов с американскими китобоями, в основе которых лежала экономическая эксплоатация эскимосов, должны были принести этому полярному народу гораздо больше вреда, чем пользы. *(Прим. ред.)*

[90] В Аляске. *(Прим. ред.)*

[91] Дело, конечно, не в расе, а в капиталистическом строе, который, как показывает история, является гибельным для всех первобытных народов. *(Прим. ред.)*

[92] «Searchthrift» — корабль Стефана Борро. *(Прим. ред.)*

[93] Вероятно, на одном из небольших островов близ Вайгача. *(Прим. ред.)*

[94] Русский промышленник, оказавший много различных услуг Стефану Борро. *(Прим. автора.)*

[95] «Treatise of Russia and the adjoining Regions written by Doctor Giles Fletcher Lord Ambassador from the late Queene, Everglorious Elizabeth, to Theodore then Emperor of Russia A. D., 1588», Purchas, III, стр. 413. *(Прим. автора.)*

[96] О странных представлениях относительно ненцев можно судить по рассказу о путешествии, предпринятом в 1245—1247 гг. итальянцем Иоанном де Плано Карпини во внутреннюю Азию в качестве посла папы к могущественному властителю монгольских орд. В этих описаниях говорится, что сын Чингисхана, Оккодай-хан, разбитый на голову венграми и поляками, направился на север, победил баскартов, т. е. великовенгров, затем встретился с парозитами, у которых были удивительно маленькие животы и рты; они не ели мяса, но только варили его и питались вдыханием испарений. Наконец он дошел до ненцев, живших только охотой, и дома и одежда которых сделаны из звериных шкур. Далее на север, в стране у океана, жили чудовища с человеческими туловищами, бычьими ногами и собачьими мордами (Relation des Mongols ou Turtares par le frère Jean du Plan de Carpin, publ. par M. d'Avezas, Paris, 1838, стр. 281. Сравни: Ramusio, Delle navigationi e viaggi, II, 1583, стр. 236). В другом месте того же сочинения говорится: «К северу от страны Компании, непосредственно за Россией, живут мордвины и билеры, т. е. великоболгары, баскарты, т. е. великовенгры, затем парозиты и самоеды, у которых вместо лиц собачьи морды (Relation

des Mongols, стр. 351; Ramusio, II, стр. 239). *(Прим. автора.)*

[97] В настоящее время Шпицберген, Новая Земля, Вайгач и остров Врангеля имеют постоянное население. Количество жителей на Шпицбергене составляло к концу 1934 года 2415 человек. На Земле Франца-Иосифа и на Таймырском полуострове существуют постоянные метеорологические радиостанции. *(Прим. ред.)*

[98] Название буревестник дается также и качурке (Thalassidroma pelagica Vig.), но не в тех частях полярного моря, о которых здесь идет речь. *(Прим. автора.)*

[99] Fulmarus glacialis. *(Прим. ред.)*

[100] Тобисен видел у Медвежьего острова 28 мая 1866 г. яйца буревестника прямо на льду, еще покрывавшем скалы. В одном месте сидевшая на яйцах самка примерзла одной лапой ко льду. 31/21 августа 1598 г. Баренц наблюдал в северной части Новой Земли нескольких птиц, избравших для высиживания яиц льдину, только слегка покрытую небольшим количеством земли. В обоих этих случаях нижняя часть яйца во время высиживания не могла нагреться выше 0°. *(Прим. автора.)*

[101] Uria lomvia. *(Прим. ред.)*

[102] Uria grylle mandtii. *(Прим. ред.)*

[103] Ф. Мартенс — гамбургский цирюльник, посетивший Шпицберген в 1671 году и описавший свое путешествие в книге «Nauwkeurige Beschryvinge van Groenland of Spitsbergen», Amsterdam, 1710. *(Прим. ред.)*

[104] Заслуживал бы исследования вопрос — не проводят ли люрики, подобно белым куро-

паткам Шпицбергена, зиму среди каменных обвалов, только изредка вылетая в море для добычи пищи. *(Прим. автора.)*

[105] На Шпицбергене. *(Прим. ред.)*

[106] Это прозвище было дано птицам голландскими китоловами. *(Прим. автора.)*

[107] Larus Hyperboreus Junn. *(Прим. ред.)*

[108] Позже гнездовья этих чаек были обнаружены во многих местах на Земле Франца-Иосифа. *(Прим. ред.)*

[109] Во время многих моих путешествий по Ледовитому океану мне пришлось лишь однажды видеть птенца белой чайки, а именно в 1878 г. близ Питлекая, где чукча продавал его за куропатку. Птенец был белый с черными пятнами. *(Прим. автора.)*

[110] Sterna Paradicea Brünn. *(Прим. ред.)*

[111] Количество гагачьего пуха, привезенного из полярных стран в Тромзе, доходило в 1868 г. до 540 килограммов, в 1869 — до 963, в 1870 — до 882, в 1871 — до 630, в 1872 — до 882, в 1871 — до 630, в 1872 — до 306 килограммов. Полная добыча за год получится, если утроить эти числа. *(Прим. автора.)*

[112] Calidris maritima. *(Прим. ред.)*

[113] Уже в южной части Новой Земли встречаются одновременно с пуночками различные другие певчие птицы, например жаворонковый подорожник (Emberiza lapponica L.) и горный жаворонок (Alauda alpestris L.). Они гнездятся на земле под каким-нибудь кустом, на кочке или камне, в старательно свитом и очень заботливо выложенном травяным пухом и перьями гнезде. Птицы эти не редки. *(Прим. автора.)*

[114] Тундряная куропатка. *(Прим. ред.)*

[115] Геденштром также подтверждает («Отрывки из воспоминаний о Сибири», СПб., 1830, стр. 130), что куропатка зимует на Новосибирских островах и что она там жирнее и нежнее, чем на материке. *(Прим. автора.)*

[116] Северный Шпицберген. *(Прим. ред.)*

[117] Олени на крайнем севере Новой Земли водятся еще и в настоящее время. *(Прим. ред.)*

[118] Одни звероловные суда из Тромзе доставили в 1868 году 996 оленей, в 1869 году — 975 и в 1870 году — 837. Если сюда прибавить то большое количество оленей, которых убивают весной и не считают при оценке лова, и принять во внимание, что количество зверобойных судов, снаряжаемых из Тромзе, меньше того, которое отправляется из Гаммерфеста, и что охотой на оленей на Шпицбергене занимаются зверобои и из других мест, как и туристы,—то нужно предполагать, что по крайней мере три тысячи животных было убито в каждый из названных годов. Прежде охота на оленей была очень выгодна, но с 1870 года она заметно пошла на убыль. *(Прим. автора.)*

Резкая убыль количества оленей на Шпицбергене в XX веке заставила норвежское правительство издать постановление, по которому охота на оленей на этом архипелаге была запрещена на 10 лет — с 1925 по 1934 год. Начиная с 1935 года на Шпицбергене разрешается убивать не более 250 оленей в год. *(Прим. ред.)*

[119] Исчезновение оленей на южном острове Новой Земли объясняется исключительно хищническим убоем этих животных. В 1934 году в целях охраны оленей на Новой Земле было издано постановление, по которому охота на

оленей на Новой Земле запрещена временно на 5 лет. *(Прим. ред.)*

[120] Это предположение Норденшельда мало обосновано, в особенности для южного острова Новой Земли. *(Прим. ред.)*

[121] Когда Шпицберген был впервые нанесен на карту, многие места получили названия от оленей, что указывает на то, что олень тогда водился там в большом количестве, и как раз в большей части этих мест олень в настоящее время совершенно исчез. Напротив, на Новой Земле голландские и английские путешественники XVI века не встречали оленей. Во время шведской экспедиции 1875 года совершенно не видели оленей на западном берегу этого острова южнее Кармакульского залива, зато множество было убито у Безымянного залива и Маточкина Шара. Когда некоторым из спутников известного норвежского промышленника капитана Сиверта Тобисена пришлось в 1872/73 году перезимовать на Северном Гусином мысе, они в течение зимы и весны убили всего 11 оленей. Несколько русских, которых кораблекрушение заставило провести шесть лет на берегу Станс Фореланда (Малый Брун), в течение этого долгого времени жили только охотой без огнестрельного оружия (у них имелось, когда они сошли на берег, пороху и пуль всего на двенадцать зарядов). Трое спасенных и вернувшихся в 1749 году рассказали, что убили двести пятьдесят оленей (P. L. le Roy, Relation des avantures arivées à quatre matelots russes jettés par une tempête près de l'Isle déserte d'Ost-Spitzbergen, sur laquelle ils ont passé six ans et trois mois, стр. 1, 1766). *(Прим. автора.)*

Цитируемая книга Ле Руа «Приключе-

ния четырех российских матросов, к острову Ост-Шпицбергену бурею принесенных, где они шесть лет и три месяца прожили» была переиздана Арктическим институтом в Ленинграде в 1933 году. (*Прим. ред.*)

[122] Witsen, Noort ooster gedeelte van Asia en Europa. 1705, II, стр. 904. *(Прим. автора.)*

[123] Кент Кэн совершил в 1853—1855 годах, в целях поисков экспедиции Франклина, путешествие в водах к западу от Гренландии. *(Прим. ред.)*

[124] В 1864 году Норденшельд стоял во главе летней экспедиции на Шпицберген. *(Прим. ред.)*

[125] Во время зимовки в 1869/70 году в восточной Гренландии д-р Панц видал однажды (Die zweite deutsche Nordpolarfahrt, B. 2, S. 157, Leipzig, 1873—1874). *(Прим. автора.)*

[126] Многочисленные наблюдения показывают, что медведицы в последний период беременности лежат в снежных берлогах (*Прим. ред.*)

[127] W. Scoresby's des Jüngern Tagebuch einer Reise auf den Wallfischfang. Aus dem Engl. übers. Hamburg, 1825, стр. 127. *(Прим. автора.)*

[128] Die zweite deutsche Nordpolarfahrt. B. I, S. 465. *(Прим. автора.)*

[129] Возможно, что в шведском оригинале здесь описка и что Норденшельд имел в виду не моржа, а тюленя. *(Прим. ред.)*

[130] О ядовитых свойствах печени белого медведя в полярной литературе имеется очень много указаний. *(Прим. ред.)*

[131] Grönlands historiske Mindesmärker, Kjöbenhavn, III, стр. 384, 1838. *(Прим. автора.)*

[132] Знаменитый венецианский путешественник, совершивший в XIII веке путешествие в восточную Азию, продолжавшееся 24 года. *(Прим. ред.)*

[133] Ol. Magnus, римское издание, 1555, стр. 621. *(Прим. автора.)*

[134] Purchas, III, стр. 562. *(Прим. автора.)*

[135] Говорят, что на Новой Земле до Маточкина Шара встречаются даже волки. На северном побережье Азии и восточной Европы волки довольно распространены. *(Прим. автора.)*

[136] Т. е. на Шпицбергене и Новой Земле, но, конечно, не на побережье материка. В западной Гренландии комары встречаются даже на таком далеком севере, как южная часть острова Диско; они здесь настолько опасны, особенно для приезжих в первые дни, что лица людей, осмелившихся проникнуть без вуали в болотистые, заросшие кустарником местности, в течение нескольких часов становятся неузнаваемыми: веки распухают и превращаются в огромные болячки и т. д. Но когда однажды подвергнешься этой неприятной и болезненной прививке, тело делается, повидимому, менее восприимчивым к комариному яду, по крайней мере на одно лето. *(Прим. автора.)*

[137] В виду того, что единственная chrysomela, найденная Бэром у Маточкина Шара, сыграла такую роль в арктически-зоологической литературе, я перечислю тут виды жесткокрылых Новой Земли, которые известны в настоящее время после изучения проф. Мэклином привезенных нами коллекций. Эти виды: Feronia borealis Ménétr., F. gelida Mäkl., Amara alpina Fabr., Agabus subquadratus Motsch., Homalota

sibirica Mäkl., Homalium angustatum Mäkl., Cylletron (?) hyperboreum Mäkl., Chrysomela septentrionalis (?) Ménétr., Prasocuris hannoverana Fabr., v. degener. С острова Вайгач известно еще семь видов, не встречающихся на Новой Земле. Насекомые попадались частью под камнями (в особенности в местах, покрытых обильными экскрементами пеструшек или изобилующих птичьими гнездами) и частью, в теплые дни, на кустах ивы. *(Прим. автора.)*

[138] Морские ежи встречаются очень редко в Карском море и в сибирской части Ледовитого океана, но к западу от Новой Земли их местами так много, что кажется, что они сплошь покрывают морское дно. *(Прим. автора.)*

[139] Purchas, III, стр. 560.

[140] Ср. поучительный труд Мальмгрена в «Записках Шведской академии наук» и сочинение Скоресби (Scoresby, Arctic regions, I, стр. 502, Edinburgh, 1820). Что моржи едят моллюсков, видно также из голландского рисунка начала XVII века. *(Прим. автора.)*

[141] Поднимись наверх. *(Прим. ред.)*

[142] Purchas, III, стр. 560. *(Прим. автора.)*

[143] K. E. v. Baer, Anatomische und zoologische Untersuchungen über das Wallross. Записки Академии наук, сер. VI, т. IV, 2, стр. 97, 1838 г. *(Прим. автора.)*

[144] В могильниках Севера попадаются предметы из моржовой кости. *(Прим. автора.)*

[145] Моржового промысла в районе Святого Носа в настоящее время уже не существует. *(Прим. ред.)*

[146] В 1858 году я видел Phoca barbata (морского зайца) с совсем съеденными от старости зубами, который своей красновато-

бурой окраской очень походил на моржа и мало уступал ему по размерам. *(Прим. автора.)*

147 Albertus Magnus, De animalibus. Mantua, Lib. 24, 1479. Тут же он дает описание китовой ловли, основанное на действительном опыте, с разумным толкованием, что описание древними этой ловли не совпадает с истиной. *(Прим. автора.)*

148 A report upon the condition of affairs in the territory of Alaska. Washington, 1875, стр. 160. *(Прим. автора.)*

149 В одном японском рукописном описании путешествия (№ 360 в привезенной мною японской библиотеке) имеется изображение моржа. Согласно объяснению члена японской миссии, посетившего в 1880 году Стокгольм, название книги «Кай-кай-и-фун, рассказ о замечательном путешествии по далеким морям». Рукопись в 4 томах написана в 1830 году. Во вступлении говорится, что когда несколько японской библиотеке) имеется изображение с грузом риса в Иессо, они во время бури сбились с курса и долго блуждали по морю, пока в начале июня следующего года не попали на один из Алеутских островов, только что занятых русскими. Они пробыли там десять месяцев и пришли к концу июня следующего года в Охотск. Год спустя их осенью привезли в Иркутск, где они пробыли восемь лет. Русские обращались с ними хорошо. Затем их привезли в Петербург, где они получили аудиенцию у государя. Тут им подарили шубы и великолепно угощали. Наконец, с одним из судов капитана Крузенштерна их отправили морем вокруг мыса Горн в Япо-

нию. Весной 1805 года после приблизительно тринадцатилетнего отсутствия с родины их сдали в Нагасаки японским властям. Из Нагасаки их перевезли в Иеддо, где им учинили допрос. Одно лицо задавало вопросы, другое записывало ответы и третье запечатлевало в рисунках все замечательное, пережитое ими. После этого их отправили на родину. Дальше в вступлении говорится, что потерпевшие кораблекрушение были неучеными моряками, которые часто самому важному придают мало значения. Поэтому предостерегают, чтобы читатели не относились слишком доверчиво к их рассказам или к рисункам, находящимся в книге. Эти последние занимают четвертую часть сочинения, состоящего больше чем из 100 страниц в четвертую долю листа. Замечательно, что первые кругосветные плавания русских и японцев были совершены одновременно. *(Прим. автора.)*

[150] Чтобы избегнуть недоразумений, я употребляю это название вместо обычного, но малоподходящего — «белая рыба». *(Прим. автора.)*

На русском языке названия «белый кит» и «белая рыба» не употребляются *(Прим. ред.)*

[151] Шпицберген. *(Прим. ред.)*

[152] Это была, вероятно, касатка. *(Прим. ред.)*

[153] В указанных районах кости китов были найдены, но в незначительном, по сравнению с Шпицбергеном, количестве. *(Прим. ред.)*

[154] Hakluyt, 1 изд. стр. 317. *(Прим. автора.)*

[155] Purchas, т. III, стр. 539. *(Прим. автора.)*

[156] Артур Пит был первым англичанином, проникнувшим в Карское море (в 1580 году).

Вопрос, прошел ли он в это море Карскими Воротами или Югорским Шаром, остается не вполне выясненным. *(Прим. ред.)*

157 Purchas, т. III, стр. 805. *(Прим. автора.)*

158 Purchas, т. III, стр. 805; Witsen, стр. 917. *(Прим. автора.)*

В старинных русских источниках обычно встречается название «Нарзомское море». *(Прим. ред.)*

159 Так как границей между Европой и Азией является Уральский хребет, а продолжение этого хребта — Пай-Хой — тянется по направлению к Югорскому Шару, то берег материка между этим проливом и Байдарацкой губой следует причислить к Азии, а не к Европе, как это делает Норденшельд. *(Прим. ред.)*

160 В настоящее время северным пределом Карского моря считается линия, идущая от Земли Франца-Иосифа к мысу Молотова (северная оконечность Новой Земли). *(Прим. ред.)*

161 Эти первые указания по лоции Югорского Шара имеют в настоящее время только исторический интерес. *(Прим. ред.)*

162 Les moeurs et usages des Ostiackes par Jean Bernard Muller, capitaine de dragons au service de la Suède, pendant sa captivité en Sibérie (Recueil de voyages au Nord, t. VIII, стр. 389, Amsterdam, 1727). *(Прим. автора.)*

163 «Незнаемым морем». *(Прим. ред.)*

164 Английский капитан Вуд совершил в 1676 году плавание с целью отыскания северо-восточного прохода, но дошел только до западных берегов Новой Земли. Голландский китобой Виллем де-Фламинг совершил в 1664 году замечательное плавание, проник-

нув от мыса Желания далеко на северо-восток Карского моря. *(Прим. ред.)*

[165] Остров Уединения был открыт в 1878 году, т. е. в год плавания «Веги», норвежским промышленником Э. Иоганнессеном. *(Прим. ред.)*

[166] Крайняя северо-восточная граница Карского моря — Северная Земля — была открыта только в 1913 году. *(Прим. ред.)*

[167] Я прихожу к этому выводу, принимая во внимание внешний вид берега с моря и состав этих пластов на Вайгаче и на западном берегу Новой Земли. Насколько мне известно, ни один геолог не посещал восточного берега этого острова. *(Прим. автора.)*

[168] Иногда айсберги все же встречаются в самой северной части Карского моря и возле северо-восточного побережья Новой Земли, куда их могло принести с Земли Франца-Иосифа или из другой, расположенной дальше на север, еще неизвестной полярной земли. *(Прим. автора.)*

Появление у берегов Новой Земли айсбергов с Земли Франца-Иосифа очень мало вероятно, принимая во внимание господствующие морские течения. В крайней северо-восточной части Карского моря были отмечены айсберги значительных размеров, которые происходили от ледников Северной Земли. Айсберги дают также острова Шмидта и Ушакова, но все они не попадают в южные части Карского моря. *(Прим. ред.)*

[169] Академиком К. Бэром. *(Прим. ред.)*

[170] В большинстве беллетристических описаний полярных путешествий колоссальные айсберги играют выдающуюся роль как в изо-

бражении карандашом, так и пером. В действительности же айсберги в гораздо большем количестве встречаются в морях, ежегодно доступных для плавания, чем в тех, где судам полярных путешественников препятствуют сплошные массы льда. Если для распространения айсбергов можно заимствовать термины из географии растений, то можно было бы сказать, что они скорее бореальные, чем полярные формы льда. Все рыбопромышленники у Ньюфаундленда и большинство капитанов на судах, совершающих рейсы между Нью-Йорком и Ливерпулем, имели случай видеть настоящие айсберги, но для большинства мореплавателей на северо-восток эти образования неизвестны, хотя название айсберга часто дается ими в их рассказах обломкам ледников сколько-нибудь крупных размеров. Это смешение понятий происходит по той же причине, по какой жители близ устья Печоры считали Большой Камень за очень высокую гору. Но если настоящие айсберги и не образуются на Шпицбергене или на севере Новой Земли, то все же от ледников этих островов часто откалываются значительные ледяные глыбы, причем возникает волна, которая может быть очень опасной для находящихся по соседству судов. Такая волна, образовавшаяся вследствие падения ледникового обломка, поломала 23/13 июня 1619 года мачты на судне, стоявшем на якоре в Бельзунде у Шпицбергена, смыла за борт пушку, убила трех человек и многих ранила (Purchas, т. III, стр. 734). Я мог бы привести много подобных приключений как из моего опыта, так и из опыта зверобоев. Поэтому избегают

бросать якорь слишком близко к крутым ледниковым обрывам. *(Прим. автора.)*

Современная ледовая терминология причисляет к айсбергам образования ледникового происхождения, возвышающиеся над поверхностью моря не менее 5 метров. Те глыбы пресноводного льда, которые имеют меньшую высоту, называются обломками (по-английски calved ice), а совсем маленькие обломки менее ½ метра высоты над поверхностью моря — growler. *(Прим. ред.)*

[171] Замерзание зимой всего Карского моря вызывает некоторое сомнение. *(Прим. автора.)*

[172] Лед Полярного бассейна никогда не может быть встречен в южных и средних широтах Карского моря, тогда как на крайнем севере этого моря наличие полярного льда не исключено. *(Прим. ред.)*

[173] Во времена Норденшельда все эти данные были все же весьма неполными и приближенными. *(Прим. ред.)*

[174] Последующие исследования показали, что это не совсем так. *(Прим. ред.)*

[175] Это так называемые марганцевые конкреции. *(Прим. ред.)*

[176] Эти данные неверны, что объясняется несовершенством методов наблюдений во времена Норденшельда. В Карском море соленость воды нигде, за исключением крайней северо-западной части (куда поступают атлантические воды из Полярного бассейна), не достигает солености воды Атлантического океана (35‰), а температура здесь никогда не опускается ниже — 1°.9. Даваемые Норденшельдом температуры (от —2° до —2°.7) не могут наблюдаться, так как они лежат значительно ниже

точки замерзания воды Карского моря. *(Прим. ред.)*

[177] Уже в 1771 году один из спутников Палласа, студент Зуев, нашел в Карском море много больших водорослей. (P a l l a s, Reise. St. Petersburg, B. III, S. 34, 1771—1776).

[178] Капитан Д. И. Шваненберг совершил в 1877 году плавание на маленькой парусной шхуне «Утренняя заря» из Енисея в Петербург, причем впервые из Енисея морским путем были вывезены грузы. *(Прим. ред.)*

[179] Самое северное место, населенное в настоящее время европейцами, — датская торговая фактория Тасюсак в северо-западной Гренландии под 73°24′ сев. шир. Как мало даже в России знают о прежних жилых местах у устья Енисея, видно из: Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien zwischen den Flüssen Pjässida und Chatanga in Fragen und Antworten abgefasst. Mit Einleitung und Anmerkungen vom Herausgeber (K. E. v. B a e r und Gr. v. H e l m e r s e n, Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches. B. IV, S. 269, St. Petersburg, 1841). *(Прим. автора.)*

[180] В настоящее время количество соли в морской воде принято выражать не в проценте (%), а в промилле ($^0/_{00}$) 0,3% = $3^0/_{00}$. *(Прим. ред.)*

[181] Выше было отмечено, что такой низкой температурой, как —2°.7, вода в Карском море не может обладать. *(Прим. ред.)*

[182] Собранные тут коллекции были определены по возвращении в Швецию д-ром Чельманом, сообщившим следующий список:

Saxifraga stellaris L.
» cernua L.

Saxifraga rivularis L.
Cochlearia fenestrata R. Br.
Stellaria humifusa Rottb.
Sagina nivalis Fr.
Arctophila pendulina (Laest.) Ands.
Gatabrosa algida (Sol.) Fr.
Dupontia Fisheri R. Br.
Aira caespitosa L.
Hierochloa pauciflora R. Br.
Eriophorum russeolum Fr.
» Scheuchzeri Hoppe
Carex salina Wg.
» ursina Desv.
Luzula hyperborea R. Br.
» arctica Bl.

183 По определению д-ра Чельмана, это были следующие:

Saxifraga cernua L.
» caespitosa L.
Cochlearia fenestrata R. Br.
Draba alpina L.
Ranunculus sulphureus Sol.
» nivalis L.
» pygmaeus Wg.
» lapponicus L.
» borealis Trautv.
Stellaria Edwardsii R. Br.
Salix glauca L.
Arctphila pendulina (Laest.) And.
Catabrosa algida (Sol.) Fr.
» concinna Th. Fr.
Dupontia Fisheri R. Br.
Calamagrostis lapponica L.
Carex salina Wg.
» rigida Good.
Eriophorum russeolum Fr.

Luzula arcuata Sm. f. hyperborea R. Br. Lloydia serotina (L.) Reichenb. *(Прим. автора.)*

[184] Лейтенант С. Г. Малыгин, участник Великой северной экспедиции, прошел через пролив, названный его именем, в 1737 году. Однако нет сомнений, что этот пролив был известен русским мореходам XVII века. На составленной Исааком Массой карте пролив между Белым островом и Ямалом уже значится. *(Прим. ред.)*

[185] На картах в труде Линшотена (Linschoten), напечатанном в 1601 году, и в Blavii Atlas Major (т. 1, стр. 24 и 25, 1665) эта земля названа «Nieu West Vrieslant» и «West Frisia Nova». Название это имеет приоритет в печати, но его нельзя предпочесть благозвучному туземному названию. *(Прим. автора.)*

[186] В оригинальном труде Норденшельда всюду пишется «Ялмал», между тем как правильное произношение названия этого полуострова «Ямал». Оно происходит от ненецких слов «я» — земля и «мал» — конец. *(Прим. ред.)*

[187] Смотри N. Witsen, стр. 902, 1785. *(Прим. автора.)*

[188] Wrangel, Reise, стр. 38, 1839. *(Прим. автора.)*

[189] Русское издание: Ф. Литке, Четырехкратное путешествие в Северный ледовитый океан. СПб., 1828. *(Прим. ред.)*

[190] Русское издание: Ф. Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. СПб., 1841. *(Прим. ред.)*

[191] Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. B. III, стр. 14—35, St. Petersburg, 1771—1776. *(Прим. автора.)*

[192] Плавание в Карское море совершил П. П. Крузенштерн, внук знаменитого кругосветного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна. *(Прим. ред.)*

[193] Paul von Krusenstern, Skizzen aus seinem Seemannsleben. Hirschberg in Schlesien. Далее я скажу несколько подробнее о двух путешествиях Крузенштерна по Карскому морю. *(Прим. автора.)*

[194] Deutsche Geogr. Blätter. Herausgegeben von Lindemann, I, Bremen, 1877. O. Finsch, Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Berlin, 1879. Литературный указатель, составлен графом фон-Вальдбург-Цейль, Litteratur-Nachweis für das Gebiet des unteren Ob. *(Прим. автора.)*

[195] Nordenskiöld, Redogörelse för en expedition till mynningen af Jenisej och Sibirien år 1875. Bih. till Kongl. Vet.-Ak. Handl., B. 4, № 1, стр. 38—42. *(Прим. автора.)*

Русское издание: А. Е. Норденшельд, Экспедиция к устьям Енисея 1875 и 1876 годов. СПб., 1880. *(Прим. ред.)*

[196] Подробности этой зимовки я привожу частью из личного рассказа Нумме́лина, частью по «Göteborgs Handels och Sjöfartstidning» («Гетеборгская торговая и мореплавательная газета») от 20 и 21 ноября 1877 года. Помещенный там впервые рассказ об этом путешествии, насколько я знаю, единственный обстоятельный и написан Шваненбергом и Нумме́лином для редакции газеты на основании их дневников. Шваненберг пришел в Гетеборг на своем выстроенном в Енисейске судне на несколько дней раньше. *(Прим. автора.)*

[197] Orosius, книга I, главы I, II. *(Прим. автора.)*

198 В переводе Босворта это название передано, как White Sea — неуклюжное модернизирование названия, которое, впрочем, и неправильно, так как Белое море представляет лишь залив океана (Cwen Sea), ограничивающего Европу с севера. *(Прим. автора.)*

199 Русские летописи повествуют, что земля между Двиной и Печорой (Заволоцкая чудь) была в первой половине IX века обложена новгородцами данью. В начале XII века упоминается монастырь у устья Двины, откуда можно заключить, что страна уже тогда была частью населена русскими, но всякие точные указания на время, когда начались русско-финские путешествия по Ледовитому океану, отсутствуют (см. F. Lütke, Viermalige Reise durch das nördliche Eismeer. Berlin, 1835, стр. 3). *(Прим. автора.)*

200 Общество английских купцов-изыскателей для открытия земель, островов и владений незнаемых. *(Прим. ред.)*

201 Путешествие описано в записках Общества Hakluyt, изд. 1-е, стр. 311. В оглавлении путешествие это обозначено: «The voyage of Steven Burrough towards the river Ob, intending the discoverie of the north-east passage. An. 1566». Из введения видно, что описание просмотрено самим Борро. В тексте везде написано Burrowe вместо Burrough. *(Прим. автора.)*

202 Как я уже упоминал выше, Герберштейн рассказывает, что русские (например, Истома и др.) уже в 1496 году обогнули северную оконечность Норвегии на лодках, которые в случае нужды можно было вытащить на берег. Нордкап или, скорее, Нордкин назывался в те времена Мурманский Нос (Норманский мыс).

Гульсиус, приводя в своем собрании путешествий рассказ Герберштейна о путешествиях Истомы, принимает Святой Нос на Кольском полуострове за Норджап (H. H a m e l, Tradescant, St. Petersburg, 1847, стр. 40). *(Прим. автора.)*

[203] Должно быть, или описка или опечатка; вероятно, 68°48′, так как Кола лежит под 68°51′ сев. шир. *(Прим. автора.)*

[204] Очевидно, имеется в виду не река Кола, а Кольский залив. *(Прим. ред.)*

[205] Это показание весьма замечательно. Оно свидетельствует, что суда, употреблявшиеся в те времена русскими и финнами, не были уж так плохи по сравнению с судами европейцев. Это, между прочим, подтверждается и тем, что нигде в рассказах о прежних путешествиях англичан и голландцев на Новую Землю нет сведений, указывающих на то, что моряки этих наций считали себя в морском искусстве выше кольских жителей. Так как в те времена русско-финские промысловые ладьи, повидимому, не испытывали влияния западноевропейского кораблестроительного искусства, было бы важно собрать все, что известно о способе постройки этих судов. Изображения этих судов часто встречаются в описаниях голландских путешествий, но неизвестно, насколько они верны. Согласно этим изображениям, борта не обшиты, а связаны вицами. Такой способ постройки встречается в северных странах еще и сейчас. Вообще форма древней ладьи напоминает современное промысловое судно. *(Прим. автора.)*

[206] Мыс Воронов на западном берегу Мезенской губы. *(Прим. автора.)*

[207] Водки. *(Прим. ред.)*

[208] Вероятно, песцы. И теперь еще на побережье Ледовитого океана часто попадаются оставленные русскими промышленниками капканы для песцов. *(Прим. автора.)*

[209] Канин Нос расположен под 68°30′ сев. шир. *(Прим. автора.)*

[210] Это была первая встреча западноевропейцев с ненцами. *(Прим. автора.)*

[211] Мысы, ограничивающие устье Печоры (мыс Русский Заворот и мыс Медынский Заворот) лежат под 69°0′. *(Прим. автора.)*

[212] Очевидно, острова у южной оконечности Новой Земли. *(Прим. автора.)*

[213] Он был, повидимому, финского происхождения. Квены в северной Норвегии до сих пор самые искусные гарпунщики. Но в позднейшие времена у них все же появились в лице лопарей соперники в искусстве владеть гарпуном и ружьем. *(Прим. автора.)*

[214] По связи с предыдущим и из указания, что «много пловучего льда» носилось в море, можно заключить, что гавань эта была расположена в северной части острова, у входа в Карские Ворота. *(Прим. автора.)*

[215] Нармезай, повидимому, та же река, что на карте Масса называется Наронцей и впадает в море на западном берегу Ямала. *(Прим. ред.)*

[216] Печальна была судьба всех трех судов, участвовавших в первой английской северо-восточной экспедиции.

«Edward Bonaventure» под командой Чанслера и Борро совершил в 1553 году путь из Англии в Белое море, вернулся в Англию в 1554 году и был ограблен в пути голландцами (Purchas, III, стр. 250), в 1555 году снова

отправился с Чанслером в Двину и вернулся в том же самом году в Англию под командой капитана Джона Беклэнда. В 1556 году на этом корабле ходил Борро до Кольского полуострова, достиг затем устья Двины, откуда должен был доставить в Англию Чанслера и русское посольство, состоявшее из посла Осипа Георгиевича Непея и 16 человек; судно было, кроме того, нагружено товарами ценностью в 20 000 фунтов. Однако на обратном пути 20/10 ноября 1556 года оно потерпело крушение около Абердина. Сам Чанслер, его жена и семеро русских утонули, а большая часть товаров погибла.

«Bona Esperanza» была адмиральским судном во время плавания 1553 года. Его командир и весь экипаж, как уже было сообщено выше, погибли в начале 1554 года от болезни близ устья реки Арсины на Кольском берегу. Судно спасли и в 1556 году должны были воспользоваться им для перевозки вышеупомянутого посольства. После ожесточенной борьбы с бурей оно достигло гавани Трондгейма, но, покинув эту гавань, пропало, и о судьбе его ничего неизвестно.

«Bona Confidentia» было так же, как и «Bona Esperanza», спасено после несчастной зимовки около устья Арсины, затем в 1556 году им также воспользовались для перевозки русского посольства из Архангельска, но оно потерпело крушение у норвежского берега, причем все люди потонули и весь груз погиб.

Из четырех судов, покинувших 2 августа 1556 года Двину, только «Филипп и Мэри» после зимовки у Трондгейма благополучно пришло в Темзу 28/18 апреля 1557 года

(A letter of master Henrie Lane to the worshipfull master Willian Sanderson, containing a briefe discourse of that which passed in the north-east discoverie, for the space of three and thirtie years. Purchas, III, стр. 249.) *(Прим. автора.)*

217 Hamel, Tradescant der ältere, стр. 106. Hakluyt, 1-е изд., стр. 326. The voyage of the foresaid M. Stephen Burrough An. 1557 from Colmogro to Wardhouse, etc. На это путешествие Борро было обращено мало внимания, но из него видно то замечательное обстоятельство, что голландцы уже тогда вели обширную торговлю с русской Лапландией. В описании этого путешествия помещен и перечень лапландских слов вместе со сведениями о ценах и о товарах, наиболее подходящих для торговли с населением Кольского полуострова. *(Прим. автора.)*

218 В собрании Hakluyt включено два рассказа об этом путешествии (стр. 466 и 476). Копия дневника Пита была найдена несколько лет назад вместе с книгами, смерзшимися с другими остатками экспедиции Баренца, на северо-восточном берегу Новой Земли. Материал этот не опубликован, но в 1876 году сохранялся еще у консула Рейна в Гаммерфесте. *(Прим. автора.)*

Предметы экспедиции Баренца, найденные в Ледяной Гавани на Новой Земле Карлсеном в 1871 году и Гардинером в 1875 году, были позже переданы в музей в Гааге. *(Прим. ред.)*

219 Хайпудырская губа. *(Прим. ред.)*

220 Такие морские знаки, следовательно, ставились русскими на Новой Земле уже триста лет тому назад. *(Прим. автора.)*

221 Обычно предполагают, что Пит вошел в Карское море через Югорский Шар. Что мне-

ние это ошибочно, видно отчасти из того, что Пит нигде не упоминает, что он проходил через длинный и узкий пролив, отчасти же из рассказа Пита о множестве виденных им во время плавания островов и, наконец, из того, что он обогнул западную оконечность острова Вайгач с юга. Если не считать небольших скал вблизи берега, то с южной стороны Вайгача нет никаких островов. Во время плавания на восток от Медынского заворота, Пит принял землю к югу от Югорского Шара за Вайгач, и измерения лотом 29/19 июля были произведены в губе у устья одной из впадающих здесь в море небольших рек. *(Прим. автора.)*

[222] В записках общества Hakluyt про Джекмэна сообщается следующее (2-е изд., 1, стр. 453): „«William» с Чарльзом Джекмэном прибыл в норвежскую гавань между Трондгеймом и Роштоком 1 октября 1580 года и там перезимовал. Отсюда Джекмэн в следующем феврале отправился на судне, принадлежавшем датскому королю, в Исландию, и с тех пор о нем уже больше ничего не слышали". Приблизительно в это же время одно английское судно потерпело крушение у устья Оби, причем весь экипаж его был перебит ненцами. Высказывалось предположение, что это могло быть судно Джекмэна (Purchas, III, стр. 546; H a m e l, стр. 238). Однако более вероятно, что корабль, подвергшийся такой несчастной участи, принадлежал Московской компании и быть судно Джекмэна (Purchas, III, стр. 546; и Джекмэна с целью проникнуть на восток от Печоры. Участниками этой экспедиции были Джемс Бэссендайн, Джемс Вудкок и Ричард Броун, но подробностей об этом путешествии

неизвестно никаких, кроме очень разумных инструкций, выработанных для путешествия (Hakluyt, 1-е изд., стр. 406). *(Прим. автора.)*

[223] Никакого названия, похожего на это, я на современных картах найти не мог. *(Прим. автора.)*

[224] A chronological history of voyages into the arctic regions, London, 1818, стр. 99. *(Прим. автора.)*

[225] Blavius, Atlas major, т. 1, стр. 24 и 31, 1665. *(Прим. автора.)*

[226] Его, собственно звали Виллем Барентсон (Barentszoon); впрочем, имя пишется и Barentz, Barendsz., Bernardssoon и т. д. Три путешествия Баренца описаны Герритом Де-Фером в труде, впервые вышедшем в Амстердаме в 1598 году на голландском, латинском и французском языках. Название на французском языке: «Vraye Description de Trois Voyages des Mer tres admirables faicts... par les navires d'Hollande et Zelande au nord... vers les Royaumes de China et Catay etc». Позднее труд этот много раз переиздавался на различных языках, частью самостоятельно, частью в сборниках путешествий de Brys, Purchas и др. См. об этом P. A. Tiele, Mémoire bibliographique sur les journaux des navigateurs Néerlandais, Amsterdam, 1867. *(Прим. автора.)*

Русский перевод сочинения Де-Фера вышел в свет в Издательстве Главного управления Северного морского пути в 1936 г. (Де-Фер, Плавания Баренца 1594—1597). *(Прим. ред.)*

[227] Остров получил название от двух стоявших на нем больших крестов. Это указывает на то, что русские посещали и северные части

Новой Земли раньше западноевропейцев. *(Прим. автора.)*

[228] Имя Оливера Брюнеля так часто встречается в отчетах о первых путешествиях на Новую Землю, и человек, носивший это имя, повидимому, имел такое большое влияние на развитие торговых сношений с Россией и на посылку экспедиций с целями открытий в Северный ледовитый океан, что я в нескольких словах расскажу о его судьбе, главным образом руководствуясь трудом S. Müller, Geschiedenis der Noordsche Compagnie; Utrecht, 1874, стр. 26.

Оливер Брюнель родился в Брюсселе и в 1565 году отправился на русском корабле из Колы в Холмогоры, чтобы научиться русскому языку и познакомиться с местными условиями торговли. Но англичане, которые, естественно, энергично противодействовали всякому вторжению в новооткрытую ими область торговли, убедили русских задержать Брюнеля на несколько лет в тюремном заключении. В конце концов его освободили или, вернее, передали богатым купцам Якову и Григорию Аникиевым (Строгановым). Следствием этого было то, что Брюнель стал принимать участие в экспедициях, посылавшихся этим торговым домом, который приобрел со времени открытия Сибири мировое историческое значение. Эти морские и сухопутные экспедиции в ближайшие части русских владений в Азии дали Брюнелю возможность хорошо познакомиться с Ледовитым океаном и Обской губой. При посредничестве Брюнеля завязались, кроме того, и прямые сношения между Голландией и названным крупным торговым домом, который, если не

de jure, то de facto был почти полновластным хозяином на огромных пространствах. В связи с этим Брюнель всеми силами содействовал открытию голландского мореходства в Белое море и основанию голландской фактории, но не на занятом английской факторией Розовом острове, а на месте, где расположен современный Архангельск. После этого Брюнель принял участие в подготовке русской экспедиции на северо-восток, для которой Строгановыми были взяты на службу шведские мастера-кораблестроители. Брюнель сам ездил сухим путем в Голландию вербовать людей для экипажа.

Множество подробностей относительно этого предприятия Брюнеля заключается в письме Джона Балака к Герарду Меркатору, помеченном «Arusburgi ad Ossellam fluvium», 20 февраля 1581 года. Письмо напечатано во 2-м издании записок Hakluyt, 1598 года, ч. I, стр. 509. Но едва Брюнель вернулся на свою родину, как планы его изменились и он захотел предоставить своему собственному отечеству честь и выгоду этого предприятия. Таким образом была сделана первая попытка голландцев достигнуть северо-восточным путем Китая и Японии. Впрочем, мы про это путешествие знаем только то, что Брюнель напрасно пытался пройти через Югорский Шар и что судно его, богато нагруженное мехами, слюдой и горным хрусталем, потерпело на обратном пути крушение у устья Печоры (Beschryvinghe vander Samoyeden Landt in Tartarien etc., Amsterdam, 1612, S. Mullers photolit. repr. 1878). Слюда и горный хрусталь были, вероятно, вывезены с Урала, так как в области Печоры этих минералов нет. После этого Брюнель поступил

на датскую службу. Имеются сведения, что некий Оливер Брюнель в царствование датского короля Фридриха II предложил свои услуги для отыскания Гренландии и в 1583 году получил право поселиться в Бергене с освобождением на шесть лет от всяких податей (см. Grönlands historiske Mindesmaerker. Kjöbenhavn, 1838, т. III, стр. 666). *(Прим. автора.)*

[229] Возможно, что это губа Саханиха русских. *(Прим. автора.)*

[230] Voyagie, ofte Schip Vaert, van Jan Huyghen van Linschoten, van by Noorden om langes Noorwegen de Noortcaep, Laplant, Vinlant, Ruslandt... tot voorby de revier Oby. Franeker, 1601. Второе издание вышло в Амстердаме в 1624 году, а извлечения помещены у Saeghman'a в сборнике путешествий 1663 года. Путешествие это также описано в Blavii Atlas major, 1665 г. Линшотен был на корабле «commis», должность, включавшая одновременно как обязанности приказчика, так и доверенного лица хозяина. *(Прим. автора.)*

[231] Это Югорский Шар. Название это встречается также в искаженном виде (Wegorscoi tzar) на карте Исаака Масса 1612 года, которая, по сообщению издателя, является перепечаткой русской карты. *(Прим. автора.)*

[232] Оба эти путешествия описаны Де-Фером и Линшотеном в вышеупомянутых сочинениях. *(Прим. автора.)*

[233] Возможно, что это искаженное «Мангазея» и что, следовательно, имелась в виду река Таз. *(Прим. ред.)*

[234] Эти замечательные показания напечатаны также и в ранее упомянутом труде Линшотена, изданном в 1601 году, и потому не

могут быть вымышленными. Они также указывают на то, что Таймыр был населен ненцами и что география этой области была им хорошо знакома. *(Прим. автора.)*

[235] Описание этого путешествия составляет главную часть вышеупомянутого труда Де-Фера. Несомненно, что приключения во время первой зимовки человека в таких высоких широтах главным образом и обеспечили труду Де-Фера необычайную популярность и перевод его на столько иностранных языков. *(Прим. автора.)*

[236] Решение, касающееся определения этой премии, можно найти в «Extract uit het Register der Resolutien van de Hoog Mogende Heeren Staten Generael der Vereenigde Nederlanden», Folio 158 v. 13 April 1596. *(Прим. автора.)*

В оригинальном издании труда Норденшельда здесь приводится пространная выдержка на голландском языке. *(Прим. ред.)*

[237] Вероятно, каждый полярный мореплаватель когда-нибудь сделал такую же или похожую на эту ошибку. В 1861 году, например, мне самому пришлось с лодки видеть матросов в зюдвестках и робах, ставивших на близлежащем мысу морской знак. Но морской знак оказался отдаленной горой, рукава роб образовались из снежных полей, зюдвестки — из верхушек скал, а впечатление движения давало колебание воздуха. *(Прим. автора.)*

[238] См. копию с карты Баренца, с указанным на ней курсом. Карта эта помещена в труде Понтана — P o n t a n u s, Rerum et urbis Amstelodamensium historia, Amst., 1611. *(Прим. автора.)*

[239] Принимая горизонтальную рефракцию около 45′. *(Прим. автора.)*

[240] См. сочинение Де-Фера, стр. 25, и в Blavii Atlas Major, т. I, ненумерованный лист между стр. 30 и 31. Ошибки не могло быть, так как высота полюса была определена верно измерением высоты солнца 29/19 февраля, 21/11 и 31/21 марта (см. Де-Фер, стр. 27). Кроме того, 3 февраля/24 января наблюдалась конъюнкция Юпитера и луны. Из этого наблюдения вывели, что разность долгот между Ледяной Гаванью и Венецией составляет 75°. Хотя этот вывод и неверен, тем не менее он доказывает правильность счета дней. *(Прим. автора.)*

[241] Здесь же стояли весы, сделанные в 1582 году первым воеводой в Коле и предназначенные для норвежцев (Hamel, стр. 66). В труде Понтана (Pontanus, Rerum et urbis Amstelodamensium Historia, Amsterodami, 1611, стр. 142) нарисован гостиный двор и прием потерпевших кораблекрушение голландцев. *(Прим. автора.)*

[242] «Главный лоцман для открытий на Оби». *(Прим. переводчика.)*

[243] Purchas, III, стр. 530 и 534. *(Прим. автора.)*

[244] Purchas, III, стр. 539. *(Прим. автора.)*

[245] Purchas, III, стр. 804 и 805. *(Прим. автора.)*

[246] S. Muller, Geschiedenis der Noordsche Compagnie, Utrecht 1874, p. 185. *(Прим. автора.)*

[247] Ф. фон-Аделунг (F. v. Adelung, Kritisch-Litterärische Uebersicht etc.) неправильно называет 1647 год. *(Прим. автора.)*

[248] Упоминается о следующих изданиях: четыре французских — Париж 1671, 1672, 1676 и Амстердам 1708; шесть немецких — Гамбург 1675, Лейпциг 1703, 1706, 1710, 1711 и 1718; латинское — Глюкштадт 1675; два голланд-

ских — Амстердам 1681 и 1685; итальянское, помещенное у Conte Aurelio degli Anzi's Il Genio Vagante, Parma, 1691; два английских — одно самостоятельное, 1706 года, и другое, напечатанное у Harris, Navigantium atque Irinerantium Bibl. 3-е изд., London, 1744, 48, т. II, стр. 457. *(Прим. автора.)*

Русский перевод с комментариями В. Н. Семенковича был опубликован в записках Московского археологического института (том XV, 1912). *(Прим. ред.)*

[249] В. Н. Семенкович (см. предыдущее примечание) в значительной мере снимает с Де-ла-Мартиньера обвинение в распространении лживых сведений. В частности то, что Де-ла-Мартиньер рассказывает о положении норвежских крестьян, вполне согласуется с существовавшим в те времена феодальным строем. *(Прим. ред.)*

[250] Рассказ про три узла ветра взят из Олая Магнуса (Olaus Magnus, De gentibus septentrionalibus, Roma, 1555, p. 119).

Там дается изображение этих узлов. *(Прим. автора.)*

[251] В оригинальном издании труда Норденшельда опечатка: вместо 1668 года стоит 1688 год. *(Прим. ред.)*

[253] Это были Томас, герцог Йоркский, жительность морских вахт составляла, как и в настоящее время, 4 часа. *(Прим. ред.)*

[253] Это были Томас, герцог Йоркский, лорд Берклей, сэр Джозеф Виллиамсон, сэр Джон Бэнкс, мистер Сэмюэль Пипс, капитан Герберт, мистер Дюпей и мистер Хупгуд (Harris, Nav. Bibl., vol. II, стр. 453). *(Прим. автора.)*

[254] «All I could do in this exigency was to let the brandy-bottle go round, which kept them allways fox'd till the 8th July captain Flawes came so seasonably to our relief» (Barrow, A chronological history of voyages into the arctic regions, London, 1818, стр. 268). *(Прим. автора.)*

[255] A letter, not long since written to the Publisher by an Experienced person residing at Amsterdam etc. (Philosophical Transactions, vol. IX, p. 3, London, 1674). *(Прим. автора.)*

[256] Вероятно, пан Лапоцкий. *(Прим. переводчика.)*

[257] A summary Relation of what hath been hitherto discovered in the matter of the North-East passage, communicated by a good Hand (Phil. Trans., vol. X, p. 417, London, 1675). *(Прим. автора.)*

[257] A summary Relation of what hath been было совершено, в письме не имеется. Гаррис сообщает, что ему с большим трудом удалось определить время этого удачного путешествия, которое он относит к 1670 году. Он говорит далее, что лица, доставившие ему это сообщение, также передавали, что плавание к северу от Шпицбергена («Гренландия») было безопасно и что много голландских судов действительно плавали в этих водах. Для подтверждения этих сообщений купцы просили, чтобы были просмотрены журналы гренландского торгового флота за 1655 год. При просмотре семи судовых журналов оказалось, что суда достигали 79° сев. шир. В трех других журналах единогласно утверждалось, что 1 августа 1655 года наблюдали широту 88°56′. Море было здесь свободно от льдов и волнение очень сильное (Harris, Nav. Bibl., II, стр. 453).

И. Р. Форстер (J. R. Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffsfahrten im Norden, Frankfurt a. d. Oder, 1784) предполагает, что путешествие на восток от Новой Земли следует отнести ко времени до 1614 года. Вероятнее всего, что здесь идет речь о замечательном путешествии Фламинга в 1664 году или о путешествии 1666 года, о котором я уже сообщал выше. *(Прим. автора.)*

259 A btief discourse of a passage by the North-Pole to Japan, China etc., pleaded by three experiments; and answers to all objections that can be urged against a passage that way. As: 1) by a navigation from Amsterdam into the North-Pole and two degrees beyond it; 2) by a navigation from Japan towards the North-Pole; 3) by an experiment made by the czar of Muscovy, whereby it appears, that to the northwards of Nova Zembla is a free and open sea as far as Japan, China etc. With a map of all the discovered lands neerest to the Pole. By Joseph Moxon, hydrographer to the King's most Excellent Majesty. London, 1674. *(Прим. автора.)*

260 В позднейшее время китобои стали скромнее в своих рассказах о достижении высоких северных широт. Один голландец, 22 года ходивший на китобойный промысел, рассказал, между прочим, во время встречи с Чичаговым в 1766 году в Бельзунде, что он сам однажды побывал под 81°, но что слыхал, что другие китобои были под 83° и видели за льдами землю. Но этому голландцу только однажды удалось видеть издали восточные берега Гренландии под 75° сев. шир. (Herrn v. Tschitschagoff, Russisch-kaiserlichen Admirals, Reise nach dem Eismeer, St. Petersburg, 1793,

стр. 83). Голландские шкиперы, проникавшие в начале XVI столетия на север от Шпицбергена до 82°, также говорили, что видели оттуда на севере землю (Müller, Geschiedenis der Noordsche compagnie, стр. 180. *(Прим. автора.)*

[261] Witsen (Витсен) на стр. 43 сообщает, что он беседовал с одним голландским моряком, Бенедиктом Клерком, служившим прежде на китобойном судне и затем попавшим в плен в Корее. Этот моряк уверял, что находили голландские гарпуны в китах, которых убивали у берегов Кореи. Голландцы занимались тогда китобойным промыслом только в северной части Атлантического океана. Находка эта, следовательно, доказывает, что киты могли проплывать из одного океана в другой. Так как известно, что эти огромные животные полярных морей не переходят из одного океана в другой через экватор, то в то время, когда еще не был решен вопрос о связи между Азией и Америкой, рассказ моряка приобретал особенно большое значение. На стр. 900 Witsen перечисляет также несколько случаев, когда в коже китов, убитых в северной части Атлантического океана, находили каменные гарпуны. Гарпуны эти могли принадлежать диким или незнакомым с железом племенам у Девисова пролива, или же народу, жившему у северных побережий Тихого океана. На Камчатке, задолго до того как европейцы стали заниматься китобойным промыслом в Беринговом море, в коже китов находили гарпуны, помеченные латинскими буквами (Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig, 1774, стр. 102). *(Прим. автора.)*

[262] Описание путешествия Вуда было в 1694 году напечатано в Лондоне типографами Королевского общества Смитом и Уолфордом (согласно сочинению Barrington. The possibility of approaching the North-Pole asserted, 2-ое изд., London, 1818, стр. 34). Я имел случай видеть извлечения из этого описания путешествия, помещенные у Гарриса и др. *(Прим. автора.)*

[263] По этому вопросу Баррингтон опубликовал множество описаний, собранных в указанном выше труде, вышедшем в двух изданиях. *(Прим. автора.)*

[264] Во многих местах в «Mitteilungen» за 1855—1879 гг. *(Прим. автора.)*

[265] Много раз в течение путешествия 1868 года наблюдалось, что тонкий ледяной покров образуется в ясную и тихую погоду и в открытом море, в области больших глубин. Но, принимая во внимание, что наибольшая плотность соленой воды не лежит выше точки замерзания этой воды, что лед — плохой проводник тепла, что прозрачный новообразовавшийся лед быстро покрывается снеговым покровом, препятствующим излучению, — мне кажется маловероятным, что ледяной покров на глубоких открытых местах утолщается настолько, чтобы устоять хотя бы перед слабой бурей. Даже мелкая гавань в Моссельбэй замерзла только в начале февраля, а последние дни января в этой гавани разыгралось такое сильное волнение, что все три судна шведской экспедиции едва не погибли — и это на 80° сев. шир. в конце января! Море тогда, вероятно, было открыто далеко на северо-запад.

У западных берегов Шпицбергена море зимой редко совершенно замерзает на расстоянии, которое может с берега охватить глаз. Даже в зимней гавани Баренца у северо-восточного побережья Новой Земли море в самое холодное время года часто оставалось более или менее свободным от льда, и слова Гудзона, что «неудивительно, что так много льда встречается мореплавателям в северной части Атлантического океана, когда на Шпицбергене столько проливов и заливов», доказывают, что он также не верил в образование льда в открытом море. *(Прим. автора.)*

Экспедиция на «Фраме» (1893—1896 годы), а также трансарктические перелеты Амундсена, Бэрда и Уилкинса показали несостоятельность гипотезы о наличии в центральной части Ледовитого океана даже летом сколько-нибудь значительных пространств открытой воды. Что касается толщины льда, образующегося в глубокой части Ледовитого океана вследствие замерзания воды, то она достигает не менее 3 м. Средняя же толщина полярного пака вследствие процесса торосообразования значительно превышает эту величину. *(Прим. ред.)*

[266] См. «The names of the places that the Russes sayle by from Pechorskoie Zavorot to Mongozey (Purchas, III, стр. 539). The voyage of the Master Josias Logan to Pechora and his wintering there, with Master William Pursglove and Marmaduke Wilson. Anno 1611 (прив. место на стр. 541). Extracts taken out of two letters of Josias Logan from Pechora to Master Hakluyt Prebend of Westminster (прив. место на стр. 546). Other obseruations of the sayd William Pursglove (прив. место на стр. 550)». В последней статье имеются

важные сведения о реках Оби, Тазе, Енисее, Пясине, Хатанге и Лене.

[267] Плавания русских мореходов XVI и XVII столетий представляют собою не менее «выдающиеся» путешествия, чем плавания упоминаемых Норденшельдом иностранцев, и, во всяком случае, русские добились больших практических результатов, нежели англичане и голландцы. Тот факт, что история не сохранила нам почти ни одного имени русского полярного морехода, ходившего в Обь, объясняется, конечно, только общим низким культурным уровнем России в те времена, но нисколько не умаляет заслуг русских мореходов XVI и XVII веков, коллективное имя которых занимает почетное место в «старейшем периоде истории морских путешествий на северо-восток». *(Прим. ред.)*

[268] Ричард Гаклюйт (1557—1616) был высокообразованным человеком, посвятившим свою жизнь главным образом собиранию и опубликованию сведений о различных путешествиях, предпринятых англичанами. Особой известностью пользуется его фундаментальный труд, изданный в трех томах под названием «Главные плавания, путешествия и открытия английского народа на море и на суше, сделанные в отдаленнейших углах земли за последние 1600 лет». Это собрание документов является ценнейшим источником по истории исследований полярных стран. В 1927—1928 годах труды Гаклюйта были переизданы в Лондоне в 10 томах. Сам Гаклюйт не успел опубликовать всех собранных им материалов, и это было сделано Самюэлем Перчасом (1577—1626), труды которого были пере-

изданы в Глазго в 1905 году в 20 томах. *(Прим. ред.)*

269 Шараповы Кошки у западного берега Ямала. *(Прим. ред.)*

270 Русские, в особенности староверы, строгим соблюдением поста ставили непреодолимую преграду для освоения далеких северных областей, где люди, чтобы избежать цынги, нуждаются в обильном питании свежим мясом. Несомненно, что религиозные предрассудки относительно известных кушаний и причинили гибель группе старообрядцев, которая переселилась в 1767 году на остров Колгуев. По той же причине, вероятно, окончилась неудачей и попытка обосноваться на Новой Земле, сделанная беженцами из Новгорода после его разрушения Иваном Грозным в 1570 году (Historische Nachrichten von den Samojeden und den Lappländer, Riga und Mietau, 1769, стр. 28). Сведения об этой группе старообрядцев впервые были напечатаны в Кенигсберге на французском языке в 1762 г. Автором был Клингстед, состоявший на русской службе швед, долго живший в Архангельске. *(Прим. автора.)*

271 Сведения эти нелепы и основаны на каком-нибудь недоразумении. Чтобы образовать такую кучу из моржей, потребовалось бы по крайней мере 50 тысяч животных, а такое количество, конечно, не могли в продолжение одного лета убить пятнадцать человек. Получается чересчур большое количество в 1500—3000 туш. Вероятно, вместо 90 должно было значиться 9, в таком случае куча должна была представлять приблизительно 500 тюленей и моржей. Собранные моржовые бивни весили

640 килограммов, что также говорит о добыче в 150—200 животных. *(Прим. автора.)*

[272] Witsen, стр. 915. Клингстед рассказывает, что в 1648 году 50 солдат с женами и детьми были переселены в Пустозерск и что воевода имел там такие хорошие доходы, что в 3—4 года мог скопить 12—15 тысяч рублей (Historische Nachrichten von den Samojeden etc., стр. 53). *(Прим. автора.)*

[273] Прекращение в XVII веке торгового мореплавания было вызвано исключительно административными мерами московского правительства, запретившего пользоваться морским путем в Обь под страхом смертной казни *(Прим. ред.)*

[274] Согласно Lütke, стр. 70, Hamel, Tradescant d. ältere, стр. 238, называет 1742—1744 годы. *(Прим. автора.)*

[275] На первой карте атласа, изданного в 1737 году Петербургской Академией наук, Новая Земля изображена в виде полуострова, выступающего из Таймыра к северу от реки Пясины. *(Прим. автора.)*

[276] Собственно, «штурман порутческого ранга». *(Прим. ред.)*

[277] На Дровяном мысу. *(Прим. ред.)*

[278] Фен — сильный ветер местного характера, дующий с гор и сопровождающийся резким повышением температуры и понижением влажности воздуха. Явление фена лучше всего изучено в Швейцарии. *(Прим. ред.)*

[279] Эти замечательные путешествия были впервые описаны на основании рассказов Циволки академиком К. Е. Бэром в Bulletin scientifique publ. par. l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, T. II, №№ 9, 10, 11, 1837. До этих

пор, повидимому, в Петербурге не имели никакого понятия о путешествиях Пахтусова, самых замечательных в истории плаваний русских по Ледовитому океану. *(Прим. автора.)*

[280] Названный, как и суда Лазарева и Литке, «Новая Земля». Судно это было в 42 фута длиной, в 14 футов шириной, осадка составляла 6 футов, на носу и у кормы имелись палубы, а середину защищала от волн парусина. *(Прим. автора.)*

Подробные отчеты об экспедициях Пахтусова были опубликованы лишь в 1842 и 1844 годах в «Записках Гидрографического департамента», ч. I и II. *(Прим. ред.)*

[281] Это не совсем верно. Правительство отпустило на вторую экспедицию Пахтусова только 12 000 рублей, суда же были предоставлены Пахтусову за счет Клокова, финансировавшего и первую экспедицию Пахтусова. *(Прим. ред.)*

[282] Подробности о путешествиях Пахтусова заимствованы частью из вышеприведенного труда Бэра, частью из Карл Свенске. Новая Земля, и т. д., Петербург, 1866 (издано по-русски на средства М. К. Сидорова) и из I. Spörer, Nowaja Semlä in geographischer, naturhistorischer und volkwirthschaftlicher Beziehung nach den Quellen bearbeitet. Ergänz.-Heft № 21 zu Peterm. Geogr. Mitteilung., Gotha, 1867. *(Прим. автора.)*

[283] Bulletin scientifique publié par l'Académie Imp. de St.-Pétersbourg, T. II, 1837, стр. 315; III, 1838, стр. 96 и др. *(Прим. автора.)*

[284] Paul von-Krusenstern, Skizzen aus seinem Seemannsleben. Seinen Freunden gewidmet. Hirschberg in Schlesien, без обозначения года издания. *(Прим. автора.)*

[285] Purchas, III, стр. 462, 716 и др. *(Прим. автора.)*

[286] Сведения о быте русских промышленников на побережье Шпицбергена можно найти у: P. A. le Roy, Relation des aventures arrivées à quatre matelots russes etc., 1766; Tschitschagows Reise nach dem Eismeer, St. Petersburg, 1793; John Bagstrom, Account of a voyage to Spitsbergen 1780, London, 1808, (согласно сообщению; я этого труда не видел); B. M. Keilhau, Reise i Öst-og-Vest-Finmarken, samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen i Aarene 1827 og 1828, Christiania, 1831. A. Erman, Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, B. 13, стр. 260, 1854; K. Chydenius, Svenska expeditionen till Spetsbergen 1861 (стр. 435); Dunér och Nordenskiöld, Svenska expeditioner till Spetsbergen och Jan Mayen 1863 och 1864 (стр. 101). *(Прим. автора.)*

Первое из перечисленных сочинений появилось на русском языке в 1772 году. В 1933 г. оно было переиздано Арктическим институтом: Ле-Руа, Приключения четырех русских матросов на Шпицбергене. Л., 1933. *(Прим. ред.)*

[287] До 1858 года в Petermanns Mitteilungen было только раз напечатано сообщение о норвежском зверобойном промысле у Шпицбергена, о существовании которого в то время, вероятно, знали не очень многие европейские географы. *(Прим. автора.)*

[288] У западного берега южного острова Новой Земли. *(Прим. ред.)*

[289] Первое описание этого путешествия было дано в öfversigt af Svenska Vetenscaps-acad. förhandlingar för 1870, стр. 111. *(Прим. автора.)*

[290] Athenaeum, 1869, стр. 498; Petermanns Mitteilungen, 1860, стр. 391. *(Прим. автора.)*

[291] Добыча Пэллизера состояла из 49 моржей, 14 белых медведей и 25 тюленей: добыча зверопромышленников была значительно больше. Суда, вышедшие в том же году из Тромзе, напромышляли 805 моржей, 2302 тюленей, 53 медведей и т. д. *(Прим. автора.)*

[292] Сидоров также отправился в 1869 году в плавание на северо-восток на принадлежавшем ему паровом судне «Георгий». Он дошел только до Печоры, и сообщение, обошедшее печать, что «Георгий» прошел до Оби, основано на одной из тех ошибок, которые так легко проскальзывают в прессу. *(Прим. автора.)*

[293] Petermanns Mitteilungen, 1871, стр. 97. — Кроме плаваний Ульве, Мака и Квале, Петерман приводит плавание вокруг Новой Земли, совершенное Т. Торкильдсеном. Но тут Петерман оказался жертвой, вероятно, невольного обмана. Торкильдсен, в первый раз посетивший Ледовитый океан в 1870 году, несомненно обошел вокруг Новой Земли, но только в качестве спасшегося на судне Иоганнессена. Судно Торкильдсена «Альфа» потерпело 13 июля крушение в Карской губе, после чего шкипер и шесть матросов были приняты Иоганнессеном на его судно. Однако, вопреки указанию Петермана, Торкильдсену не было передано командование судном, которое его спасло (см. «Tromsö Stiftstidende», 1871, № 23). *(Прим. автора.)*

[294] Географическая широта этих островов указана неправильно, на самом деле они расположены между параллелями 76°21′ и 76°24′. *(Прим. ред.)*

[295] Tromsö Stiftstidende, 1871, № 83; Petermanns Mitteilungen, 1872, стр. 384.

[296] См. The three voyages of William Barents by Gerrit de Veer, 2-d edition with an introduction by Lieutenant Koolemans Beynen. London, 1876 (изд. Hakluyt Society, № 54). *(Прим. автора.)*

[297] Море непосредственно к востоку от Шпицбергена было в 1872 году, напротив, свободно от льдов, так что в этом году впервые удалось обогнуть большой, расположенный к востоку остров, который Дюнер и я видели уже в 1864 году с вершины Белой горы в глубине Стурфиорда. *(Прим. автора.)*

[298] Место не дает мне возможности касаться различных экспедиций, которые посетили Новую Землю, но не проникли дальше на восток, чем их предшественники. Сюда относятся, например, экспедиция Розенталя в 1871 году, в которой приняли участие в качестве естествоиспытателей известный путешественник по Африке и на Шпицберген Хейглин и норвежский ботаник Оге Огорд; рекогносцировочное путешествие Пайера и Вейпрехта в море между Шпицбергеном и Новой Землей в 1871 году и др. *(Прим. автора.)*

[299] См. Dunér och Nordenskiöld, Svenska expeditioner till Spetsbergen och Jan Mayen, 1863 и 1864, стр. 143. *(Прим. автора.)*

[300] Kongl. svenska Vetenskaps-akad. handlingar, 1869. *(Прим. автора.)*

[301] Это и в Моссельбэй было зимой 1872/73 года наименьшей температурой. На зимней стоянке «Веги» мороз был гораздо больше. *(Прим. автора.)*

[302] Место зимовки Тобисена находилось у острова Большого Заячьего. *(Прим. ред.)*

[303] У зверобоев было в обычае в важных или опасных случаях, когда трудно принять решение, предоставлять жребию сделать выбор. *(Прим. автора.)*

[304] Приводимые здесь сведения о зимовке Тобисена и его спутников заимствованы частью из копии, которую я снял с дневника Тобисена и его спутников, частью из рассказа о приключениях семи зверобоев, перепечатанном из «Finmarksposten» и «Aftonbladet» за 1873 г., № 220. Рассказ о награждении ненцев перепечатан из норвежских газет в «Aftonbladet» за 1880 г., № 197 (26 авг.). *(Прим. автора.)*

[305] Отмечаю следующие даты путешествия «Ymer» в 1876 году. Судно покинуло берега Норвегии 26 июля; пребывание в Маточкином Шаре, через который я тогда прошел в Карское море, продолжалось от 30 июля до 5 августа; прибытие в Енисей — 15 августа; приход на якорную стоянку у Гольчихи — 16 августа; начало обратного путешествия — 1 сентября; прохождение Маточкина Шара на обратном пути — 7 сентября. *(Прим. автора.)*

[306] Этот остров был уже известен русским. *(Прим. ред.)*

[307] Относительно плавания капитана Виггинса мне известно только, что первоначальной целью экспедиции была р. Обь, но из-за течений и мелей при устье этой реки он изменил план и направился к устью Енисея, куда и пришел в начале сентября. *(Прим. автора.)*

[308] Deutsche Geographische Blätter, Bremen, 1870, I — стр. 216, II — стр. 35. *(Прим. автора.)*

[309] Именно, по определению д-ра Чельмана, следующие:

Saxifraga oppositifolia L.
» rivularis L.
» caespitosa L.
Cardamine bellidifolia L.
Cochlearia fenestrata R. Br.
Ranunculus hyperboreus Rottb.
Stellaria Edwardsii R. Br.
Cerastium alpinum L.
Alsine macrocarpa Fenzl.
Sagina nivalis Fr.
Salix polaris Wg.
Glyceria vilfoidea (Ands.) Th. Fr.
Catabrosa algida (Sol.) Fr.
Aira caespitosa L.
Juncus biglumis L.

(Прим. автора.)

[310] Так называемый замор рыб. *(Прим. ред.)*

[311] Я могу вспомнить только единственный случай находки позвоночного животного, умершего естественной смертью, а именно когда в 1873 году, как упоминалось выше, я нашел у входа в пролив Гинлопен множество мертвых люриков на льду. *(Прим. автора.)*

[312] А. Е. Норденшельд, О космической пыли, падающей на земную поверхность с атмосферными осадками [A. E. Nordenskiöld, Om kosmiskt stoft, som med nederb örden faller till jordytan (öfversigt af Vet.-acad. förhandl., 1874, N 1) и «Redogöresle för den svenska polar-expeditionen 1872—1873 (Bihang till Vet.-akad. handl., Bd. 2, № 18, стр. 18)]. *(Прим. автора.)*

[313] Дождь из пепла в марте 1875 года наблюдался возле дворца Гага близ Стокгольма, т. е. на границе области распространения пепла, выброшенного вулканами Исландии. Только после объявления, напечатанного в га-

зетах, что шведская Академия наук просит присылать сведения о подобных же наблюдениях в других странах, стало известно, что такие же осадки имели место на очень большом пространстве средней Швеции и Норвегии. Пепел падал неравномерно, а местами, и притом несколько раз. Расстояние от Стокгольма до вулканов Исландии, где происходило извержение, приблизительно 2000 километров. *(Прим. автора.)*

[314] Д-р Чельман сообщил следующий список цветковых растений, собранных им в этой местности:

Cineraria frigida Richards
Potentilla emarginata Pursh.
Saxifraga stellaris L. f. comosa
» nivalis L.
» cernua L.
» rivularis L.
Chrysosplenium alternifolium L.
Cardamine bellidifolia L.
Draba corymbosa R. Br.
Papaver nudicaule L.
Ranunculus pygmaeus, Wg.
» hyperboreus Rottb.
» sulphureus Sol.
Stellaria Edwardsii R. Br.
Cerastium alpinum L.
Alsine macrocarpa Fenzl.
Salix polaris Wg.
Poa arctica R. Br.
Arctophila pendulina (Laest.) Ands.
Catabrosa algida (Sol.) Fr.
Colpodium latifolium R. Br.
Dupontia Fisheri R. Br.
Pleuropogon Sabini R. Br.

Aira caespitosa L.
Hierochloa pauciflora R. Br.
Calamagrostis lapponica (Wg.) Hn.
Alopecurus alpinus Sm.
Eriophorum angustifolium Roth.
» Scheuchzeri Hoppe
Carex aquatilis Wg.
» rigida Good
Juncus biglumis L.
Luzula hyperborea R. Br.
» arctica Bl. *(Прим. автора.)*

[315] Местоположение этого острова было определено Иоганнессеном неверно. На самом деле он находится под 77°33′ сев. шир. и 82° вост. долг. *(Прим. ред.)*

[316] H. Mohn, Die Insel Einsamkeit etc. с одной картой (Petermanns Mitteilungen, 1876, стр. 57). *(Прим. автора.)*

[317] Эта группа островов в настоящее время известна под названием архипелага Норденшельда. *(Прим. ред.)*

[318] Предположение Норденшельда о существовании к северу от мыса Челюскина земли подтвердилось в 1913 году, когда была открыта Северная Земля. *(Прим. ред.)*

[319] Русские географы сомневались в том, что Челюскин посетил мыс, названный в его честь. Например, Бэр говорит: «Darüber ist gar kein Zweifel, dass dieses Vorgebirge nie umsegelt ist und dass es auf einem Irrthum beruhte, wenn Laptew auf einer Seefahrt die Bucht, in welche der Taimyr sich mündet, erreicht zu haben glaubte. Seine eigenen späteren Fahrten erwiesen diesen Irrthum. Die Vergleichung der Berichte und Verhältnisse lässt mich aber auch glauben, dass selbst zu Lande man das Ende dieses Vorgebirges

nie erreicht habe, sonder Tscheluskin, um dieser, man kann wohl sagen, grässlichen Versuche endlich überhoben zu sein, sich zu der ungegründeten Behauptung entschloss, er habe das Ende gesehen und sich überzeugt, Sibirien sei nach Norden überall vom Meere umgränzt» (сообщение фон-Бэра в «Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien; Бэр и Гельмерсен, «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, IV, St. Petersburg, 1841, стр. 275). На следующей странице того же сочинения Бэр, впрочем, заявляет, что не придает особого значения показанию Страленберга, что Сибирь и Новая Земля соединены между собой, но, повидимому, все же придерживается того мнения, что между этими странами существует постоянный ледяной мост. *(Прим. автора.)*

[320] Этот гурий был обнаружен ледоколом «Ермак» в 1935 г. *(Прим. ред.)*

[321] Остров Преображения был впервые усмотрен участниками Великой северной экспедиции. *(Прим. ред.)*

[322] Согласно наблюдению с искусственным горизонтом на суше. *(Прим. автора.)*

Астрономический пункт Норденшельда находится на крайнем северном выступе мыса Челюскина, положение которого, по новейшим данным советских экспедиций, определяется координатами: 77°43′ сев. шир. и 104°17′ вост. долг. *(Прим. ред.)*

[323] Согласно наблюдениям с судна. Определения долгот, сделанные несколько часов до и после полудня, приведены к полуденному месту. *(Прим. автора.)*

[324] Д-р Чельман собрал здесь следующие 65 видов:

Saussurea alpina DC.
Gymnandra Stelleri Cham. & Schlecht.
Pedicularis hirsuta L.
Eritrichium villosum Bunge
Myosotis silvatica Hoffm.
Phaca frigida L.
Dryas octopetala L.
Sieversia glacialis R. Br.
Potentilla emarginata Pursh.
Saxifraga oppositifolia L.
» bronchialis L.
» flagellaris Willd.
» Hirculus L.
» serpyllifolia Pursh.
» stellaria L. f. comosa
» nivalis L.
» hieraciifolia Waldst. & Kit.
» punctata L.
» cernua L.
» rivularis L.
» caespitosa L.
Chrysosplenium alternifolium L.
Eutrema Edwardsii R. Br.
Parrya macrocarpa R. Br.
Cardamine bellidifolia L.
Cochlearia fenestrata R. Br.
Draba alpina L.
Papaver nudicale L.
Ranunculus pygmaeus Wg.
» hyperboreus Rottb.
» nivalis L.
» sulphureus Sol.
Caltha palustris L.
Wahlbergella apetala (L.) Fr.
Stellaria humifusa Rottb.
» Edwardsii R. Br.

Cerastium alpinum L.
Alsine macrocarpa Fenzl.
» rubella Wg.
Sagina nivalis Fr.
Oxyria digyna (L.) Hill.
Polygonum viviparum L.
Salix arctica Pall.
» reticulata L.
» polaris Wg.
Poa arctica R. Br.
» pratensis L.
Glyceria angustata R. Br.
» vilfoidea (Ands.) Th. Fr.
Arctrophila pendulina (Laest.) And.
Catabrosa algida (Sol.) Fr.
Colpodium latifolium R. Br.
Dupontia Fisheri R. Br.
Aira caespitosa L.
Hierochloa pauciflora R. Br.
Alopecurus alpinus Sm.
Eriophorum angustifolium Roth.
» russeolum Fr.
» Scheuchzeri Hoppe
Carex ursina Desv.
» aquatilis Wg.
Juncus biglumis L.
Luzula hyperborea R. Br.
» arctica Bl.
Lloydia serotina (L.) Reichenb.

(Прим. автора.)

[825] Перед отправлением в плавание я получил через шведское министерство иностранных дел открытые листы от русского правительства, в которых русским властям предписывалось оказывать нам всякое содействие в зависимости от обстоятельств. *(Прим. автора.)*

[326] Последующие плавания показали, что между Енисеем и Леной даже в прибрежной полосе состояние льдов может быть весьма тяжелым. *(Прим. ред.)*

[327] Это мнение Норденшельда не подтвердилось последующими наблюдениями. Наиболее серьезные затруднения со стороны льдов суда встречают в районе архипелага Норденшельда и у северных берегов Таймырского полуострова. *(Прим. ред.)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 1

Глава первая 55

Отплытие. — Тромзе. — Участники плавания. — Остановка в Мозе. — Границы лесов. — Климат. — Цынга и ее лечение. — Первое плавание вокруг Нордкапа. — Описание путешествия Отера. — Представления о географии Скандинавии в первой половине XV века. — Древние карты Севера. — Сообщение Герберштейна о путешествии Истомы. — Густав Ваза и северо-восточный путь. — Путешествия Виллоуби и Чанслера.

Глава вторая 85

Отплытие из Мозе. — Гусиная Земля. — Состояние льдов. — Суда экспедиции собираются в Хабарове. — Русские и ненцы. — Посещение Хабарова в 1875 г. — Покупка идолов. — Одежда и жилища ненцев. — Сравнение полярных народностей. — Посещение на острове Вайгач мест жертвоприношений и могил. — Древнейшие сведения о ненцах. — Их место в этнографии.

Стр.

Глава третья 121

Из жизни животных на Новой Земле. — Буревестник. — Люрик. —Кайра. — Частик. — Топорик. — Чайки. — Поморник — Крачка, или морская ласточка. — Гаги и гуси. — Лебедь. — Голенастые. — Снежный подорожник. — Белая куропатка. — Сова-белянка. — Северный олень. — Белый медведь. — Песец. — Пеструшка.—Насекомые.—Морж.—Тюлень. — Киты.

Глава четвертая. 191

Происхождение названий Югорский Шар и Карское море. — Правила плавания через Югорский Шар. — „Самая высокая гора на земле". — Якорные места. — Вход в Карское море. — Границы его. — Ледники Новой Земли. — Настоящие айсберги редки в некоторых частях полярных морей. — Природа Карского моря. — Животные, растения. — Плавание по Карскому морю. — Влияние льдов на морское дно. — Пресноводные диатомеи на морском льду. — Прибытие в гавань Диксона. — Местная фауна. — Жители у устья Енисея их и жилища. — Флора у гавани Диксона. — Беспозвоночные. — Поездка на Белый остров. — Ямал. — Прошлое посещение его. — Зимовка Нуммелина на Бреховском острове.

Глава пятая. 243

История путешествий на северо-восток с 1556 по 1878 год.—Борро, 1556 год.—Пит и Джекмэн, 1580 год. — Первое путешествие голландцев 1594 года. — Оливер Брюнель. — Второе путешествие 1595 года. — Третье путешествие 1596 года.—Гудзон, 1608 год. — Гордон, 1611 год. — Босман, 1625 год — Де-ла-Мартиньер, 1653 год. — Фламинг, 1664 год. — Снобберген, 1675 год. — Роуль достигает суши на севере от Новой Земли. — Вуд и Флоус, 1676 год. — Обмен мнений в Англии относительно состо-

Стр.

яния льдов в Ледовитом океане. — Показания о достижении высоких северных широт. — Мнения о характере Ледовитого океана продолжают быть различными. — Пайер и Вейпрехт, 1872 — 1874 годы.

Глава шестая 301

Плавания русских и норвежцев на северо-восток. — Родион Иванов, 1690 год. — Большая северная экспедиция 1734 — 1737 годов. — Мнимые ископаемые богатства Новой Земли. — Юшков, 1775 год —Савва Ложкин, 1760 год. — Розмыслов, 1768 год. — Лазарев, 1819 год. — Литке, 1821 — 1824 годы. — Иванов, 1822 — 1828 годы. — Пахтусов 1832 — 1835 годы. — Бер, 1837 год. — Циволка и Моисеев 1838 — 1839 годы. — Крузенштерн, 1860, 1861 годы. — История промыслов в Ледовитых морях. — Карлсен, 1868 год. — Эдуард Иоганнессен 1869, 1870 годы —Ульве, Мак и Квале, 1870 годы.—Мак, 1871 год. — Находка остатков зимовки Баренца. — Зимовка Тобисена в 1872/73 году. — Шведские экспедиции 1875 и 1876 годов. — Виггинс, 1876 год — Позднейшие путешествия на Енисей.

Глава седьмая 361

Отплытие из гавани Диксона. — Высадка на скалистый островок к востоку от Енисея.—Находка кристаллов на поверхности льдин. — Космическая пыль. — Стоянка в заливе Актиния. — Открытие Иоганнессеном острова Уединения. — Прибытие на мыс Челюскина. —Природа этой местности — Попытка пройти прямо на восток к Новосибирским островам. — Действие тумана. — Богатый улов драгой. — Остров Преображения. — Прощание с „Леной“ против устья реки Лены.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Внутреннее и внешнее оформление художника М. А. Таранова

Ответствен. редактор *М. М. Смирнов.*
Технический редактор *А. А. Соловейчик.*
Сдано в набор 16 января 1936 г.
Подписано к печати 4 июня 1936 г.
Бум. 62×94 см 74000 тип. зн. в бум. л.
Объем $7^1/_2$ бум. л.; 15 п. л.; 14 авт. л.
Тираж 10 000 экземпляров. Изд. № 47.
Ленгорлит № 12302. Заказ № 52.

Тип. „Коминтерн" и школа ФЗУ им. КИМ'а Ленинград, Красная ул., 1.

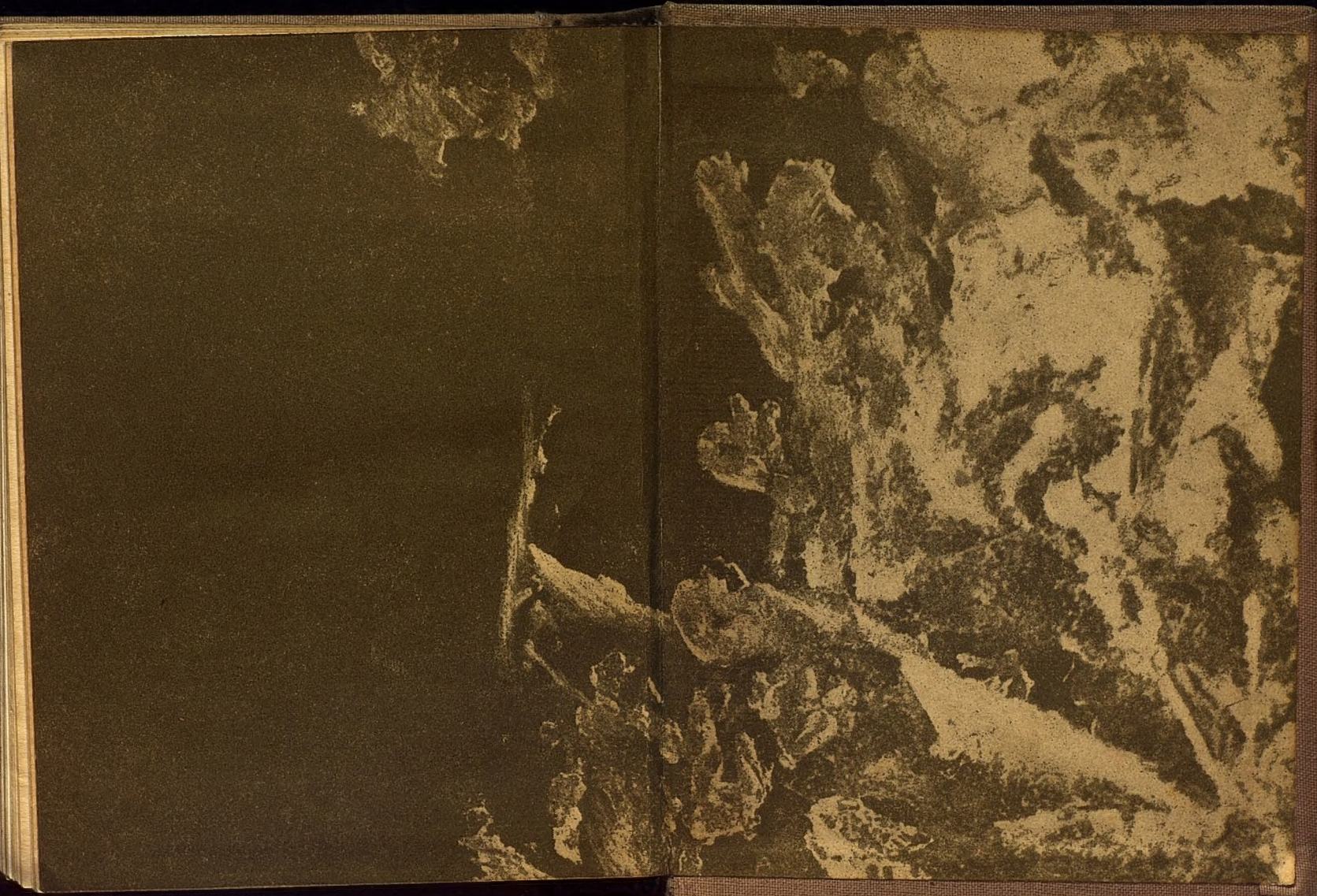
Цена за оба тома 12 руб.
Переплет 3 руб.

Карта Северной Европы Олая Магнуса (приложенная к его сочинению „История северных народов при различных условиях их жизни“ Базель, 1567 г.)

Карта Севера (из книги Якова Цинглера. Страсбург, 1532 г.)

Кабинет Севера

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Доб[illegible]ва



4004)12